

ЖАН МАРКАЛЬ

ХЭЛЛОУИН:

история и традиции

Jean Markale

HALLOWEEN:
histoire
et traditions

Сначала октября витрины магазинов заполняют странные предметы – тыквы с вырезанными глазами и ртом, маски вампиров, балахоны призраков, ведьминские шляпы и метлы... Их охотно раскупают дети и взрослые, чтобы вечером 31 октября в атмосфере карнавала отпраздновать Хэллоуин. Многие ошибочно думают, что этот обычай пришел к нам из США. На самом деле история Хэллоуина уходит корнями в ритуалы друидов, когда-то населявших древнюю Ирландию. Согласно их поверьям, в ночь Самайна – ближайшую к 1 ноября ночь полнолуния – мир мертвых ненадолго соединяется с миром живых; недаром у кельтов бытовала поговорка: «Смерть – всего лишь середина долгой жизни».

Жан Маркаль рассказывает, как появился и как с веками менялся этот обычай, пока не дожил до наших дней, захватив весь мир и став для наших современников поводом повеселиться, хотя мы уже не понимаем ни его первоначального смысла, ни его значения.

«Люди испокон веков старались хранить память об умерших, а в некоторых случаях превращали ее в настоящий культ... При всей своей индивидуальности человек не мыслит себя в отрыве от других людей, как живых, так и тех, кто ушел от нас в загадочный иной мир».

«Где же находится этот Иной мир? Он “везде и нигде”. Невидимое прячется за видимым, и, чтобы его обнаружить, достаточно обладать “двойным зрением”. В принципе этим даром владеют персонажи, прошедшие некий обряд инициации. Однако случаются моменты, когда обычные люди получают возможность взглянуть на этот невидимый мир и даже безнаказанно в него проникнуть».

ISBN: 978-5-907483-18-7

9 785907 483187

25
ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРОДЕЦ
www.gorodets.ru

Jean Markale

HALLOWEEN:
histoire et traditions

Éditions Imago
2020

Жан Маркаль

**ХЭЛЛОУИН:
история и традиции**

Москва, 2021

УДК 930.85
ББК 84(4ФРА)-44
М26

*Перевод с французского Марии Троицкой
Обложка Оксаны Викторовой*

Маркаль Ж.

М26 Хэллоуин: история и традиции. / Пер.
с фр. — М.: ИД «Городец», 2021. — 208 с.

С начала октября витрины магазинов заполняют странные предметы — тыквы с вырезанными глазами и ртом, маски вампиров, балахоны призраков, ведьминские шляпы и метлы... Их охотно раскупают дети и взрослые, чтобы вечером 31 октября в атмосфере карнавала отпраздновать Хэллоуин. Многие ошибочно думают, что этот обычай пришел к нам из США. На самом деле история Хэллоуина (сокращенное от All Hallows' Eve или All Saints' Eve — «Вечер всех святых») уходит корнями в ритуалы друидов, когда-то населявших древнюю Ирландию. Согласно их поверьям, в ночь Самайна — ближайшую к 1 ноября ночь полнолуния — мир мертвых ненадолго соединяется с миром живых; недаром у кельтов бытовала поговорка: «Смерть — всего лишь середина долгой жизни». Жан Маркаль рассказывает, как появился и как с веками менялся этот обычай, пока не дожил до наших дней, захватив весь мир и став для наших современников поводом повеселиться, хотя мы уже не понимаем ни его первоначального смысла, ни его значения.

© Éditions Imago 2020
© М. Троицкая,
перевод, 2021
© ИД «Городец», 2021

ISBN 978-5-907483-18-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наступает осенний вечер, точнее, вечер 31 октября. Холодный злой ветер гонит по небу тучи и срывает с деревьев последние сухие листья, которые, кружась, падают на мокрую землю. День клонится к закату. Спускаются сумерки — час, когда свет незаметно переходит в тьму, так что уже трудно отличить одно от другого. Вроде бы обычный осенний вечер. Но есть в нем нечто, что выбивает его из общего ряда, и это знают везде — в больших и малых городах, в деревнях и затерянных поселках.

Во-первых, люди — и мужчины, и женщины — которые возвращаются с работы, ведут себя не совсем как обычно. Они явно в приподнятом настроении. Многие по пути заглядывают в ближайший бар, но даже те, кто идет напрямик домой, знают, что завтрашний день будет особенным — он позволит хоть ненадолго прервать дьявольский рабочий цикл. Ах да! Завтра же выходной! День, который когда-то давно считался большим церковным

праздником и к большой радости граждан — как верующих, так и атеистов — сохранился в официальном календаре, даже после того как Франция стала республикой.

Этот праздник — День всех святых. В сознании многих людей он почему-то ассоциируется с чем-то печальным. В этот день они семьями ходят на кладбище и несут на могилы дорогих усопших букеты хризантем. Впрочем, сама погода в этот день ритуального почитания памяти умерших часто навевает тоску. Бодлер в одном из стихотворений написал, что «слезы и стоны осени» напоминают ему стук молотка, сколачивающего эшафот. Кстати, во французском языке про ненастную погоду говорят, что она «как в День всех святых», даже если на дворе весна.

Кроме того, стоит на улице стемнеть, как начинают происходить странные вещи. Кто-то стучит вам в дверь. Вы открываете и видите перед собой целую шайку мальчишек и девчонок, одетых в белые балахоны, с разрисованными лицами или в устрашающего вида масках, в ведьминских шляпах — и все они дружно ухают вам в лицо, требуя конфет, или пирожных, или яблок, или пару монет. В ваших интересах — не отказывать им, потому что в противном случае они наложат на ваш дом проклятье, а главное — вернутся ночью и не дадут вам спать, а то еще проберутся в ваши сны и наполнят их кошмарами. Да что же это такое?

И тут вы вдруг замечаете на подоконнике у соседей — если у вас есть соседи — гигантскую тыкву, судя по всему, вычищенную изнутри и изрезанную таким образом, что дыры в кожуре напоминают глаза и рот. Внутри колыхается огонек свечи, от чего вся конструкция выглядит еще ужаснее, напоминая какой-то жуткий череп; вам становится не по себе, тем более что спустя минуту вы обнаруживаете, что остальные соседи — если они имеются — как будто сговорились между собой и установили свои подоконники такими же чудищами. Что тут происходит, недоумеваете вы.

Ведь сейчас не карнавал и даже не Рождество! Хотя на Рождество никому и в голову не придет выставлять напоказ подобное непотребство. Но, несмотря на внешнюю атрибутику, это глубоко христианский праздник, и пусть никто из ныне живущих не понимает, что он означает, люди интуитивно чувствуют, что он связан не с прославлением смерти и всякой дьявольщины, а, наоборот, дает повод для веселья. Вы задаетесь вопросами и тут же вспоминаете, что пару недель назад витрины магазинов вдруг как по волшебству украсились удивительными сказочными фигурками, и каждая лавка старалась перещеголять других — если не отсутствием вкуса, то оригинальностью. Здесь и страхолюдные игрушечные черти, и ведьмы на метле или над горшком с зельем, и всевозможные монстры — плод больной фантазии, не говоря уже об искусственных скелетах,

ничем не отличимых от настоящих. А вы еще зайдите в кондитерскую! Там вам предложат пирожные в виде страшилищ, марципановых драконов, пряничных гномов, целый выводок цветных ископаемых ящеров, как будто шагнувших сюда прямо из «Парка Юрского периода», и заварные шу с кремом, больше похожие на призраки в смертном саване, чем на добропорядочные кочанчики капусты, в которых, по идее, должны находить младенцев. Повсюду вы будете наткаться на афиши, приглашающие на костюмированный бал или вечеринку «с запашком серы». Ну и, разумеется, в отделе овощей и фруктов прилавки будут завалены огромными тыквами, и некоторые из них будут изрезаны точно так же, как те, что пугали вас из соседского окна.

Справедливости ради отметим, что именно в это время года, перед самым наступлением зимних холодов, с полей и огородов убирают бахчевые культуры, в том числе тыквы, из которых матери семейств варят своим деткам «вкусный и полезный суп-пюре» — правда, есть его детки почему-то наотрез отказываются.

Как бы то ни было, начиная с вечера 31 октября во всех странах Западной Европы воцаряется удивительная атмосфера. Ничего подобного не наблюдалось почти на всем протяжении XX века. Все описанные выше ритуалы стали появляться лишь в последние десятилетия, зато начали распространяться со

скоростью пожара и, возможно, скоро догонят по популярности Рождество и Новый год, оставив позади полузабытую Масленицу. Пора назвать этот праздник по имени. Вы уже догадались, что мы имеем в виду Хэллоуин.

Представителям большинства народов это слово ни о чем не говорит: мы используем его, не понимая, что оно означает. Другое дело — народы англосаксонской культуры. Во-первых, это слово пришло из древнеанглийского языка, а во-вторых, жители Британских островов и Соединенных Штатов Америки никогда не прекращали отмечать сам этот праздник, считающийся национальным. Все так называемые народные праздники отличаются одним общим свойством — они с воодушевлением принимаются всем поголовно населением страны, вне зависимости от классовой принадлежности. Именно это мы наблюдаем в случае нашего загадочного Хэллоуина.

Для начала задумаемся о дате. Праздник приходится на ночь, предшествующую первому ноября, и это не случайно. В литургическом календаре Римской католической церкви канун 2 ноября — это день поминовения усопших. И это тоже не случайно.

В общественном сознании День всех святых, который по самой своей природе является радостным праздником, постоянно смешивается с днем поминовения мертвых. Вот почему люди в этот день

несут на кладбище цветы — в этом обычае находит отражение наше стремление вспомнить о тех, кого с нами больше нет, и почтить их память; иными словами, это нечто вроде почитания «культы предков», хоть мы и не называем его такими словами.

Римская католическая церковь, как и многие протестантские церкви, ни в коем случае не одобряя приверженности культу предков, всегда поощряла ритуальные действия, совершаемые 1 и 2 ноября. Иначе и быть не могло, поскольку концепция Дня всех святых основывалась на христианском догмате, согласно которому любой человек может после смерти попасть в Царствие небесное — если заслужит, конечно. Но вот чего Римская церковь не признавала, так это светского, карнавального характера Хэллоуина. Вот почему в 1999 году, в канун Дня всех святых, французский епископат опубликовал текст, сурово осуждающий празднование Хэллоуина как оскорбительного для достоинства церкви и принижающего высокий статус святых.

С точки зрения логики, эта позиция вполне объяснима, поскольку подобные празднества почти всегда сопровождаются некоторыми эксцессами и злоупотреблениями. Но вот с точки зрения богословия она не выдерживает критики, потому что противоречит некоторым архетипам, с одной стороны, послужившим основой этим карнавальным практикам, а с другой, признанным, пусть и в несколько

облагороженном виде, самой церковью, которая и не могла поступить иначе. На самом деле ошибкой было бы полагать, что *профанные ритуалы* Хэллоуина являют собой искаженную форму религиозных обрядов, совершаемых внутри святилища; в действительности, как мы покажем ниже, именно эти осуждаемые профанные ритуалы легли в основу христианских обрядов.

В любом случае осуждение со стороны французских епископов явно запоздало. В прошлом, Церковь не раз вмешивалась в самые разные сферы общественной жизни, даже те, которые ее не касались. Так, например, было с «Рождественским Дедом», объявленным языческим персонажем — несмотря на то, что его почитали во многих христианских семьях. В этом отношении католическая церковь повела себя так же непримиримо, как протестанты, в первую очередь кальвинисты, считавшие, что радостные праздники не только бесполезны, но и вредны, поскольку отвлекают верующих от их главной заботы — печься о собственном спасении. По мнению Паскаля, подобные праздники являются частью «вводящих в обман могучих сил», которые создают дымовую завесу между повседневной жизнью человека и высшей целью его существования. Тем не менее христианство, не в силах отворотить паству от этого праздника, каким бы он ни был, постаралось ввести его в нужные рамки и придать ему смысл, согласующийся с его основными догматами.

Однако в случае с Хэллоуином резкий всплеск интереса к профанным ритуалам, отмеченный во Франции в 1990-х годах, вызвал остро негативную реакцию епископов. Напомним кстати, что этимологически слово «епископ» означает «надзиратель» — не больше и не меньше (от древнегреческого *epi-skopein*, т. е. «наблюдающий сверху»).

Но тогда возникает вопрос: откуда это внезапное увлечение фольклорными мероприятиями, носящими откровенно дерзкий и макабрический характер и пронизанными целым рядом фантастических представлений, уходящих корнями в коллективную память? Обычно на этот вопрос отвечают, что мода на Хэллоуин пришла к нам из Америки. Действительно, с начала XX века, точнее говоря, со времени Первой мировой войны, положить конец которой европейцы смогли благодаря вмешательству США, по всей Европе — да и по всему миру — постепенно распространилось то, что принято называть «американской моделью»; после Второй мировой войны эта тенденция только усилилась. Влияние американской модели проявилось во всех областях, послужив как на пользу (в том числе в сфере науки и технологий), так и во вред (появление «адских башен» — небоскребов, интенсификация сельского хозяйства с неоправданно высоким применением химикатов и т. д.); но ярче всего оно проявилось в моде — несусветной глупости, достойной панургова стада.

Бесспорно, мода на Хэллоуин возникла в подражание тому, что издавна имело место в США. К счастью, находятся дети — в странных костюмах и с раскрашенными лицами — которые в ответ на вопрос, заданный вечером 31 октября: «Откуда к нам пришел этот праздник?» ясно и недвусмысленно отвечают: «Из Ирландии». И это действительно так, во всяком случае отчасти так. Даже если карнавальное действо под названием Хэллоуин появилось во Франции и других странах европейского континента под влиянием американской модели, это не отменяет того факта, что оно ведет происхождение из Западной Европы, точнее, с Британских островов, где оно всегда было в почете.

По зрелом размышлении это совершенно нормально: большинство американцев являются потомками европейских эмигрантов, в поисках лучшей доли перебравшихся через Атлантический океан. За исключением автохтонной индейской составляющей (подвергшейся значительному сокращению по вине тех самых колонистов-эмигрантов, охотно занимавшихся геноцидом коренного населения), американское общество представляет собой *melting pot*¹, в котором перемешались разные европейские традиции с заметным преобладанием англосаксонской и кельтской культур. Бесспорно, Нью-Йорк — самый

¹ Плави́льный котел (англ.). — Здесь и далее, если не оговорено особо, — прим. переводчика.

большой в мире ирландский город, и это заставляет предположить, что ирландский менталитет внес более чем весомый вклад в формирование группового сознания американцев, а ирландская культура оказала значительное влияние на популяризацию некоторых народных обычаев, сегодня воспринимаемых как чисто американские.

Но заимствование элементов чужой культуры никогда не происходит просто так: чтобы их проникновение в другую культуру состоялось, очевидно, требуется фундаментальный запрос принимающей стороны. Каждый феномен народной культуры — обычаи, верования, обряды — связан с коллективной памятью, иначе говоря, с базовыми мифами, которые сами по себе лишены смысла. Только конкретизация, то есть «воплощение» в определенной социальной среде, выраженное в приемлемой форме, способно наполнить их жизнью и сделать заметными.

Именно это и случилось с Хэллоуином. Начать с того, что это не единичный феномен, поскольку он распространен во многих странах мира, даже если люди, практикующие этот праздник-маскарад, понятия не имеют, что он на самом деле означает. Традиция Хэллоуина передавалась из поколения в поколение изустно. Это именно традиция, в строгом смысле слова, то есть «нечто, передаваемое от отцов к сыновьям», даже если ни отцы, ни сыновья уже не помнят, зачем и почему это «нечто» передают.

Единственными достоверными свидетельствами существования общей универсальной традиции, на протяжении тысячелетий подвергавшейся фрагментации, служат, быть может, ритуалы, устные сказания и поговорки. Часто их исходный смысл утрачен, и от них остается только костяк, на который могут наслаиваться предания, формирующие то, что Юнг назвал «архетипами», и то, что, на наш взгляд, скорее является основой бродячих мифологических сюжетов, утративших всякую логическую связь с исходным смысловым ядром.

Дело в том, что в этой конструкции напрочь отсутствует логика, как ее понимал Аристотель. Имеет значение только само событие — в нашем случае Хэллоуин — и его связь с тем, что его породило. Эту связь можно попытаться определить, изучив извилистую историю менталитетов на основе обрывочных данных, сохранившихся в различных источниках.

Что касается Хэллоуина, то все имеющиеся свидетельства, как прямые, так и косвенные, однозначно указывают, что этот обычай уходит корнями в историю кельтских островных народов. Там и следует искать его истоки.

Поэтому, если мы хотим понять смысл этого карнавального действия и его глубинную связь с христианским Днем всех святых как с одним из его проявлений, нам придется отправиться в путешествие в глубь веков — на поиски, если можно так выразиться,

утраченного (или, скорее, забытого) времени и исследовать его теневые зоны в надежде узнать не только, как менялся этот обычай, но и почему он вообще появился на свет. На этом пути нас будет ждать много удивительных открытий.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КЕЛЬТСКИЙ ПРАЗДНИК

САМАЙН

Так все-таки Хэллоуин — религиозный или светский праздник? В современном светском обществе этот вопрос приобретает особое значение, поскольку мы придерживаемся принципа, согласно которому повседневная жизнь гражданина никак не связана с его духовной жизнью, то есть принадлежностью к той или иной конфессии или школе философской мысли, потому что каждый гражданин имеет право думать что хочет. Этот принцип часто называют толерантностью, что не совсем верно. Дело в том, что во всех древних обществах духовная жизнь человека была неотделима от его материальной, бытовой жизни, и не существовало никакой разницы между *сакральным* и *профанным*; собственно говоря, оба эти термина не имели никакого смысла. Следовательно, мы вынуждены признать, что Хэллоуин был празднеством одновременно сакральным и профанным.

Само слово «Хэллоуин», бесспорно англосаксонского происхождения, появляется в результате разговорного «укорачивания» выражения *All-(saints)-even*,

что буквально означает «Всех (святых) канун» и намекает на некий «святой» или «сакральный» вечер. Вполне себе христианское толкование. Ясное и четкое.

Однако нам известно, что христианство возникло не на пустом месте. Как черенок к саженцу, оно было «привито» к античным религиям, имевшим свои обычаи и свои верования. Отцы Церкви вели долгую борьбу против пережитков язычества, а епископы прямо выступали против практик, признанных сатанинскими, что лишний раз доказывает: христианство так и не сумело избавиться от некоторых концепций, уходящих корнями во тьму веков. Будучи не в состоянии от них освободиться, христианская церковь их абсорбировала, в каком-то смысле выдав им «священный сертификат». Посмотрим на Рождество, которое приходится на период зимнего солнцестояния. Мы видим, что в нем воспроизводится модель «перевертыша», характерная для древнеримских Сатурналий, когда царь становится подданным, хозяин — рабом, а раб — хозяином. А что же происходит с Иисусом, этим *Воплощением Бога*? Он появляется на свет в самых отвратительных условиях, в какой-то жалкой пещере, обдуваемый холодным зимним ветром. Кстати сказать, эта пещера, в дальнейшем быстро преобразившаяся в хлев, заставляет нас вспомнить миф о Митре, восточном божестве, он же *Sol Invictus*², чудесным образом рожденном из пещеры девственной скалы, и как раз вечером 24 декабря.

² Непобедимое солнце (лат.).

Составляя свой литургический календарь, христиане опирались на то, что было под руками, то есть на календари так называемых языческих обществ, предшествовавших появлению христианства.

То же самое относится к дате 1 ноября, когда Церковь почитает всех святых — «бывших, ныне живущих и будущих». Несмотря на осторожность, с какой следует подходить к точным датировкам, слишком удобным, чтобы соответствовать реальности, мы не можем не заметить, что христианский День всех святых и карнавальное празднество Хэллоуина приходятся точно на тот временной отрезок, когда кельты под руководством друидов отмечали великий праздник Самайн.

ПРАЗДНИК САМАЙН В КЕЛЬТСКОМ КАЛЕНДАРЕ

Начиная с эпохи Высокого Средневековья вся жизнь в Западной Европе подчинялась ритму так называемого григорианского календаря (введенного Папой Римским Григорием XIII), который по сути представляет собой реформированный «юлианский» календарь, судя по всему, разработанный Юлием Цезарем. Это солнечный календарь: он делит год на 365 суток с четвертью, каждый четвертый (високосный) год добавляя одни лишние сутки, и точно охватывает период, за который Земля совершает оборот вокруг

Солнца. Это позволяет нам ежегодно отмечать некоторые праздники в одни и те же дни, например Рождество (25 декабря) некоторые другие менее знаменитые даты: Компьенское перемирие 1918 года — 11 ноября, а день взятия Бастилии — 14 июля.

Это удобно и практично, но не будем забывать, что начиная с самой древней Античности, если не с доисторических времен, существовали — и до сих пор существуют — и другие способы подсчета и упорядочивания дней года. Так, например, нас может удивлять, почему великий христианский праздник Пасхи не отмечается каждый год в один и тот же день (и не совпадает с православной Пасхой). Дело в том, что христианская церковь с момента своего возникновения старалась встроить свой литургический календарь в традицию, унаследованную от иудаизма: Страсти Христовы и Воскресение неразрывно связаны с еврейской Пасхой. Но древние евреи пользовались не солнечным, а лунным календарем, построенным на неизменном 28-суточном лунном цикле, то есть на временном отрезке, за который Луна совершает полный оборот вокруг Земли. Этим, кстати, во многом объясняются яростные споры по поводу датировки Пасхи между первохристианами (в частности, между обращенными островными кельтами и жителями континентальной Европы, подчинившимися Римской церкви)³.

³ См. на эту тему: J. Markale, *Le christianisme celtique et ses survivances populaires*, Paris, éd. Imago, 1986, и *Le Périple de saint Colomban*, Genève, éd. Georg, 2000.

У кельтских народов тоже был календарь лунного типа. Это известно нам благодаря, во-первых, бронзовому галльскому календарю, обнаруженному в виде 149 разбитых фрагментов в Колиньи (Франция, департамент Эн) и хранящемся в Археологическом музее Лиона, а во-вторых, множеству ирландских текстов на гэльском языке, переписанных христианскими монахами и явно опирающихся на изустную традицию. Эти данные позволяют нам установить, что год делился на 12 лунных месяцев по 28 суток в каждом, к которым добавлялся тринадцатый месяц, необходимый, чтобы лунный цикл совпал с солнечным. Отсюда следует, что ни один кельтский праздник, привязанный к лунному календарю, не мог отмечаться в фиксированную дату, как это происходит и с христианской Пасхой, из-за чего сдвигаются и два других праздника, непосредственно связанных с Воскресением, — Вознесение и Пятидесятница. Отметим также, что проблема кельтского календаря праздников далеко не так проста, и мы должны поместить Хэллоуин, то есть великий друидский праздник Самайн, в его исходный контекст. Если христианский календарь стремится к универсальности и своего рода вечному возвращению в одну и ту же точку, то календарь кельтов ориентировался скорее на взаимодействие между живыми существами и космосом, который представлялся им некой единой и неделимой сущностью.

Именно этой тесной связью между бытием и космосом объясняется восприятие течения годового

времени у кельтов. Однако в отличие от древних римлян год не делился у них на строго определенные, в каком-то смысле статичные, то есть чисто символические промежутки; он состоял из этапов, менявшихся в зависимости от космических ритмов, что можно сравнить с процессом неторопливого дыхания, представляющего собой неравномерное чередование вдохов и выдохов.

Казалось бы, для того чтобы пребывать в гармонии с этим космическим дыханием, достаточно точно определить самые заметные события солнечного года — дни летнего и зимнего солнцестояния и дни весеннего и осеннего равноденствия. Ничего подобного не наблюдалось у кельтов. Ни одно кельтское празднество не приходилось на дни солнцестояний или равноденствий⁴. Все четыре главные даты кельтского календаря отстояли от них на сорок – пятьдесят суток. Почему именно, мы не знаем, но не можем игнорировать этот факт. Если верить свидетельству Юлия Цезаря, подтвержденному другими греческими и латинскими источниками, друиды также много спорили о «светилах и их движении, о величине

⁴ В отличие от современных «неодруидов» и других кельтоманов, проводящих свои замысловатые обряды в день летнего солнцестояния. Ритуалы, связанные с солнцестоянием, гораздо более древние, уходят корнями в доисторические времена; судя по всему, они получили наибольшее распространение в бронзовый век. Одним из его отдаленных отголосков можно считать знаменитые «костры святого Иоанна». — *Прим. автора.*

мира и земли»⁵, следовательно, эти сдвиги не могут быть объяснены их незнанием астрономии. Друиды отлично знали что делают, и, хотя нам неизвестно, какими доводами они руководствовались, несомненно одно: свой календарь они строили в зависимости от лунного цикла.

С этим лунным циклом и его особенностями мы сталкиваемся повсюду. Так, по утверждению все того же Цезаря, друиды считали наступление темноты началом следующих суток⁶. Так же полагали иудеи, тоже жившие по лунному календарю. Кроме того, месяц, состоящий из 28 суток, у кельтов начинался в ночь полнолуния. Поэтому, когда мы говорим, что главные кельтские праздники приходились на 1 ноября, 1 февраля, 1 мая и 1 августа, мы упрощаем картину ради удобства. На самом деле каждый из этих праздников отмечался в ближайшую к указанной дате ночь полнолуния. Это важно помнить, если мы хотим понять природу и значение праздника Самайн.

Согласно древним ирландским текстам на гэльском языке, год у кельтов — во всяком случае населявших Британские острова, так как относительно континентальных кельтов у нас достоверных сведений нет, — делился на две равные части или, если можно

⁵ Записки о Галльской войне. Пер. М. Петровского.

⁶ Некоторые отголоски этого подхода сохранились в английском языке: слово *fortnight*, которым называют половину месяца, на самом деле означает «четырнадцать ночей». — Прим. автора.

так выразиться, на два времени года: темный сезон, т. е. зима, начинался в Самайн, 1 ноября, а светлый сезон — в Белтейн, 1 мая. Посередине каждого сезона кельты отмечали промежуточный праздник: Имболк — 1 февраля и Лугнасад — 1 августа. Но год традиционно начинался именно в Самайн.

И это не гипотеза, а факт, точно подтвержденный благодаря находке знаменитого календаря из Колиньи — единственного оставленного галлами материального свидетельства того, что у дохристианских кельтов существовал свой особый календарь. Впрочем, и к этому свидетельству следует отнестись с осторожностью, и вот почему. Во-первых, его наличие противоречит тому факту, что друиды принципиально не признавали письменность, а во-вторых, он был изготовлен в эпоху римского владычества, следовательно, мог представить подлинную кельтскую традицию в искаженном виде. Так, если мы сравним календарь Колиньи с ирландским календарем эпохи Высокого Средневековья, то будем горько разочарованы: единственное галльское слово — *Samonios* — совпадает в нем с гэльским *Samain*. Названия остальных месяцев в галльском календаре не имеют ничего общего с теми, что использовались в средневековой Ирландии и до сих пор входят в современный словарь гэльского языка.

Итак, на современном гэльском «ноябрь» будет *Samain*, что соответствует галльскому *Samonios*. Кое-какие отголоски *Samain* можно найти в названии месяца июня — *meitheamh* (на галльском — *Mehefin*, на

бретонском, он же армориканский — *mezheven*), что происходит от древнего *medio-samonios* («середина лета»). Названия остальных месяцев года являются либо заимствованиями из латыни (январь — *Eanair*, февраль — *Feabhra*, март — *Marta*, апрель — *Abran*, июль — *Iul*), либо носят описательный характер, как, например, сентябрь — *Mean Fomhair* («середина осени»), октябрь — *Deire Fomhair* («конец осени»), декабрь — *Min a Nodlag* («месяц Рождества»), либо повторяют названия древних кельтских праздников: *Beltaine* (май) и *Lunasa* (август). Очевидно, что в этих названиях нет ни малейшего сходства с теми, что фигурируют в календаре Колиньи, где *Riuros* означает «январь», *Anagantios* — «февраль», *Ogronios* — «март», *Cutios* — «апрель», *Giamonios* — «май», *Simivisonnos* — «июнь», *Equos* — «июль», *Elembivios* — «август», *Edrinios* — «сентябрь», *Cantlos* — «октябрь», а за месяцем *Samonios* идет *Dumannios* — «декабрь».

На современном гэльском слово *Samain* означает «ноябрь», что, бесспорно, связано с древним друидским праздником, который отмечали в начале лунного месяца, в ближайшее к 1 ноября полнолуние. А вот День всех святых, 1 ноября, называется *Lâ Samhna*, буквально — «день Самайн». Само это слово, появившееся в эпоху, когда его орфография еще не устоялась, встречается в разных вариантах: *Samain*, *Samhain*, *Samhuin*, даже *Samfuin*. Однако его значение остается неизменным — это всегда «угасание лета» или «конец лета». На северо-востоке Европы, территории с мягким

и влажным океаническим климатом, четко различимы всего два времени года — лето и зима, и этимология этих названий соответствует погодной реальности. Так, в Бретани (древней Арморике) в День всех святых начинается пора «черных месяцев»: ноябрь называется «*mis du*» (буквально «черный месяц»), а декабрь — «*mis kerzu*» («очень черный месяц»).

Датировка Самайна отсылает нас к древнейшей истории кельтов и позволяет найти возможное правдоподобное объяснение того, почему для этого праздника был выбран именно такой день. Для начала отметим, что наступление «черных месяцев» влекло за собой резкое изменение привычного хода жизни. Летом, в теплую погоду, стада выгоняли на пастбища, тогда как с приближением первых холодов, когда пастбища оскудевали, скотину приходилось на всю зиму загонять в хлев. Аналогичным образом дело обстояло у всех пастушеских народов, для которых домашний скот составлял главное богатство.

Изучение обильных материалов, относящихся к законам и обычаям кельтских народов, в том числе обычаям раннехристианской Ирландии, позволяет нам сделать вывод о том, что изначально кельтские народы были именно скотоводами. Вначале они вели кочевой образ жизни, потом постепенно перешли к оседлости, особенно на континенте, и занялись обработкой плодородных земель, попутно развивая земледельческие технологии, в частности изобрели железный лемех для плуга и машину, напоминающую

современный комбайн, — ее образец выставлен в музее немецкого города Трира. В эпоху Цезаря Галлия, как и Сицилия, была настоящей житницей, а галльский хлеб высоко ценился за его вкусовые качества.

Но если галлы стали земледельцами, вернее говоря, крестьянами, совмещавшими земледелие со скотоводством, то в Ирландии дело обстояло иначе. Еще и сегодня в сельском хозяйстве Ирландии преобладает животноводство. Это объясняется долгой традицией пастушества, проследить которую в социальной структуре тогдашнего общества можно благодаря многочисленным сохранившимся документам юридического или технического содержания, а также литературным источникам на гэльском языке.

Ирландия, никогда не входившая в состав Римской империи и долгое время остававшаяся в стороне от бурных событий, сотрясавших Европейский континент, представляет собой идеальный образец сохранности аутентичных традиций и обычаев, уходящих в глубины веков. На ее территории существовали небольшие независимые царства, точнее говоря, «племена» (*tuatha*) — наследники древних кочевых скотоводов, перемещавшихся по стране в поисках новых тучных пастбищ и постоянно рисковавших столкнуться с такими же племенами, кочевавшими с той же целью. Этим объясняется, почему на всем протяжении Средних веков в Ирландии не прекращались кровавые войны и почему все народы кельтского происхождения отличаются отсутствием стремления к сплочению.

Подобная «анархия» привела к порабощению кельтов противниками, сумевшими объединиться, такими как римляне, викинги, англосаксы, а затем англо-нормандцы. Можно сказать, что эта «родовая черта» обусловила слабость кельтов, но она же служит свидетельством уникальной попытки создания более справедливого, ответственного и равноправного общества⁷.

Не вдаваясь в подробности, напомним в общих чертах бытовавший у кельтов совершенно особый взгляд на отношения между коллективом и индивидуумом. Судя по всему, эти отношения в отличие от тех, что распространились в постиндустриальных обществах, сформировавшихся после XIX века, никогда не были конфликтными и основывались на признании прав и обязанностей каждого индивидуума в составе коллектива, на взаимном уважении, а главное — на осознании того, что человек может одновременно быть отдельной личностью и полноправным членом сообщества⁸.

⁷ Более подробно я разбираю эту тему в книге: *La Femme celte*, первое издание, Paris, 1972, перевод на немецкий, *Die Keltische Frau*, Munich, 1984, сокращенный перевод на английский, *Women of the Celts*, Rochester, Etats-Unis, 1992, второе французское издание, исправленное и дополненное, Paris, 1989, а также в книге *Le Roi Arthur et la Société celtique*, Paris, 1976, английское издание, исправленное и дополненное, *King of Kings*, Rochester, Etats-Unis, 1994. — Прим. автора.

⁸ Только социалист-утопист Шарль-Луи Фурнье в XIX в. предложил концепцию подобного образа жизни в своих работах, посвященных «фаланстерам» и «сродству душ».

У них не существовало индивидуальной собственности, только коллективная. Ничего похожего не было в Риме, где *pater familias*⁹ являлся единственным владельцем всего семейного имущества. По мнению кельтов, владение землей — нонсенс. Старая ирландская пословица гласит, что «королевство заканчивается там, где останавливается взгляд короля». На практике это означало, что земли принадлежат той группе, которая на них живет. Король при этом брал на себя роль «балансира», служил гарантом соблюдения договоренностей и справедливого распределения всех благ между членами общины, обязался защищать пастбищные угодья, необходимые для поддержания и увеличения поголовья стада — единственной основы благоденствия племени.

Пределы королевства или территории племени ограничиваются пространством, которое способен держать под контролем король (или предводитель клана, чтобы не употреблять слово «царек»), и последнему приходится противостоять другим «королям», вступающим с ним в борьбу ради выживания собственного племени. Но король (или царек, или предводитель клана) не всемогущ. Поэтому часть своих полномочий он делегирует тем, кого считает достойными возложенной на них миссии исходя из их компетенций и личных качеств. Это не означает, что «доверенное лицо» становится владельцем стада или пастбища;

⁹ Отец семейства (лат.).

на самом деле этот человек — всего лишь *управляющий* и потому обязан отчитываться в своих действиях перед другими членами общины и перед самим королем, отвечающим за согласие внутри коллектива.

Таким образом в древней Ирландии сложилась система, близкая к «договору найма»: король поручает одному из членов племени заботу о стаде и контроль над справедливым распределением имеющегося продукта между соплеменниками. Разумеется, в архаичном кельтском обществе существовали, если верить сохранившимся гэльским текстам, и другие формы договоров, касающиеся кузнецов, ответственных за выплавку железа и технический прогресс; воинов, без участия которых король не смог бы отразить набеги соперничающих племен; свинаярей, следивших на стадом свиной, так как основу мясного рациона кельтов составляла свинина; сборщиков ячменя — злака, использовавшегося в приготовлении пива, а впоследствии и виски; пасечников, державших ульи и поставивших общине мед, необходимый для изготовления медового напитка, считавшегося эликсиром бессмертия; на его основе также пекли хлеб и пироги и варили кашу — другой растительной пищи в то время кельты не употребляли.

Следует добавить, что основу пищевого рациона ирландских кельтов составляло молоко и его производные, но не в форме сыра (современные технологии производства сыра кельтам были неизвестны, да они и не смогли бы их применить в условиях слишком

влажного климата), а в форме простокваши (сквашенного естественным образом молока), творога и, конечно, масла. Когда корова переставала доиться, ее забивали, а мясо употребляли в пищу, но не в жареном, а в вареном виде; этот кельтский обычай широко распространился на все Британские острова — к великому разочарованию континентальных жителей и к великой радости поборников так называемого (неизвестно почему) диетического питания.

Помимо разведения крупного рогатого скота, в то время составлявшего основу экономической деятельности ирландских кельтов, а возможно, и не только ирландских, они занимались разведением свиней, поголовье которых ценилось почти так же высоко, как коровье стадо. В четвертой ветви цикла валлийских мифов, искусственно объединенных под общим названием «Мабиноги», упоминается о появлении свиней в обиходе островных бретонцев, прежде не знакомых с одомашненной версией этих животных и продолжавших заниматься «охотой на кабанов», столь дорогой сердцу Астерикса и Обеликса. По сравнению с кабаном домашняя свинья обладала неслыханной ценностью. Одомашнивание диких кабанов изменило жизнь кельтов и позволило им обеспечить собственное выживание на долгие века. Это событие нашло отражение в четвертой ветви валлийского цикла «Мабиноги», где появляется колдун Гвиддион — своего рода демиург, передающий людям божественные секреты. Древнеирландская традиция дает на этот

миф свой ответ: в тексте, озаглавленном «Пиршество бессмертия», ирландские боги за обе щеки уплетают свинину, что дарует им бессмертие. Эти боги — *Tuatha De Dannan* (народ богини Дану) — при Таильтиу вступили в битву с Сынами Миля, потерпели поражение и были вынуждены уступить землю Ирландии своим победителям, а сами укрылись в подземных убежищах (т. е. в мегалитических сооружениях), традиционно именуемых вселенной *сидов*.

Таковы были кельты, во всяком случае ирландские гаэлы — народ пастухов, разводивших крупный рогатый скот ради молока и мяса и свиней — ради достижения бессмертия. Именно они вернее всех других народов сохранили свои древние традиции.

Зная все это, мы можем понять, почему свой главный праздник эти народы отмечали в ближайшее к 1 ноября полнолуние: лето кончалось, и следовало защитить стада коров и свиней — не только источник богатства, но и необходимое условие выживания. После сбора урожая и заготовки сена домашних животных загоняли в хлев. Обеспечив себя необходимым продовольствием, община могла спокойно готовиться к наступлению «черных месяцев». Коровы будут давать молоко, а свиньи почти бесперебойно обеспечивать людей мясом. В одной из легенд говорится, что свиньи бога Мананнана (председествовавшего на знаменитом пиру *Tuatha De Dannan*) вечером были убиты, но на следующее утро возродились живыми и невредимыми.

Разумеется, это всего лишь легенда. Но легенды, т. е. этимологически *то, что следует передать дальше*, в символической форме выражают подлинную традицию, переходящую из поколения в поколение. Под каждой легендой лежит некая реальность, смысла которой мы не понимаем, потому что не имеем кода доступа. Несомненно одно: в обществе пастухов праздник Хэллоуина — наследник кельтского Самайна — занимает в календаре свое законное место: в конце лета, в начале зимы, чуть раньше или чуть позже 1 ноября.

РИТУАЛЫ САМАЙНА

Ирландский эпос и ирландские мифы сообщают нам множество подробностей о том, как протекал праздник Самайн, но, к сожалению, эти сведения часто хаотичны, лишены контекста, а порой и вовсе противоречивы. В первую очередь это относится к продолжительности празднества. В принципе речь идет о *ночи Самайн*, но следует понимать, что имеется в виду символическая ночь — как в случае Хэллоуина, который начинается 31 октября после захода солнца. Сохранившиеся тексты разноречивы. Встречается выражение «три дня Самайна» или «три ночи Самайна», и это указание соответствует краткой (неполной, но восстановленной) надписи в галльском календаре Колиньи: *Trinoux[tion] samon[i] sindiv[os]*, что

можно перевести как «три ночи Самониос начинаются сегодня¹⁰». Однако в других текстах говорится о трех днях до Самайна и трех днях после Самайна, из чего следует, что праздник продолжался семь дней.

Как бы то ни было, представляется несомненным, что участие в нем являлось «обязательным» — в христианском смысле слова. В саге «Рождение Конхобара» повествуется о том, что на протяжении «трех ночей до» и «трех ночей после» король Ульстера лично прислуживал в крепости Эмайн Маха своим многочисленным гостям, ибо «тот из улатов, кто не явится в Эмайн в ночь Самайн, утратит рассудок, и на завтра утром у него будет курган, могила и камень¹¹».

Абсолютно точное указание: все мужчины и женщины, принадлежащие племени, независимо от своего статуса, были обязаны присутствовать на празднестве. Новые доказательства находим в других текстах: «Да не придет король без королевы, вождь без супруги, воин без [...], да не придет ни простолюдин без сожительницы, ни трактирщик без спутницы, ни парень без возлюбленной, ни девица без парня, ни неумелый муж»¹². Во время этих бесконечных пирушек,

¹⁰ См.: F. Le Roux et Ch. — J. Guyonvarc'h, *Les Fêtes celtiques*, Rennes, éd. Ouest-France, 1995, pp. 78–80.

¹¹ Курган, или могильный холм, сооружали из камней и земли; могилой называли гроб, в который укладывали покойника, а камнем — врытую возле кургана плиту с надписью, чаще всего огамическим письмом. — *Прим. автора.*

¹² *Textes mythologiques irlandais*, Rennes, 1980, p. 157.

длившихся символические «три дня и три ночи», соблюдалась жесткая иерархия во всем, что касалось места за столом и подаваемых блюд и напитков, а женщины обычно сидели в отдельном зале, но тем не менее на празднике Самайн собирались все члены общины, будь то королевство или просто племенное объединение¹³.

Но самым замечательным было то, что «прогульщиков», не явившихся на празднование Самайна, ждала кара: они сходили с ума и умирали. Христианская церковь наказывала тех, кто пропускал воскресную мессу, далеко не так жестоко; бесспорно, они совершали грех, но всякий грех можно «искупить». Самайн — совсем другое дело. При этом важно отметить, что провинившегося наказывали не люди, а высшие божественные силы, с которыми не поспоришь. Очевидно, что это правило носило ту же природу, что и знаменитый «гейс», регулировавший личную и коллективную жизнь гаэлов. Термин «*geis*», родственный термину «*guth*» («слово») не поддается точному переводу (ближе всего по смыслу к нему термин «табу», но он принадлежит полинезийской культуре). Пожалуй, «гейсом» можно назвать волшебное заклинание с целью принуждения, накладываемое свыше обязательство, от которого нельзя отвертеться под страхом болезни, смерти или бесчестья (бесчестье, впрочем, в любом случае ведет

¹³ См. на эту тему: «L'Ivresse des Ulates» dans J. Markale, *La Grande Épopée des Celtes*, vol. 2 (*Les Compagnons de la Branche rouge*), Paris, éd. Pygmalion, 1997, и «Le Festin de Bricriu» dans le vol. 3 (*Le Héros aux cent combats*), Paris, éd. Pygmalion, 1998.

к болезни и смерти). Никто — ни король, ни друид, ни рядовой воин, ни последний пастух — не мог уклониться от страшного диктата *гейса*¹⁴.

В этом принуждении явственно виден религиозный характер Самайна, однако не будем забывать, что в ту эпоху различия между религиозным и светским, между сакральным и профанным не существовало. Самайн одновременно выполнял функцию мероприятия политического, законодательного, правового и, конечно, коммерческого, поскольку в его рамках происходило заключение всевозможных договоров. Историк XVII века Китинг, автор «Истории Ирландии», собравший в своем труде все, что сумел найти относительно происхождения гаэлов, делает однозначный вывод: «Пиршество в Таре представляло собой всеобщее сборище, напоминающее парламент. Каждые три года ученые мужи Ирландии встречались в Таре на праздновании Самайна, чтобы разработать или обновить правила и законы, а также одобрить содержание ирландских исторических хроник и архивов».

Но это был и военный праздник: «Каждому военачальнику, командующему войсками на службе короля или ирландских сеньоров, готовили особое место».

¹⁴ См.: Le Druidisme, Paris, Payot, 1985, издание на немецком: Die Druiden, Munich, 1986, издание на испанском: Los Druidas, Madrid, 1990, издание на итальянском: Il Druidismo, Rome, 1989, издание на английском, исправленное и дополненное: The Druids, priest of nature, Rochester, Etats-Unis, 2000.

Соблюдалась строгая иерархия: «Особое место готовили также каждому знатному ирландскому господину в зависимости от его ранга и исполняемой службы». На празднике Самайн царил строгий порядок: «Каждого, кто проявит грубость, что-то украдет, ударит другого или схватится за оружие, ждала смерть». В принципе гостей просили оставлять оружие за порогом; на время Самайна прекращались все конфликты и ссоры. Слишком воинственно настроенный гость, посмеявшийся нарушить этот закон, должен был заплатить за свою дерзость жизнью; «и только король, и никто иной, имел право его помиловать».

Но какой же праздник без веселья? «Согласно обычаю, они собирались и в присутствии короля вместе пили шесть дней, то есть три дня до Самайна и три дня после, заключая между собой мир и устанавливая дружеские отношения». Иначе говоря, ритуал включал и этот аспект и был праздником умиротворения и даже братства; складывается впечатление, что на время Самайна менялось само общество, приближаясь к идеалу. Именно тогда появляется понятие «общности», затем перекочевавшее в христианский День всех святых.

Но «общность» главным образом подразумевает, что человек будет делиться с другими пищей и питьем, — что мы и наблюдаем в эпизоде христианской Тайной вечери. То же происходило в Древней Греции во время Элевсинских мистерий в честь богини плодородия Деметры. Но в случае с Самайном эта

«общность» достигает наивысшей точки, что видно в том числе по неумеренному употреблению спиртного, о чем свидетельствует странное повествование, озаглавленное «Опьянение уладов». На Самайн король Ульстера Конхобар восседал во главе пиршественного стола в крепости Эмайн Маха: «Была подана сотня бочонков меда. Приближенные Конхобара говорили, что всем знатым уладам вместе взятым не справиться с таким количеством питья, хоть оно и было превосходным». Дальнейшее развитие сюжета вполне предсказуемо: улады напились в стельку. Меж ними было договорено, что ночевать они будут в крепости героя Кухулина, пригласившего их продолжить пир, но они заблудились, и их путь к цели обернулся долгим странствием по Ирландии, в ходе которого им пришлось пережить разные злоключения¹⁵.

Было бы ошибкой — к сожалению, часто допускаемой, — рассматривать эти попойки в чисто карикатурном ключе, заодно обвиняя горластых буянов галлов в «неразвитости»: якобы эти неисправимые выпивохи, хватив лишку, ссорились по пустякам и чуть что пускали в ход кулаки, как истинные дикари. Кельты, как островные, так и континентальные, действительно были — и остаются по сей день — любителями крепких напитков, но описания чрезмерных возлияний на самом деле являют собой символическое

¹⁵ См.: J. Markale, *Les compagnons de la Branche rouge*, vol. 2 de *La Grande Épopée des Celtes*, op. cit.

переосмысление того, что происходило в реальности. Можно утверждать, что пиршества Самайна, завершавшиеся всеобщим опьянением, в первую очередь представляли собой *оргии* в точном значении этого слова, т. е. неистовый всплеск коллективной энергии. Каждый индивидуум обладает этой энергией в потенциале, и иногда она просится наружу, для чего прибегают к различным ритуалам, в большей или меньшей степени связанным с магией. Мы привыкли считать оргию проявлением разврата, падением в «бездну порока», признаком вырождения. Безусловно, некоторые примеры современных оргий — всевозможные «свободные» вечеринки с групповым сексом и прочими прелестями — производят скорее тягостное впечатление своей вульгарной пошлостью, но в то же время нельзя не видеть, что за ними скрывается свойственное каждому человеку подсознательное стремление перехода в новое, более высокое состояние, пусть и осуществляемое сомнительными средствами. В действительности *оргия* — это *сакральный ритуал*, чью конечную цель мы, к несчастью, забыли, а она состоит в том, чтобы подняться над естественным человеческим состоянием, задействовать свои внутренние ресурсы и прикоснуться к чему-то если не божественному, то хотя бы сверхъестественному.

Праздник Самайн с его излишествами, обжорством и пьянством тесно связан с античной традицией поклонения богине всех начал, которую ирландские гаэлы называли Медб (или Мэйв), — героине

множества мифов и эпических произведений (одного обычно не бывает без другого) и заклятого врага уладов. На самом деле ее имя означает «пьянство», и во всех кельтских языках это слово имеет общий корень со словом «середина». Быть пьяным значит «находиться в середине», то есть на трудно определимой границе между реальным миром и миром воображаемым, между видимым и невидимым, между светом и тьмой, между абсолютным и относительным, между божественным и человеческим. В каком-то смысле ритуалы Самайна помогали «сорваться с крючка» обыденности и воспарить ввысь. Но разве не тот же смысл имеет празднование 1 ноября христианского Дня всех святых? В этот день человек входит в контакт не только с Богом, но и со всеми теми, кто сидит одесную Бога. Хэллоуин с его эскортом призраков располагается на той же границе, лишь только выглядит более «народным» и даже анекдотичным.

Попытаемся все же исследовать эти ритуалы чуть глубже. Обязательное участие всех членов общины вне зависимости от социального статуса каждого; абсолютный запрет не только на убийство, но и на любое проявление агрессии; «единение» и пьянство, призванные структурировать и направить в нужное русло энергию живых существ, — все это отражает лишь один аспект праздника Самайн. Пристальный взгляд на обычаи, известные нам из разных источников, бесспорно, побуждает нас выделить в них и другие особенности.

На пиру гостей угощали алкогольными напитками — медом, пивом, иногда вином. Это бесспорно. Вино было редким продуктом и доставалось только королям или вождям — его везли из Южной Галлии, а то и из Испании или Италии, и стоило оно очень дорого. К тому же всегда оставался риск, что за время долгого переезда оно скиснет. Поэтому в странах Северо-Западной Европы предпочтение отдавали пиву и меду. Островные кельты в основном варили ячменное пиво с добавлением солода и пряных трав, поскольку хмель в Ирландии не выращивали. Честно говоря, пиво, о котором говорится в разных сохранившихся текстах, было жутким пойлом, но это мало кого волновало, раз оно выполняло свою главную функцию — вызывало возбуждение и опьянение. Пожалуй, чуть получше был мед, но тут все зависело от ингредиентов, которые по мере возможности добавляли в основу, состоявшую из собственно меда и воды. При этом мед считался «напитком богов» — крепкий, сладкий, ароматный, он был «близнецом» древнегреческой амброзии и древнеиранской хаомы. В любом случае мед был сакральным напитком, что лишний раз подчеркивает религиозный характер праздника Самайн.

Не следует думать, что его участники только тем и занимались, что напивались вдрызг. Они также закусывали, и весьма плотно, и это еще одно свойство древней оргии: позволять себе излишества во всем, но лишь в исключительных случаях, по определенным датам, когда традиционные ценности если не

отвергаются, то переворачиваются с ног на голову, и когда разрешается то, что обычно запрещено, — как это происходило во время римских Сатурналий или средневекового христианского карнавала.

Немецкий кельтолог Куно Мейер опубликовал катрен, который на первый взгляд опровергает оргиастический характер Самайна. И правда, в нем описано довольно скромное «меню»: «Мясо, пиво, орехи, потроха — вот что едят в Самайн; жгут на холмах костры; пахта, хлеб и масло». Да, конечно, хлеб, масло и пахта (в Бретони именуемая «рибо»), а также потроха и орехи (только что собранные) составляли основу повседневного рациона кельтов, но в катрене ничего не говорится о том, в каком количестве все это поглощалось и какое подавалось мясо.

Скорее всего, это была свинина (или кабанятина). Даже в христианскую эпоху мясо свиньи считалось сакральным, если не магическим продуктом. В книге «Жизнь святого Колумбы», написанной в VII веке одним из его последователей в монастыре на острове Айона, мы читаем, что всю осень люди откармливали свиней, которых в начале зимы забивали. А еще вспомним сохранившиеся до наших дней и распространенные во всей Западной Европе ритуалы: деревенские застолья начала октября, когда режут свиней, всевозможные праздники «свиных ножек» или кровяной колбасы. Судя по всему, они пришли к нам из глубины веков.

Одной из главных забот человечества оставалось стремление выжить, что подразумевало хорошее — или

хотя бы не очень плохое — питание. В кельтском эпосе, запечатлевшем древнюю реальность, не всегда понятную нашим современникам, наглядно показаны преимущества эволюции — как материальной, так и духовной. Известно, что ирландские саги делятся на три категории. К первой (хотя ближайшей к нам по времени создания) относится цикл произведений, связанных с именем Оссиана, он же цикл Финна, уходящих корнями в палеолит и ледниковый период, когда люди ради выживания занимались охотой на оленей; собственно, вся история Финна Мак Кумала и его сына Ойсина (Оссиана) крутится вокруг оленя, чье имя они себе берут и на которого охотятся¹⁶. Это рассказ не только о фактических событиях, но и о почитании культа оленя, который более или менее осознанно перешел в практику псовой охоты, превратившуюся в настоящий жертвенный ритуал. Во втором, Ульстерском цикле, напротив, упоминается разведение крупного рогатого скота — единственного богатства племени и источника мясной и молочной пищи, явно связанное с культом Божественного быка¹⁷. Наконец, третий цикл — «цикл королей» — отражает ход

¹⁶ Подлинное имя Финна — Демнэ («замша»); его супруга Сабв половину года проживает в облике лани; имя его сына — Ойсин — означает «фазан»; имя его внука — Оскар («любящий оленей»). См. J. Markale, *Les Triomphes du roi errant*, vol. 4 de *La Grande Épopée des Celtes*, Paris, Pygmalion, 1998. — Прим. автора.

¹⁷ *Le héros aux cent combats*, vol. 3 de *La Grande Épopée des Celtes*. op. cit.

эволюции, поскольку в нем уже появляется одомашненная свинья, считавшаяся божественной пищей, дающей бессмертие. Свидетельство тому — «Повесть о свинье Мак Дато»¹⁸. Не забудем также о вымышленном народе *Tuatha Dé Danann*, укrywшемся под землей, во владениях *сидов*; они питались мясом «свиной Мананнана», тех самых, что, зарезанные накануне, утром возрождаются, и сохранили бессмертие.

На первый взгляд сакрализация свиньи кажется немного странной. Разумеется, кельты — и гаэлы, и бретонцы, и галлы — охотились на кабанов, которые в изобилии водились в лесах на Британских островах и на континенте. В кельтской традиции мы без труда обнаруживаем следы мифа о кабане, чаще всего представляющего в виде опасного и склонного к разрушениям божества. В цикле Оссиана упоминается чудовищный кабан из Бен-Булбана, которого — не без труда — загнали и убили *фианы* — воины и охотники, предводительствуемые Финном, Ойсином и Оскаром; впрочем, кабан успел погубить героя Диармайда¹⁹. Да и сам Финн в юности имел несчастье повстречаться с самкой дикого кабана весьма устрашающего вида. А вот в валлийской традиции мы находим роскошное подробнейшее описание охоты короля Артура

¹⁸ *Les Compagnons de la Branche rouge*, vol. 2 de *La Grande Épopée des Celtes*, op. cit.

¹⁹ *Les Triomphes du roi errant*, vol. 4 de *La Grande Épopée des Celtes*, op. cit.

и его рыцарей на дикого кабана Тверча Трвита. Кабан в этом повествовании представлен существом, явившимся из другого мира и чрезвычайно злокозненным.

Зато домашняя свинья приносит людям только хорошее, хотя и она является существом из другого мира, во всяком случае если верить двум повестям валлийского цикла «Мабиноги». В первой ветви цикла, озаглавленной «Пуйлл, властитель Диведа», король Пуйлл, будущий супруг великой богини Рианнон, после ряда странных происшествий приводит домой из таинственной страны Араун стадо свиней, дотоле неведомых на земле животных. В четвертой ветви «Мабиноги» под названием «Мат, сын Матонви» эти свиньи, описанные как превосходные животные, попадают в собственность к Придери, сыну Пуйлла, короля Диведа, то есть на юг Уэльса, где их у него крадет друид-колдун Гвиддион — к великой радости жителей королевства Гвинед, расположенного на северо-западе Уэльса²⁰.

Есть еще одна повесть, на сей раз ирландская и, по видимому, очень древняя, хотя в ней упоминается конфликт между христианством и верованиями друидов. В ней говорится о том, что свинья — волшебное животное. Фея по имени Син, принадлежащая племени Богини Дану, захотела отомстить королю Муирхертаху и околдовала его, но не только своими женскими чарами, а еще и волшебством. «Король указал ей на воды реки Бойн и попросил превратить их в вино. Она наполнила

²⁰ *La Fée Morgane*, vol. 4 du Cycle du Graal, op. cit.

речной водой три бочонка и произнесла над ними заклинание. Королю и его спутникам показалось, что они в жизни не пили вина вкуснее. [...] Затем она набрала папоротников и превратила их в свиней, мясом которых до отвала накормила воинов». Также эта молодая дама пообещала им, что будет вечно снабжать их свининой²¹.

Сакрализация свинины и традиция приписывать этому животному, благодаря которому отдельная семья и целое племя могли не умереть с голоду в зимние месяцы (то есть после Самайна), волшебное, фантастическое или божественное происхождение объясняют значимость фигуры свинаря, в наши дни давно утратившей этот славный ореол. Во всех кельтских источниках свинарь — это важный персонаж, аристократ, если не лично обеспечивающий каждодневный уход за стадом, то по меньшей мере отвечающий за его процветание. Часто в роли свинарей выступают друиды — согласно религиозным верованиям кельтов настоящие «божества». Так, свинари Рухт и Фриух, оба принадлежащие к племени богини Дану, следили за стадами свиней, один на севере, другой на юге, и оба совершили множество подвигов, в том числе с применением колдовства, доказывающих их превосходство²². В «Триадах острова Британия» говорится, что знаменитый Тристан, возлюбленный

²¹ *Les Seigneurs de la brume*, p. 253, vol. 5 de *La Grande Épopée des Celtes*, op. cit.

²² Эту удивительную историю можно прочитать в: *Les conquérants de l'Île verte*, vol. 1 de *La Grande Épopée des Celtes*, op. cit.

Изольды, служил у своего дяди, короля Марка, свинарем. Рассказывают даже, что король Артур вознамеривался завладеть его стадом, но Тристан разоблачил хитроумный план короля — к великой досаде последнего²³.

Итак, свинина у древних кельтов считалась пищей, дарующей бессмертие. Обильно запивая свинину спиртным, в основном пивом и медом, кельты достигали степени опьянения, позволяющей «перенестись» в Иной мир и вневременное пространство и присутствовать — не только символически, но и магически, через экстаз — на Пиршестве богов, во всяком случае пока длился Самайн. Нельзя не заметить, что христианское причастие, при котором верующие делят между собой хлеб и вино (тело и кровь Христа), ничем не отличается от этого друидского ритуала, поскольку преследует ту же цель — достижение вечной жизни.

Однако в христианстве вечный пир возглавляет единый в трех лицах Бог. А что было у кельтов? Кто у них сидел во главе пиршественного стола на Самайн? Известно, что в действительности то, что принято называть кельтским «пантеоном», — это конкретные образные воплощения различных функций, приписываемых единому божеству — невидимому, не поддающемуся описанию и, следовательно, не называемому. Впрочем, изучение этого «пантеона» на основе ирландских сказаний, сохранившихся валлийско-римских

²³ Существует версия, что будущий святой Патрик, плененный ирландцами, попал в рабство к друиду из Ульстера, где ему было поручено охранять стадо свиней. — *Прим. автора.*

надписей, а также греческих и римских текстов позволяет выделить из общего фона одну замечательную фигуру — Луга Длиннорукого, божество, «владеющее многими ремеслами» и воплощающее в себе все атрибуты божественного. Луга почитали все кельты, и он дал свое имя многим городам кельтского происхождения, таким как Лион, Лудён, Лан, Лейден, Лейпциг и даже британский Карлайл. Все эти города считались «крепостями Луга» (на валлийском *Caer Lug*, то есть *Carlisle*, дословно «форт Луга»). Цезарь приравнивал этого самого Луга к римскому Меркурию. В своих «Записках о галльской войне» он называет его самым почитаемым в Уэльсе божеством, учитывая огромное множество посвященных ему *simulacra*²⁴.

Нам также известна валлийско-римская мода давать римским божествам латинизированные галльские имена или, скорее, прозвища. Отсюда Марс Тевтат, «отец народа», или Аполлон Гранус, «солнечный». Сохранилась надпись «*Mercurius Moccus*», что означает «Свиной Меркурий». В связи с этим вспоминается одна очень странная и сильно христианизированная бретонская легенда о «бесе» Хуккане (имя означает «поросенок»), который представляется нам демонизированной версией античного божества Луга²⁵. Отсюда

²⁴ Статуи (лат.).

²⁵ См.: Arbois de Jubainville, «Une Légende irlandaise en Bretagne», dans *Revue celtique*, VII, pp. 230–233. См. также: Guyonvarc'h-Le Roux, *Les Fêtes celtiques*, op. cit., p. 56.

вполне вероятно, что символическим главой пиршественного стола бессмертия был на Самайн Луг Длиннорукий, божество, владеющее многими ремеслами, победитель битвы при Маг Туиреде, где он сразился с Фоморами — темными силами хаоса²⁶.

Луг — божество, несущее свет культуры и противостоящее силам тьмы. В самом его имени прослеживается индоевропейский корень, выражающий понятие белизны и ослепительного света. Вот почему Самайн, знаменовавший окончание летнего периода и вступление в пору «черных месяцев», тем не менее оставался светлым праздником, каким является и христианский День всех святых, понимаемый как прославление «мира света», то есть Рая. Не случайно в ритуалах Самайна особая роль отводилась огню. Об этом, в частности, пишет в своей «Истории Ирландии» Китинг: в ночь Самайн зажигали жертвенные костры, но до этого «всем ирландцам предписывалось под угрозой штрафа загасить все огни». А теперь вспомним, что происходит в христианской литургии накануне Пасхи. В Страстную пятницу в церквах гасят все свечи; вновь зажечь их можно только после пасхальной службы и схождения благодатного огня. В этом отношении Самайн можно также сравнить с Белтайном, отмечавшимся 1 мая, когда король Ирландии поднимался на холм

²⁶ Рассказ об этом см. в: *Les conquérants de l'Ile verte*, vol. 1 de *La Grande Epopée des Celtes*, op. cit.

Тара и возжигал там огонь; тому, кто осмелился бы сделать это раньше, чем он, грозила суровая кара. Смысл ритуала вполне понятен: люди символически «гасят» минувший год, погружая его во тьму, после чего друиды — или боги — открывают новый год, зажигая огонь, которому приписывается сакральное значение; это своего рода духовный огонь, излучающий свет божественной силы, и в темное время года он будет указывать людям путь.

Впрочем, не исключено, что в ту же эпоху кельты принимали участие в еще одном ритуале, хотя его редко связывают с праздником Самайн. Речь идет о знаменитом «сборе омелы». Широко распространено мнение, что этот ритуал проводился незадолго до Рождества, откуда пошел обычай целоваться под омелой, желая друг другу счастливого нового года. Однако эта датировка является совершенно произвольной. Единственное упоминание об этом ритуале мы находим у Плиния Старшего²⁷, но он никоим образом не привязывает его к зимнему солнцестоянию и лишь уточняет, что омелу срывали «в шестой лунный день [...] когда луна набирала достаточную силу, но еще не прошла половину своего пути». Вот и все. Почему бы не предположить, что сбор омелы — священного у друидов растения — производился в Самайн? В пользу этого предположения говорит тот факт, что сбор омелы представлял собой

²⁷ Естественная история, XVI.

лишь часть ритуала. Все тот же Плиний утверждает, что он сопровождался принесением в жертву двух молодых бычков. А это уже определенно приводит нас к Самайну.

СМЕРТЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ КОРОЛЯ

Вот что Плиний Старший, объяснив, что такое оме-ла, пишет дальше: «Приготовившись к обряду жертвоприношения, они подводят к дереву двух молодых бычков, которым впервые связали рога». Затем следует краткое описание сбора омелы. Друиды «приносят бычков в жертву, умоляя божество сделать так, чтобы ее благосклонно приняли те, кому она предназначена». К сожалению, Плиний не уточняет, к какому именно божеству обращались друиды и кто должен был благосклонно принять их жертву, но мы можем дополнить эту скудную информацию, сравнив сочинение Плиния с текстами ирландских авторов. В повести «Болезнь Кухулина» ирландцы собираются в Таре, чтобы выбрать себе короля: «Чтобы узнать, кому отдать королевство, они устроили пир и сделали так. Убили белого быка, и один из них, досыта наевшись мяса с бульоном, уснул, а четыре друида спели над ним слово истины²⁸. И тогда во сне ему явился тот, кто

²⁸ Волшебное заклинание. — *Прим. автора.*

должен был стать во главе королевства; он узнал о нем все — как он выглядит, какой у него характер, какая походка и каким трудом он занят²⁹». Еще один текст, «Рождение Конайре Великого», даже более красноречив: «Они убивали быка и варили его в большом котле. Затем выбирали мужчину, который ел мясо этого быка и пил мясной отвар, а потом ложился спать в одном из домов Тары. Над ним читали заклинания, и он засыпал. Тот, кого он увидит во сне, должен был стать будущим королем. На следующее утро он рассказывал свой сон, но, если он лгал, у него пересыхали губы. Так праздновали День быка в Королевской Таре³⁰».

Рассказывая о праздновании Самайна, невозможно не процитировать более поздний текст, датируемый концом XII века и написанный валлийским клириком Гиральдом Камбрийским по особой просьбе Генриха II Плантагенета, только что захватившего Ирландию. Сочинение называется «*Topographia Hibernica*» («Топография Ирландии») и содержит ценнейшие сведения о нравах и обычаях, царивших в гэльской Ирландии накануне англонормандского завоевания, хотя, как и любое произведение, созданное

²⁹ Судя по всему, описанный обряд близко напоминает шаманские практики народов Азии. См.: Mircea Eliade, *Le Chamanisme*, Paris, Payot, 1972.

³⁰ J. Markale, *Les Seigneurs de la brume*, vol. 5 de *La Grande Épopée des Celtes*, op. cit., p. 54. В других повестях о короле Конайре приводятся еще некоторые ритуалы выбора и коронации короля. См. *ibid.*, p. 54.

с целью пропаганды (а это именно пропаганда), воспринимать его следует с осторожностью.

Итак, вот как Гиральд Камбийский отзывается о населении Ульстера. «Согласно более чем отвратительному и варварскому обычаю они привыкли избирать себе короля следующим способом: все население собирается в одном месте; приводят белую кобылу, и тот, кому предстоит получить высокий титул, но не от князя, а от скотины, поступает с этой кобылой как животное, и не столько от бесстыдства, сколько по невежеству. Вскоре затем кобылу убивают, рубят на куски и варят в воде, а из бульона готовят ванну. Будущий король погружается в нее и поедает куски мяса, которые ему подают, вместе с подданными, стоящими рядом. Он также пьет мясной отвар, но не из черпака и даже не с руки, а прямо ртом. По завершении ритуала его власть и верховенство объявляются священными³¹».

Рисуя черными красками картину быта и обычаев ирландцев, Гиральд Камбийский преследовал собственный интерес и старался угодить Генриху Плантагенету, которому требовался благовидный предлог для оправдания покорения варварского народа «унтерменшей» — примерно то же в другое время заявят нацисты по отношению к представителям «низших рас». Но, отчетливо понимая, откуда растут ноги у этого высокомерно-снисходительного описания,

³¹ Топография Ирландии, III, 25.

мы, тем не менее, не можем обойти его вниманием. Дыма без огня не бывает. Картина торжественной интронизации короля ульстерского племени показывает, что к моменту нормандского завоевания в гальском обществе сохранились архаичные структуры. О том же свидетельствуют созданные в ту эпоху мифы и эпос, в частности знаменитая «Книга захватов» («*Leabhar Gabhala*») — составленная неизвестным ученым компиляция из устных преданий и ранних письменных текстов.

И все же, с ужасом и отвращением описывая ритуал, валлийский клирик, судя по всему, так и не понял его смысла. Это становится особенно очевидным, если сравнить ирландский обряд интронизации короля с индийским ритуалом *ашвамедха*.

В Индии «церемония» *ашвамедха* протекает следующим образом. Заранее выбранного жеребца, как правило, чистокровного и здорового, на год пускают пастись на воле (но под присмотром пастухов), после чего его приводят к верховной правительнице, и та с ним совокупляется. Затем жеребца убивают. Смысл *ашвамедха* ясен: это ритуал плодородия. Царица, символически оплодотворенная семенем животного, должна затем передать своему народу результат этого удивительного акта, тем самым обеспечив всеобщее процветание. Но в описании Гиральда Камбрийского все, как мы видим, поставлено с ног на голову. Король якобы оплодотворяет кобылу, которую тут же убивают — поразительная глупость. При чем

тут забота о плодородии? Как пишет Жорж Дюмезиль, «если согласиться, что в логике *ашивамедха* убитый же-ребец успел оплодотворить женщину, и та осталась жива, то совершенно непонятно, зачем король оплодотворяет кобылу, которую сразу после не только убивают, но еще и рубят на куски и съедают³²». На это нечего возразить.

Но и это еще не все. Гиральд Камбрийский пишет на латыни, точнее, на средневековой латыни. Он употребляет слова «*candidum jumentum*», что проще всего перевести как «белая кобыла». Однако на поздней латыни XII века слово «*jumentum*» обозначало любое вьючное животное, в том числе рогатый скот, например корову, которых крестьяне Западной Европы, не исключая и островных кельтов, не только доили, но и использовали как тягловую силу. Но главное, не следует забывать, что кельты вообще, а островные кельты в особенности отказывались употреблять в пищу конину³³. Так какой же ритуал описывает Гиральд Кам-

³² G. Dumézil, *Fêtes romaines d'été et d'automne*, Paris, 1975, p. 218.

³³ Еще и сегодня в Ирландии ни в одной мясной лавке не продают конину. Ирландцы славятся искусством разведения чистокровных скакунов, и у них вызывает резкое недовольство требование поставлять на экспорт, согласно европейским регламентам, конину, полученную от раненых или старых лошадей. Возможно, это пережиток древнего тотемизма, но факт остается фактом. В этом контексте становится очевидным, что упоминание Гиральдом Камбрийским «белой кобылы» — абсурд, вызванный либо невежеством, либо сознательным искажением истины. — *Прим. автора.*

брийский? Это действительно интронизация короля, в ходе которой приносили в жертву быка (или корову), считавшегося «священным». Его смерть должна была задобрить богов, а те, в свою очередь, осенить божественным благословением стада домашнего скота, составлявшие главное богатство этих народов. Таким образом, мы возвращаемся к ранее сделанному выводу о том, что кельтское общество было по преимуществу скотоводческим. Что касается быка, то в традиции многих народов он символизировал воинскую доблесть, а задачей воинов было защищать благоденствие своей группы. Поэтому принесение в жертву быка не имело никакого отношения к обряду плодородия. Жертвуя драгоценное животное божеству, кельты надеялись взамен получить от него защиту и покровительство.

Можно высказать еще одну гипотезу о смысле этого ритуала, если рассматривать быка как заместительную жертву. Хорошо известен библейский пример жертвы Исаака. Возможно, нечто подобное нашло отражение и в рассказе Гиральда Камбрийского? Может быть, животное приносили в жертву вместо самого короля?

Этот вопрос заслуживает изучения, но с привлечением других источников, главным образом многих образцов ирландского эпоса, где король по разным причинам (чаще всего потому, что нарушил свои *gessa*, то есть предписанные королю запреты) гибнет от рук врагов или даже соплеменников. Самый яркий

пример находим в судьбе Конайре Великого. Его *gessa* выглядят довольно странно, и их смысл нам непонятен: «Ты не должен обходить крепость Тара справа, а равнину Бреге — слева; ты не должен охотиться на дикого зверя в долине Серна; ты не должен покидать Тару в каждый девятый день месяца; ты не должен ночевать в доме, где не погашен огонь и свет очага виден снаружи; ты не должен выходить из этого дома после захода солнца; ты никогда не должен видеть перед собой трех мужей, одетых в красное; в твое царствование в королевстве не должно быть воровства; ты не должен после захода солнца впускать в дом, где находишься, ни одного мужа; ты никогда не должен сам разбирать свару между двумя из твоих слуг³⁴».

Насколько мы можем судить, самый главный запрет касался недопущения *воровства*, поскольку король не только отвечал за распределение богатств среди подданных, но также служил гарантом мира и согласия между ними. Это подразумевало, что в общине не должно твориться несправедливостей, а кельтский правитель, не обладавший абсолютной властью, обязан был держать ответ за свои поступки перед соплеменниками. Он не пользовался никаким иммунитетом, и, если его действия вызывали недовольство, его легко могли свергнуть и выбрать вместо него другого.

³⁴ «La naissance de Conairé le Grand», dans *Les Seigneurs de la Brume*, vol. 5 de *La Grande Epopée des Celtes*, op. cit.

Конайре нарушил табу, попытавшись примирить двух своих поссорившихся слуг. Это была роковая ошибка: в обществе полной гармонии никакие ссоры не допускались, а если таковая произошла, то виноватым считали короля. В дальнейшем он один за другим нарушает все остальные запреты и умирает в ночь Самайна после малоправдоподобной битвы, в разных эпизодах которой находят отражение символические элементы, унаследованные из древнейшей мифологии³⁵. Таким образом, мы можем заключить, что перед нами описание реальной церемонии, подчиненной строгому ритуалу и направленной на принесение в жертву короля.

То же самое относится к королю Муйрхертаху, сыну Эрки. Соблазненный феей Син, он забыл не только о своей законной супруге и детях, но и обо всем своем народе. Это означало обвинение в пренебрежении своими обязанностями. Инструментом справедливой кары становится существо, принадлежащее Иному миру, — таинственная Син. Это доказывает, что во время Самайна некие невидимые сущности могли вмешиваться в дела людей, являя собой нечто вроде коллективной «совести» и гаранта сохранения гармонии.

Принесение в жертву Муйрхертаху не привязано к конкретной дате, но благодаря контексту мы

³⁵ Об этом можно прочитать в захватывающей повести «La Destruction de l'hôtel de Da Derga» dans *Les Seigneurs de la brume*, op. cit.

понимаем, что оно происходит в три дня до и три дня после Самайна. Молодая женщина, Син, чье имя означает «вдох», а также «дыхание» и «сильный ветер», втягивает короля в некоторые события и внушает ему некоторые видения — способность, объясняемая ее принадлежностью к племени Богини Дану. «Король уснул глубоким волшебным сном, наваянным Син; пока он спал, она встала и расставила все мечи и копья остриями внутрь комнаты. Своим колдовским искусством она собрала толпу народа вокруг крепости, где и укрылась после того, как подожгла крепостные стены и дом». Король проснулся в ужасе, «слыша, как трещит горящий дом и беснуются полчища демонов. [...] Не зная, что все это колдовство и никто не нападает на крепость, Муирхертах быстро вскочил и стал искать свое оружие, но ничего не нашел. Син между тем выскользнула из дома, и он последовал за ней, но у порога столкнулся с воинами и отлетел назад, к своему ложу, а все его враги разбежались. [...] Король подошел к двери, но был остановлен пламенем и искрами. Когда огонь охватил выход и весь дом, у Муирхертаха не осталось убежища. Он схватил наполненный вином шлем и опрокинул его на себя, но в этот миг кровля рухнула ему на голову; огонь пожрал его тело на пять футов в длину, остальное благодаря вину осталось нетронутым³⁶».

³⁶ «La mort de Muirchertach» dans *Les Seigneurs de la Brume*, op. cit., pp. 260–261.

Это фантастическое описание напоминает картину смерти короля Конайре, которого в доме Да Дерга окружили враги; друиды тем временем заколдовали в Ирландии все колодцы и другие источники, и король умер от сжигавшей его изнутри жажды³⁷. Огню — реальному или символическому — принадлежит особая роль в жертвенных ритуалах Самайна. Китинг в своей «Истории Ирландии» не ошибается, когда пишет, что ирландские друиды «сжигали свои жертвы» на костре, который разводили ночью. Остается вопрос: о каких жертвах идет речь? Вполне вероятно, что имеется в виду король.

Сам ритуал не вполне ясен. Непонятно, что происходит с жертвой. Она гибнет от удушья (повешения или жажды)? Захлебывается (шлем с вином)? Сгорает (в пламени пожара или сжигаемая внутренним огнем)? Та же путаница повторяется в схолиях — позднейших, но примечательных — к поэме римского поэта Лукана «Фарсалия», когда он повествует об «ужасных галльских святилищах», затерянных в глубине лесов. В схолиях приводятся имена (вернее, прозвища или даже эпитеты) трех галльских божеств, повторяемые во многих галло-римских надписях: Тевтат (или Тутатис) — «отец народов»; Эзус («добрый»?) и Таранис («гром», т. е. «бог неба»), и указывается, какие жертвы приносились каждому из них. В числе способов умерщвления жертвы перечисляются повешение,

³⁷ *Ibid.*, p. 96.

утопление и сжигание, но ничего не говорится о том, действительно ли совершалось убийство жертвы или это был заместительный ритуал.

В этом списке не хватает ритуала *отрубленной головы*, хотя мы точно знаем, что он существовал, доказательством чему служат археологические находки на территории бывшей Галлии и свидетельства греческих и римских историков (в частности, Диодора Сицилийского и Тита Ливия), а также ирландские и галльские повести, не говоря уже о многочисленных римских скульптурах, сохранившихся на Британских островах и на континенте. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что у всех кельтских народов был ритуал отрубленной головы.

Так, при описании битвы при Клузии между римлянами и галлами Тит Ливий добавляет, что узнал об обычае галлов отрубать врагу голову и сохранять ее. Такие головы, пишет он, «они вешают на грудь своим коням³⁸». Судя по всему, хроникер ничего не выдумывает, потому что среди развалин городов Гланума (Сен-Реми-де-Прованс), Сен-Блеза (в окрестностях Истра) и Антремона (неподалеку от Экс-ан-Прованса), а также в марсельском музее Борели можно видеть столбы галльской эпохи, служившие для обезглавливания людей, — на них даже сохранились гвозди. В музее Гране (Экс-ан-Прованс) и в авиньонском музее Кальве выставлены галльские скульптуры времен

³⁸ *Ab Urbe condita*, X, 26.

до римского завоевания, изображающие отрубленные головы, чаще всего с закрытыми глазами. На некоторых галльских монетах, например племени *осисмиев* (Финистер), также встречаются изображения голов, отделенных от туловища. В валлийской версии повести «Поиски Грааля», в рассказе о Передире, в одном из эпизодов фигурирует поднос, на котором в луже крови лежит отрубленная человеческая голова³⁹.

Это, несомненно, некий культ, но его точное значение нам неизвестно. Поэтому мы просто о нем упомянем. Зато такая форма ритуального убийства, как отсечение головы, заслуживает более пристального рассмотрения. (Самым ярким примером его является усекновение головы Иоанна Крестителя.) Существует три вида этой разновидности жертвоприношения, заслуживающие нашего внимания. О первом мы узнаем из гаэльской повести «Смерть Курои». Герой света Кухулин борется со своим темным двойником, своего рода прототипом дьявола, Курои мак Даэре, легендарным королем Манстера. Кухулин вступает в сговор с женой Курои, Блатнайт, когда-то им похищенной у Кухулана, чтобы она изменила королю и выдала его герою. Так она и поступила. Кухулан ударом меча отсекает Курои голову⁴⁰. Почему он это

³⁹ Подробно эту тему автор рассматривает в нескольких главах своей книги: *Le Graal*, Paris, Albin Michel, 1991.

⁴⁰ *Le héros aux cent combats*, vol. 3 de *La Grande Épopée des Celtes*, op. cit., p. 250.

делает? Потому что Куром мак Даэре нарушил свои обязательства, следовательно, лишился королевской власти. Второй случай описан во второй ветви валлийского цикла повестей «Мабиноги», озаглавленной «Бранвен, дочь Ллира». Бран Вендигейт, он же Бран Благословенный, привел своих людей (островных бретонцев) в Ирландию, чтобы отомстить за свою сестру Бранвен. Но бретонцы потерпели поражение, и в живых осталось только семь человек, кроме Брана, раненного в ногу. Бран попросил своих воинов отрубить ему голову и унести ее с собой⁴¹. В продолжении истории упоминается культ отрубленной головы, но нам важно другое — подтверждение того, что подобный жертвенный ритуал действительно существовал.

На самом деле рана Брана была не смертельной. Он мог бы исцелиться. Но он проиграл битву и нес ответственность за поражение. Следовательно, он оказался недостоин звания короля и должен был заплатить за это жизнью. Любопытно, что легендарная история Брана Благословенного очень близко напоминает другую, на сей раз полумифическую, полуправдивую, связанную с событием, случившимся около 280 года до н. э. Галлы под предводительством вождя по имени Бренн предприняли поход в Грецию. Но имя Бренн (*Brennus* или *Brennos*) представляет собой латинскую или греческую транскрипцию имени Бран. Таким образом, речь идет об одном и том же мифическом

⁴¹ J. Loth, *Les Mabinogion*, Paris, 1913, i, p. 146.

персонаже⁴². Согласно греческому историографу Диодору Сицилийскому, в принципе хорошо знавшему кельтскую античность, под Дельфами галлы потерпели поражение и потеряли несколько тысяч человек. Тогда Бренн, «получивший три ранения, собрал оставшихся в живых галлов и советовал им прикончить его, как и остальных раненых, сжечь свои повозки и поскорее возвращаться домой. Он также посоветовал им избрать царем Кирхория. Затем, напившись допьяна, Бренн себя зарезал⁴³».

Религиозный характер самоубийства Брана и Бренна не вызывает сомнений. Оба военачальника — фактически короля — сознавали свою ответственность за проигрыш в войне, а потому предложили себя в качестве искупительной жертвы. Есть еще один пример, на сей раз, бесспорно, исторический, подобного ритуального самопожертвования. Речь идет о Верцингеториксе, сдавшемся Цезарю. Прежде всего необходимо пояснить, что Верцингеторикс сдался в плен, прекрасно понимая, какая судьба его ждет, но подчинившись решению, принятому советом галльских

⁴² Есть еще один — скорее, все-таки исторический — персонаж, которого звали Бренн. Он был вождем сенонов и в 387 г. до н. э. захватил Рим (кроме Капитолия). Этот Бренн по многим признакам напоминает Бренна, организовавшего поход на Дельфы, и Брана Благословенного из валлийской мифологии. Их имена означают «ворон», а также «высота» и «холм». — *Прим. автора.*

⁴³ Диодор Сицилийский, книга XXII.

вождей. Он не справился с порученной ему миссией и должен был пожертвовать собой, чтобы избавить своих людей от ее более зловещей участи. Неважно, по доброй воле или по принуждению Верцингеторикс сложил оружие перед римским проконсулом — у него не осталось другого выбора, поскольку, как свидетельствует его имя, он был «королем великих воинов».

Король не всегда виноват в поражении, или в нехватке еды, или в плохой погоде, или в развале общества, которым он «управляет». Всем известно, что власть «изнашивает» человека, и, чем дольше он находится у власти, тем быстрее теряет кредит доверия и авторитет. Это относится не только к королям, но и к любым политическим деятелям высокого ранга. Мы находим в истории человечества множество тому подтверждений — так было во все времена и на всех широтах. Но, возможно, существует корреляция между этой «усталостью от власти» и сложными и не всегда нам понятными (в силу невнятности источников, замутненных небрежностью не слишком внимательных христианских копиистов) ритуалами, проводившимися в рамках праздника Самайн не только в Ирландии, но и во всех кельтских странах? Иначе говоря, может ли быть, что за жертвенной смертью короля скрывался другой ритуал, ритуал воскрешения?

Вернемся к знаменитым схолиям Лукана, удостоившимся бесконечного множества комментариев, в особенности к фрагментам, касающимся Тевтата. Вот что пишет наш схоластик: «Вот как галлы совершали

жертвоприношение Тевтату: погружали человека головой вперед в полную кадку, чтобы он задохнулся⁴⁴». Описание не очень подробное, но оно для нас бесценно. Здесь Тевтат, «отец народа», соответствует Меркурию, а не Марсу, как в некоторых галло-римских надписях. Но Меркурий — нужно ли напоминать? — это галло-римский вариант общего кельтского божества Луга, «владеющего всеми ремеслами», то есть сочетающего в себе все атрибуты божества; судя по всему, именно он возглавлял Пир бессмертия, следовательно, ему же приносили жертву во время праздника Самайн. Мы имеем право задаться вопросом, какими источниками пользовался автор схолий Лукана, когда писал о ритуале утопления в бочке, и насколько древней была эта традиция. Но подтверждение его слов нам дает замечательная археологическая находка, позволяющая пролить свет на скрытые смыслы кельтской мифологии. Речь идет о знаменитом котле из Гундерструп, датируемом II веком н. э. и хранящемся в Дании, в музее города Орхуса.

Этот серебряный сосуд составлен из пластин, на которых выгравированы сцены на мифологические сюжеты. Здесь мы обнаруживаем множество самых странных персонажей — богиню с птицами, галльского бога Кернунна, застывшего в позе лотоса... Все изображения так или иначе перекликаются с теми, что

⁴⁴ «Branwen, fille de Llyr», J. Loth, *Les Mabinogion*, op. cit., I, p. 129.

мы видим на оборотной стороне некоторых галльских монет, либо с тем, что мы узнаем из ирландских или валлийских текстов. Если наше предположение относительно того, что в рамках Самайна проводились ритуалы, связанные если не с воскрешением, то, как минимум, с регенерацией, то нам имеет смысл внимательнее присмотреться к одной из пластин.

Справа на ней изображены фигуры трех мужчин, которые дуют в изогнутые трубы в виде лошадиной головы. Там же, справа, еще один мужчина, но меньшего размера — с копьем на плече, без щита, в шлеме, украшенном фигуркой кабана. Перед ним — шесть мужских фигур,двигающихся справа налево, у каждого в правой руке — высоко поднятый меч, левая удерживает длинный щит. На шлемах у них никаких украшений нет, но в центре щитов мы видим изображение солнца.

На левой стороне огромная, во всю высоту пластины, фигура человека, который опускает воина головой вниз в сосуд, напоминающий какой-то чан. Прямо под сосудом (по всей видимости, это котел) — изображение животного: то ли волка, то ли собаки. В верхней части пластины — четыре всадника,двигающиеся слева направо, судя по всему, из того места, где совершалось жертвоприношение. Первый и третий держат в левой руке по копью. У всех четверых шлемы с разными украшениями: это и нечто, похожее на букву М, и какой-то рогатый знак, и кабан, и птица. На конской сбруе — цветы, похожие на

лотос. Перед всадниками — змея с головой барана, указывающая им путь.

Ровно посередине пластины, деля ее пополам по горизонтали, помещено дерево, из которого вверх смотрят семь цветков, в каждом — по три лепестка (если это не три листа травянистого растения). Внизу из древесного ствола растет уже только шесть цветков (или других растений). Левый конец древесного ствола оканчивается тремя корнями, тесно соприкасающимися с чаном.

Это настоящий образец символизма в искусстве, и его толкование не представляет большой сложности. Воины в шлемах без украшений из нижней части картины, шагающие справа налево (левая сторона чего угодно традиционно считалась плохой), — это воины, убитые или раненые в бою. Высокая фигура — скорее всего, бог Тевтат или во всяком случае одна из инкарнаций бога Луга; он погружает их головами в чан, чтобы вернуть им жизнь и здоровье, — об этом ясно говорит верхняя часть картины, где воины, сев на коней, триумфально двигаются в обратном направлении, ведомые змеей с бараньей головой (символ плодородия). Присутствуют даже Древо жизни и цветы бессмертия.

Ключевым элементом композиции служит чан, или котел. В кельтской традиции, как в Ирландии, так и в Уэльсе, котел — один из часто упоминаемых предметов. Вот фрагмент из рассказа о Бране Благословенном: «Я дам тебе котел, но не простой: если сегодня одного из твоих людей убьют, брось его в котел, и на завтра он

будет жив-здоров, только не сможет говорить⁴⁵». Таким же котлом восторгается Перидур — валлийский аналог Персиваля — когда попадает в замок Увечно-го короля: «Он приказал привести коня, в седле которого сидел мертвец. Одна из женщин вынула мертвеца из седла, омыла его в низком чане с горячей водой и умастила его тело благовониями. И он тотчас ожил и с веселым лицом поклонился ей⁴⁶». Разумеется, всевозможные котлы, обладающие свойством оживлять мертвецов, встречаются не только в кельтских преданиях. Так, греческий поэт Пиндар рассказывает историю Пелопа, которого разрубили на куски и сварили в котле, но Клото, богиня, прядущая нить жизни, собрала его по частям и вернула ему жизнь и здоровье⁴⁷. Добавим к этому многочисленные бретонские сказки, в которых героя или героиню рубят на куски и варят в котле либо погружают в источник, после чего он или она обретают прежнюю целостность⁴⁸.

⁴⁵ «Branwen, fille de Llyr», J. Loth, *Les Mabinogion*, op. cit., i, p. 129.

⁴⁶ «Peredur, fils d'Evrawc», *ibid.*, p. 94.

⁴⁷ Олимпийские песни, I, 40.

⁴⁸ Иногда случается, что воскресшему не хватает большого пальца ноги или он возрождается с мелким физическим недостатком, что имеет значение для дальнейшего повествования, поскольку позволяет герою или героине быть узнаанными. Таков сюжет сказки про королеву Гусиные Лапы. Переход в Другой мир и возвращение назад — для тех, кому повезет из него вернуться, — часто сопровождается физическим увечьем. На эту тему см.: J. Markale, *Contes populaires de toutes les Bretagne*, Rennes, éd. Ouest-France, 1977.

Складывается впечатление, что этот загадочный котел имеет некоторое отношение к Святому Граалю из сказаний о короле Артуре, особенно в тех версиях, где этот сосуд представлен в виде изумруда, некогда сиявшего во лбу Люцифера и упавшего на землю, когда последний был низвергнут в ад⁴⁹. В сущности, Грааль обладает той же волшебной силой, что и кельтский котел: он *исцеляет и возвращает к жизни* тех, кто на него посмотрит или выпьет его содержимое, то есть «кровь Христову» — величайшую на земле ценность. Грааль также наполнен божественной пищей и при этом неисчерпаем. Но тем же самым свойством обладает «котел Дагды» из ирландской традиции: в «Повести о битве при Маг Туиреде» говорится, что «ни один поход не начинался, пока ему не вознесли благодарность⁵⁰», а в валлийской легенде о Килухе и Олвен королю Артуру, чтобы исполнить священную миссию, приходится вначале добыть «котел Дирнака-валлийца», в котором никогда не переводилась еда⁵¹. Но не все так просто! Валлийский поэт Талиесин отмечал, что разогреть котел должны «своим дыханием девять девушек [...] и в нем нельзя сварить еду для труса». Иными словами, право участия в Пире бессмертия надо

⁴⁹ J. Markale, *La Naissance du roi Arthur*, vol. 1 du Cycle du Graal, op. cit.

⁵⁰ См.: *Les conquérants de l'Ile verte*, op. cit.

⁵¹ J. Loth, *Les Mabinogion*, I, p. 335.

еще заслужить. То же касается тех, кто был допущен на знаменитый Пир Грааля⁵².

Происхождение этого котла загадочно, но явно связано с Другим миром. Так, котел Дагды принесли с собой племена богини Дану, явившиеся с «островов на севере мира». Отметим, что для кельтов север всегда символизировал некую легендарную или сказочную страну. Во многих эпических произведениях описываются невероятные приключения героев, проникающих в эти запретные земли, чтобы раздобыть священный предмет или получить от божества «талисман», с помощью которого они смогут совершить свои подвиги⁵³.

Где же находится этот Иной мир? Он «везде и нигде». Невидимое прячется за видимым, и, чтобы его обнаружить, достаточно обладать «двойным зрением». В принципе этим даром владеют персонажи, прошедшие некий обряд инициации. Но случаются моменты, когда обычные люди получают возможность взглянуть на этот невидимый мир и даже безнаказанно в него проникнуть. Именно это и происходило

⁵² Ср. с легендой о рождении короля Артура. Если верить «Триадам об острове Британия», в числе тринадцати британских сокровищ фигурировал котел Тирнога. Если в нем пытались сварить еду для труса, вода в нем не закипала. — *Прим. автора.*

⁵³ Греческий историограф Страбон рассказывает, что кимвры — смешанный германо-кельтский народ — преподнесли императору Августу «самое дорогое, что у них было, — свой священный котел» (VII, 2). — *Прим. автора.*

во время празднования Самайна, и существует множество историй о том, как кому-то удавалось соприкоснуться с божественным и получить нездешний талисман. Показателен в этом отношении пример героя Брана Благословенного, завладевающего волшебным котлом.

Некий Матолух, король Иверддона (Ирландия), желая жениться на Бранвен, сестре Брана, рассказывает ему, что однажды на охоте он поднялся на холм, возле которого расстилалось озеро, и увидел, как из этого озера вышел «высокий рыжеволосый мужчина с котлом на спине. Роста он был огромного и выглядел зловеще. Но, как бы ни был он высок, его жена была вдвое выше его». Очевидно, то были представители Иного мира. Судя по описанию, рыжеволосый мужчина напоминает «громилу», часто встречающегося в ирландских легендах; обычно он космат, а в руке держит палицу. Однако в этом рассказе великан несет котел, который впоследствии, как мы уже знаем, поможет воскресить погибших воинов. Но тут история принимает неожиданный поворот.

Великан и его жена целый год прожили во владениях Матолуха, но «к концу четвертого месяца всех их возненавидели, потому что они творили бесчинства по всей стране. [...] Мои вассалы решили выстроить железный дом. Когда он был готов, они созвали со всего Иверддона кузнецов с клещами и молотами, и те сложили их вокруг котла в кучу до самой крыши. В тексте не уточняется, но мы догадываемся, что

им как-то удалось заманить рыжеволосого великана и его семейство в этот странный дом. «Они предложили жене, мужу и детям обильную пищу и питье. Когда те напились допьяна, они развели вокруг дома костер из углей и принялись раздувать мехи, пока дом не раскалился добела. Те сели на полу посреди комнаты и держали совет. Муж решил оставаться в доме, пока не побелеет стена. Когда жар сделался невыносимым, он плечом вышиб стену и вышел наружу, а за ним — его жена. Больше никто не спасся. [...] Тогда он пришел сюда и отдал мне котел⁵⁴». Впоследствии в знак дружбы между двумя королями котел был подарен Брану.

Эта история приводится во второй ветви валлийской «Мабиноги». Но почти слово в слово ее повторяет ирландская повесть «Опьянение уладов». В ночь Самайна король Конхобар, Кухулин и улады ушли с пира, устроенного королем в Эмайн Маха и отправились в крепость Кухулина, чтобы продолжить празднество там. Но они были так пьяны, что заблудились и пришли к крепости Круахан, где жили король и королева Коннахта — Айлиль и Медб, заклятые враги уладов. Королева расспросила одного старца, слывшего провидцем, об уладах, и тот ответил: «Их приход был давно предсказан, и все обдумано. Вот что надо сделать: построить между двух деревянных домов железный дом, а под ним подземный дом из прочного железа

⁵⁴ J. Loth, *Les Mabinogion*, I, pp. 130–132.

и доверху наполнить его хворостом и углем. Было предсказано, что однажды ночью все знатные улады Ульстера соберутся в железном доме⁵⁵». Сходство двух этих рассказов так очевидно, что на нем имеет смысл остановиться подробнее.

Дело в том, что продолжение истории очень похоже на то, что описано в «Мабиноги». Королева Медб решила последовать советам провидца. Она ласково приняла уладов и старалась всячески их развлечь, пока шло строительство подземного дома — идеальной ловушки, с помощью которой она желала избавиться от своих врагов. Когда все было готово, пьяные улады отправились в железный дом, куда им доставили много еды и питья, и они напились еще больше. Тем временем жители Коннахта заперли в доме двери, а снаружи соорудили семь каменных столбов, скрепленных семью железными цепями. Затем «привели трижды пятьдесят кузнецов, которые развели огонь и принялись раздувать мехи. Они окружили дом тройным кольцом и развели огонь не только под домом, но и сверху, чтобы внутри стало жарче».

Разумеется, улады быстро поняли, что попали в западню. Некоторые из них поспешили обвинить Кухулина в том, что он завел их сюда, как и в других дурных поступках. Героя обидели эти несправедливые, по его мнению, упреки, и он заявил товарищам, что сделает все возможное, чтобы избавить их от неминуемой

⁵⁵ Ogam, XIII.

беды. Он попытался проткнуть стену копьем, но убедился, что она из железа. Тогда он подпрыгнул так высоко, как умел только он, проломил крышу и в конце концов вызвал панику во всей крепости⁵⁶. Тогда в дело вмешался король Айлиль, осыпавший жену упреками за нарушение законов гостеприимства. Уладов перевели в дубовый дом и принесли им много еды и пива. Те снова напились допьяна, но все равно чувствовали себя пленниками. Они снова начали сетовать на Кухулина, и он совершил свой знаменитый «прыжок лосося», которому научился, когда посещал шотландских колдунов. Это позволило ему снести верхнюю часть кровли и выскочить на крышу другого дома. Так ему удалось освободить своих спутников, а главное — выпустить их из «печи», в которой они могли сгореть заживо. Затем улады вступили в схватку с воинами Коннахта и вышли из нее победителями. Вывод из этой истории напрашивается сам собой: Кухулин не только не погиб, но и сумел спасти своих спутников и, пройдя испытание огнем, стал еще сильнее, чем раньше.

В ирландском рассказе не говорится ни о каком котле, но, возможно, он присутствовал в изустной традиции, позже записанной христианскими монахами.

⁵⁶ Не следует забывать, что крепости кельтского типа ничем не напоминали средневековые укрепленные замки, но представляли собой огороженное пространство, обычно расположенное на возвышенности, внутри которого находились различные отстоящие одна от другой постройки. Так же выглядели христианские кельтские монастыри эпохи Высокого Средневековья.

Сходство обоих сюжетов позволяет нам сделать такое предположение. Как мы видели, в валлийской версии котел играет важную роль, и тема котла близко смыкается с темой нагретого добела дома. Как в первом, так и во втором случае огонь, который для кельтов был не просто одной из четырех стихий, а особой стихией, способной преобразовать три остальные — землю, воздух и воду, — о чем говорит символ *три-скелл* — тройная спираль.

Здесь напрашивается сравнение с традиционной алхимией — если не с ее практикой, то с ее идеями. Мы не утверждаем, что древние кельты занимались алхимией, — это абсолютно исключено — но нельзя не заметить наличие определенного *параллелизма*: в том и в другом случае преследуется одна и та же цель — *трансформация*, чтобы не сказать *преображение* объекта. В ирландских или валлийских повестях, как и в некоторых народных бретонских сказках⁵⁷, мы видим котел, содержащий божественную пищу, дарующую бессмертие тому, кто ее отведаёт,

⁵⁷ В XIX веке Люзель записал в Трегоре и опубликовал сказку «Парик короля Фортуната». В других областях Бретани известны и другие варианты этой сказки, один из которых я привожу под названием «Сага об Ианне» в книге «Кельтская традиция в Бретани» (*Paris, Payot, 1975*). Он полностью соответствует исходной схеме. По сюжету некий юноша проходит различные опасные испытания, одним из которых является сожжение на костре. Но благодаря волшебной мази, полученной от колдуна, он выходит из огня целым и невредимым, а главное, становится еще прекраснее, чем раньше. — *Прим. автора.*

а у алхимиков — печь, в которой медленно, но верно происходит трансформация грубой первичной материи в нечто очищенное и наделенное духовной силой — в философский камень. Соответствие налицо.

И печь алхимика, и котел содержат нечто, что утоляет жажду и питает. Именно это содержимое и поглощают участники пиршества. Они достигают *сытости* и состояния *опьянения*, как в подлинной оргии, позволяющей совершать переход из одного плана сознания в другой. В цикле «Мабиноги» обильная еда, опьянение и огонь суть элементы, дополняющие друг друга. Именно благодаря им рыжеволосый великан выходит невредимым из опасного испытания.

«Раскаленный добела дом» — это жертвенный обряд инициации, тесно связанный с праздником Самайн; о нем пишут некоторые античные авторы в контексте человеческих — реальных или мнимых — жертвоприношений. Галлы используют «огромные чучела, сделанные из прутьев, члены которых они наполняют живыми людьми; они поджигают их снизу, и люди сгорают в пламени⁵⁸». Автор схолий Лукана примерно то же пишет о жертвоприношениях богу Таранису: «Некоторое число людей сжигают в деревянной клетке». В свою очередь, Страбон утверждает, что галлы «изготавливали из дерева и сена колосса, загоняли внутрь диких и домашних

⁵⁸ Цезарь. Записки о Галльской войне, VI.

животных, а также людей и все это поджигали⁵⁹. О чем же на самом деле идет речь?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к народным обычаям, сохраняющимся в сельской местности на протяжении веков. В конце концов, никто больше не отмечает праздник Самайн, но он, как мы уже отмечали, продолжает существовать в религиозной форме в виде христианского Дня всех святых, а в более народной и фольклорной — в виде Хэллоуина с его *карнавальным* характером. Чучело, упоминаемое Цезарем, деревянная клетка схоласта Лукана и колосс Страбона — все это явно перекликается с гротескным чучелом Карнавала, которое сжигают после праздника. Но если не ограничиваться поверхностным сравнением, то нетрудно заметить, что Карнавал как явление представляет собой символическое перевертывание ценностей: «изгой» становятся «избранниками», а «избранники» на время переходят в статус «изгоев».

Однако на протяжении веков к числу «изгоев», то есть маргиналов, относились кузнецы и прокаженные. Кузнецы, умеющие укрощать огонь, считались личностями подозрительными, а их деятельность — почти бесовской. Остальные нуждались в них, но одновременно их боялись, поскольку кузнецы познали секреты земли и минералов, а также таинственного огня, тлеющего во тьме. Таким образом, кузнецы

⁵⁹ Ibid., V.

составляли особую «касту»; с ними в силу необходимости мирились, но чаще всего вынуждали их селиться поодаль от жилищ других членов общины. Почему отселяли прокаженных, понятно — из страха подхватить заразу. Бросается в глаза сходство между кузнецами и прокаженными. Действительно, последние жаловались на то, что их сжигает внутренний огонь; болезнь словно бы пожирает человека изнутри, пока не превратит его в горстку пепла. Прокаженные жили собственной общиной, но всегда — за пределами деревни. Впрочем, не следует впадать в грех упрощения: в ряде случаев в прокаженные записывали и тех, кто вовсе не страдал от этой страшной болезни. Для жителей деревни «прокаженным» нередко становился человек, не признающий общепринятых норм существования.

Почему, исследуя ритуалы, связанные с праздником Самайн, мы вспомнили о прокаженных? Ответ на этот вопрос достаточно прост, хотя аргументация кому-то покажется не слишком надежной. Напомним, что прокаженные — истинные или мнимые — по большей части занимались плетением веревок. Поскольку они жили за пределами селений, им хватало пространства, чтобы из волокон конопли изготавливать тонкие жгуты, а затем сплести их в веревки. Фольклорист Клод Геньебе, один из лучших современных знатоков народных французских обычаев, справедливо указывает, что карнавальная костер часто называли «костром хижины, лачуги или

халупы, подразумевая убогое жилище прокаженного⁶⁰». Другой фольклорист, Ван Геннеп, задался вопросом, почему карнавальные костры называли «хижинами», — ведь на первый взгляд между хижинкой и костром нет ничего общего.

Для начала разберемся, что собой представлял типичный кельтский костер. Довольно точное его описание мы находим в ирландской повести «Осада Друид Дамгайре». Во время битвы друид Мог Рут попросил своего помощника сложить костер. Тот «сложил его в виде треугольной маслобойки с тремя стенками, но семью дверцами, тогда как у северян⁶¹ был костер только с тремя дверцами. Он был сооружен грубо, а дрова в него навалили кучей⁶²». Смысл ритуала не вполне ясен; судя по всему, сооружение костра зависело от ориентирования по сторонам света, но в учет принимались только три из них.

Таким образом, можно предположить, что описанный костер не соответствовал идеалу. По мнению Клода Геньебе, его конструкцию предложил прокаженный веревочник: «Костер был сложен как примитивный шалаш, из очесов конопли, а под ним была вырыта яма. Подобные подземные помещения иногда

⁶⁰ Claude Gaignebet, *Le Carnaval*, Paris, Payot, 1974, p. 74.

⁶¹ Мог Рут вступил в войну на стороне южных ирландцев против северных, у которых был свой друид, также разложивший волшебный костер, но обладавший гораздо меньшей колдовской силой. — *Прим. автора.*

⁶² *Revue celtique*, XLIII, p. 109.

делались в форме бутылки. Внизу стояла скамья, на которую можно было присесть. Прокаженные или члены братства, проходившие обряд инициации в рамках карнавала, спускались в подземное помещение, а сверху костер поджигали. Пары горячей конопли, которые они вдыхали, позволяли им мысленно переноситься в иные миры⁶³». Европейская конопля в отличие от индийской (знаменитого канабиса) менее галлюциногенна, но и она способна вызывать у людей видения, и в деревнях ее на протяжении долгого времени использовали в этом качестве. Вполне вероятно, что ее наряду с некоторыми видами галлюциногенных грибов применяли в своей практике и друиды.

Все это позволяет нам по-новому взглянуть на обычай «человеческих жертвоприношений», в чем так часто упрекают галлов, а главное — на сжигаемые чучела. Речь идет о смерти в рамках инициации, то есть о символическом жертвоприношении, в результате которого появлялась возможность подсмотреть, что творится в Ином мире. Все это прекрасно согласуется с духом Самайна — общего праздника, участники которого могли «сорваться с крючка» реальности и увидеть невидимое.

Следовательно, трагическую гибель короля, описываемую в эпических произведениях, следует воспринимать как символическое самопожертвование: король умирает, чтобы вновь *возродиться*. Самайн не

⁶³ *Le Carnaval*, op. cit., p. 74.

случайно располагается на стыке двух сезонов и даже двух лет, а его название означает «угасание лета». В этот момент король, являвшийся ключевым элементом в структуре кельтского общества, сам переживал «угасание». В каком-то смысле это можно назвать «усталостью от власти».

Но если власть выдохлась, в нее надо вдохнуть новую жизнь. Надо убить старого короля, чтобы на его месте появился возрожденный. По завершении обряда и после контакта с Другим миром король вновь обретает утраченные силы и может смело встречать наступающий год. По всей вероятности, именно в этом заключался смысл ритуалов Самайна, начиная с принесения в жертву быка, сбора омелы и символической смерти короля и заканчивая многодневным пиршеством, благодаря которому сытые и пьяные люди могли переходить на уровень сознания, не имеющий ничего общего с привычным.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ НОЧЬ

Такой многогранный праздник, как Самайн, включавший политический, правовой, экономический и религиозный аспекты, — наверняка обладал собственной драматургией. То же самое происходило во всех известных нам из истории обществах. Например, Олимпийские игры в Древней Греции были не просто спортивными соревнованиями, но религиозной церемонией поклонения Зевсу и другим богам Олимпа. Аналогично древнеримские «зрелища», прежде чем стать развлечением алчущей сильных ощущений публики, представляли собой ритуальные жертвоприношения тому или иному божеству. Все сохранившиеся письменные ирландские источники однозначно свидетельствуют, что так же обстояло дело и у кельтов. Непременной частью праздника Самайн были «игры». Проблема только в том, чтобы выяснить, что эти игры собой представляли.

ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ИГРЫ НА САМАЙН

Изучая архаичный период существования той или иной культуры, мы приходим к выводу о тесной связи религии и искусства. Наскальная живопись времен палеолита, являясь бесспорным произведением искусства, одновременно выполняла религиозную или, по меньшей мере, магическую функцию. То же относится к загадочным петроглифам, украшающим древние мегалитические сооружения: те, кто высекал их в камне, преследовали не только эстетические цели. Однако речь в данном случае идет о так называемых доисторических сообществах, не оставивших по себе ясных и точных сведений, поэтому все, что мы можем — высказывать на их счет предположения и быть готовыми пересмотреть или отбросить любое из них. Зато Древняя Греция — спасибо письменности и скульптуре — подарила человечеству первоклассные свидетельства, отталкиваясь от которых, как от сравнительной базы, мы получаем возможность исследовать бесписьменные культуры, например культуру древних кельтов.

Если принять за основу трагедии Эсхила, то нетрудно заметить, что эллинская традиция подпитывалась не только великими мифами, но и элементами литургии, из собственно религиозной плоскости перешедшими в сферу профанного и в каком-то смысле

превращенным в спектакль, лишенный духовного содержания. Тем не менее отголоски религиозного начала прослеживаются и здесь, да и сама трагедия по существу остается литургией. Значение слова «трагедия» указывает на его сакральное происхождение: этимологически «трагедия» — это жертвоприношение козла, то есть кровавый ритуал, в ходе которого совершается убийство заместительного животного. Однако в трагедиях Эсхила в жертву приносят людей — или божеств — во славу могущественной и безжалостной богини Ананке, она же Фатум у древних римлян, то есть Судьба.

Вся драматургия Эсхила проникнута этой особой метафизикой, и это доказывает, что автор трагедий лишь переложил на общепонятный язык священные ритуалы, смысл которых уже в его время был мало кому понятен. Но в них четко прослеживается концепция сакральной жертвы — Прометей, Эдип и Орест суть искупительные жертвы, а в образе неоднозначного персонажа Ифигении («Ифигения в Тавриде») угадываются отголоски кровавого культа великой скифской солнечной богини, той самой Артемиды, что у римлян превратилась в «целомудренную Диану». У Эсхила хватает архаизмов, что придает его трагедиям аутентичность, какой не встретишь у Еврипида, где все подчинено литературе и хорошему вкусу в понимании афинского классицизма, иначе говоря, из стадии сакрального перешедшего в стадию профанного. Хотя и у Еврипида еще чувствуется мифологическая основа.

Кроме того, в греческом театре, родившемся из древних священных обрядов, как, впрочем, и в творчестве Гомера, мы наблюдаем вечное столкновение видимого с невидимым. Люди с легкостью проникают во вселенную богов, а боги без конца вмешиваются в дела людей, чаще всего жестоко манипулируя ими ради собственного удовольствия. Аналогичные сюжеты мы находим в трагедиях Расина, которые в более сглаженной и утонченной форме воспроизводят кровавые ритуалы Древней Греции. Но все это — и взаимопроникновение двух миров, видимого и невидимого, и сосуществование богов и людей, и вмешательство богов в дела смертных, и вмешательство смертных в дела богов — все это вписано в традицию кельтского праздника Самайн.

Так какие трагедии могли бы разыгрываться во время Самайна? Мы не располагаем ни одной, но это не значит, что их никогда не существовало. Если не считать нескольких намеков, содержащихся в валлийском цикле «Мабиноги», и постоянных ссылок на некие связанные с погребением игры в ирландских повестях, мы понятия не имеем, каким мог бы быть кельтский театр. Мало того, первые примеры того, что можно было бы назвать кельтской драматургией, то есть созданной на кельтском языке, например бретонской, появляются не раньше XVI века, но и они представляют собой христианские религиозные драмы, не имеющие никакого отношения к древней кельтской мифологии.

Но мы располагаем ценным указанием. В Бретани XVI века ставили пьесы на священные темы, которые можно сравнить с появившимся впоследствии французским средневековым театром. Мы знаем, что во время церковных служб читали библейские тексты и жития святых, а некоторые сцены еще и разыгрывали, чтобы сделать их более понятными и легко запоминающимися пастве, в большинстве своем неграмотной. Но, поскольку с годами эти иллюстрированные мимансом чтения — *неотъемлемая часть литургии* — усложнялись и дополнялись новыми элементами, к XI веку клир счел полезным отделить от собственно службы, а показывать вне стен культовых сооружений, то есть сделать их профанными (в буквальном значении слова «перед храмом»).

Так появились «Игра Адама» и другие священные пьесы, по мере дальнейшего развития и обогащения ставшие знаменитыми мистериями (от латинского *ministerium*, т. е. «служба», а не от греческого *mystos* — «тайный, скрытый», от которого произошло слово «мистика»). Как и греческий, французский театр изначально носил религиозный, точнее говоря, литургический характер. Очевидно, так же дело обстояло и у кельтов. Но где же нам искать литургические драмы Самайна?

В ответ на этот вопрос мы можем лишь выдвинуть гипотезу, и притом простую: в эпосе и мифах, где по сюжету невероятные приключения, а также смерть королей или героев имеют место во время Самайна.

В этом плане интерес для нас представляют три ирландских текста: повести «Вторая битва при Маг-Туиреде», «Смерть Муйрхертаха» и короткая, но явно древняя «Приключения Неры». Все три — литературные произведения, предназначенные для чтения вслух, и во всех трех в форме нарратива изложены более древние литургические обряды, сохранившиеся в виде изустной традиции; сами эти обряды больше не проводились, поскольку считались языческими, а записывали их монахи-христиане, не всегда понимавшие заложенный в них глубокий смысл. Эти повести напоминают сценарии, по которым при желании можно было бы поставить спектакль продолжительностью равной продолжительности праздника, как это и происходило в средневековой Франции.

«Вторая битва при Маг-Туиреде» повествует об окончательной победе старых богов *Tuatha Dé Danann* (племен богини Дану) над жестокими темными силами — фоморами. Во время первой битвы, состоявшейся на той же равнине Туиред, племена Дану потерпели поражение от фоморов, а их король Нуада потерял в ней руку. Но, поскольку целостность королевства напрямую зависела от физического здоровья короля, то Нуада со своей серебряной рукой взамен утраченной уже не мог управлять страной, и ее возглавил некий Брасс, по рождению принадлежавший и фоморам, и племенам Дану. Бресс проявил себя несправедливым королем, отдавая фоморам все, что они требовали, и племена Дану, стремясь сбросить это

тягостное иго, вернули на трон Нуаду, чудесным образом «вырастив» ему новую руку. Разумеется, свергнутый Бресс сговорился с фоморами и напал на племена Дану.

На этом этапе в историю вмешивается еще один персонаж божественного происхождения, также двойного, — знаменитый Луг Длиннорукий, «владеющий всеми ремеслами» и наделенный всеми атрибутами божественности. Но в отличие от Бресса, выступающего на стороне темных сил и поработителей, Луг являет собой героя света и освободителя. Даже не входя в число военачальников племен Дану, именно он ведет их к победе; разнообразные перипетии этой битвы символизируют схватку двух антагонистических начал, в результате которой гибнет предводитель фоморов, великан с испепеляющим взглядом по имени Балор. Камнем, пущенным из пращи, этого монстра убивает Луг — внук Балора, тем самым избавляя племена Дану от старых врагов и позволяя вернуть раздробленную страну в гармоничное состояние⁶⁴.

Между тем, специально оговаривается, что все эти события происходят во время празднования Самайна. Разумеется, это мифическая битва, сравнимая с битвой Олимпийских богов с Титанами или, если обратиться к германо-скандинавской мифологии, с войной асов и ванов. Можно было бы назвать ее своего рода «теогонией», где показаны фантастические способности

⁶⁴ См.: *Les Conquérants de l'Île verte*, op. cit.

богов, в том числе умение отращать себе новую конечность взамен отрубленной. Нам известно множество примеров того, как бог или герой (Осирис, Дионис и другие), пав жертвой темных разрушительных сил, бродящих по вселенной, разрублен ими на куски, но затем возрождается, целый и невредимый. Эти вымышленные битвы — нечто вроде опознавательных знаков, позволяющих строить предположения о древних ритуалах регенерации и возрождения.

Похожий сюжет, но еще более жесткий, мы встречаем в «Смерти Муйрхертах». Как и в повести «Разрушение Дома Да Дерга», о котором мы уже упоминали, рассказывая о ритуальной смерти короля Конайре Великого, Муйрхертах, не сумевший обеспечить благоденствие своему народу, гибнет от чар таинственной Син: король, уставший от власти, должен исчезнуть и уступить свое место другому, более молодому, более сильному, более смелому — такому, как Король-Рыбак из легенды о святом Граале⁶⁵. Все указывает на то, что главные события этой священной трагедии, оригинальный текст которой утерян, происходят во время празднования Самайна, в окружении появляющихся из ночной тьмы призраков, на скользких тропках, где непосвященному ничего не стоит оступиться и ухнуть в адскую бездну⁶⁶.

⁶⁵ См.: *Galaad et le Roi Pêcheur*, vol. 7 du *Cycle du Graal*, op. cit.

⁶⁶ См.: *Les Seigneurs de la brume*, op. cit.

Повесть «Приключения Неры», текст которой местами темен из-за обилия архаизмов и лакун, тем не менее, свидетельствует о стремлении ирландских монахов зафиксировать в письменном виде хотя бы некоторые аспекты древних ритуалов своих предков, даже если эти ритуалы порой казались им немного «сатанинскими». Но понимали ли они их смысл? В этой повести время как будто застыло, и все события происходят в один-единственный символический момент. Айлиль и Медб, король и королева Коннахта, находятся в своей крепости Круахан; с ними несколько верных слуг; они сидят возле очага, где в большом котле варится похлебка. Это вечер Самайна. Вдруг король объявляет, что щедро наградит воина, который осмелится пойти и завязать ивовый прут вокруг ноги одного из пленников, подвешенных в «пыточной». Далее рассказ принимает странный оборот: «Глубока была темень в ту ночь. Все мужчины выразили желание туда пойти, но каждый вернулся, так и не сумев завязать ивовый прут вокруг ноги пленника. Все они испугались призраков, бродивших вокруг крепости». Если мы правильно понимаем, речь идет как раз о том, что мы в наши дни наблюдаем вечером 31 октября — за тем исключением, что там были не переодетые детишки, а *настоящие* призраки. Ирландский текст подчеркивает тот ужас, что охватил самых отважных воинов.

Но среди них нашелся один, некий Нера, решивший принять вызов. Король пообещал, что в случае удачи подарит ему свой меч с золотой рукоятью. Но

Нера осторожен. Прежде чем отправиться выполнять задание, он облачается в самые прочные доспехи. Однако стоит ему войти в «пыточную», как доспехи с него спадают. Тогда один из пленников дает ему совет прибить их гвоздем. Нера так и делает, и доспехи больше не спадают. Он завязывает ивовый прут вокруг ноги пленника, и тот говорит ему: «Во имя твоей доблести, посади меня себе на спину и возьми с собой, чтобы я мог с тобой выпить. Когда меня здесь вешали, я умирал от жажды». Заметим, что пленник повешен, что отсылает нас к так называемому ритуалу Тевтата, а также иссушен и в каком-то смысле удушен, что с одной стороны совпадает со схолиями Лукана, а с другой — с историей про котел из Гундеструпа.

Нера соглашается исполнить просьбу пленника. Он сажает его себе на спину и несет к ближайшему дому, но вдруг оказывается в некоем фантастическом месте. Дом охвачен пламенем. Пленник говорит Нере: «В этом доме нет ничего хорошего, потому что не бывает огня без трезвости». Тогда они идут ко второму дому, но путь к тому преграждает озеро. Пленник говорит: «Не пойдем в этот дом. В нем наверняка нет чана ни для умыванья, ни для мытья посуды». Пленник явно страдает от жажды, но жаждет он не воды, а чего-то другого; это символическая жажда: как и все участники Самайна, он хочет напиться допьяна, чтобы попасть в Иной мир.

Они входят в третий дом, и Нера опускает свою ношу на пол. «В комнате и правда стояли чаны для

мытья и умыванья, но в каждом из них было питье. [...] Пленник отпил по глотку из каждого чана, а последней каплейдохнул на обитателей дома, и все они умерли». По всей видимости, пить то, что содержалось в чанах, могли только избранные. Иначе невозможно объяснить, зачем было убивать людей, не проявивших ни малейшей враждебности ни к пленнику, ни к самому Нере. Во всяком случае эта деталь ясно указывает на сакральный характер напитка. Но таково свойство сакрального — оно может быть не только благотворным, но и опасным.

Исполнив обещание, Нера снова сажает пленника себе на спину, намереваясь вернуться вместе с ним в пыточную. «Но тут он видит удивительную вещь: на месте крепости стоит выжженный курган, огороженный кольями с надетыми на них человеческими головами, среди которых он узнал головы Айлиля, Медб и всех их родственников». Легко понять негодование Неры. «Когда он различил в сумраке толпу воинов, то последовал за ними внутрь кургана». Однако курган, а на самом деле груда мегалитов, всегда считался обиталищем волшебного народа, то есть племен богини Дану. И Нера, по наущению пленника исполнивший некий странный ритуал, сам того не сознавая, проникает в Иной мир. И все вокруг него меняется, и время, и пространство.

Мы понимаем, что Круахан существует в двух измерениях. На верхнем, видимом, уровне живут в крепости Айлиль и Медб. Возможно, они мифические

существа, но в повести представлены людьми и правителями Коннахта — западной и самой бедной ирландской провинции. А вот на нижнем уровне, большую часть времени невидимом, находится знаменитый *сид* — пространство, в котором после поражения в битве с сыновьями Миля (гаэлами) укрылись древние боги племен Дану. Это волшебное или, если угодно, божественное пространство, параллельное «верхнему миру»: здесь тоже есть крепости, дома, луга и баснословные богатства. Таким образом, Нера попадает в *сид*. Его ведут к королю, и тот велит ему отправиться к женщине, которая живет в доме одна, и каждый день приносить ей по вязанке дров.

Нера идет в указанный дом, проводит с женщиной ночь, после чего приступает к ежедневному исполнению приказа короля. Как долго это продолжается, неизвестно, но Нера становится свидетелем странных вещей. Например, видит, что богато украшенную корону охраняют два стража, один — слепой, второй — хромой. Наступает день, когда Нера пытается расспросить свою «жену». Та объясняет, что это волшебная корона короля Бриуна, и тот, кто ее наденет, получит высшую власть. Нера говорит: «Есть еще кое-что, что меня тревожит. Я хочу знать, что произошло в тот день, когда я проник в курган. Я видел, что крепость Круахан разрушена и сожжена, а люди твоего народа убили Айлиля, Медб и всех их домочадцев».

Женщина открывает ему правду. «Это не так, — отвечает она. — На крепость напало войско теней. Но это случится на самом деле, если ты не предупредишь своих». Нера спрашивает, как ему это сделать. Женщина отвечает: «Встань и иди к ним. Они по-прежнему сидят вокруг котла и еще не съели то, что в котле». В сущности, помогая Нере, женщина предает свой народ. Но она идет еще дальше и советует Нере уговорить Айлиля и Медб в следующий Самайн разрушить *сид*. Затем она признается, что беременна и вскоре родит сына. «Когда твой народ придет, чтобы разрушить курган, пришли мне предупреждение, чтобы я успела спрятаться сама и укрыть твое стадо. А сам можешь возвращаться сюда когда захочешь». Нера сомневается, что король и королева Коннахта поверят в его рассказ, и тогда женщина советует ему набрать «первоцветов, дикого чеснока и клубники» — растений, которых в период Самайна уже не встретишь. Это докажет, что он говорит правду.

Нера возвращается в крепость и вопреки тому, что видел перед проникновением в курган, не замечает ничего необычного. Ему казалось, что он провел в кургане три дня, однако, когда он пришел, Айлиль, Медб и все их домочадцы по-прежнему сидели вокруг котла». Он сказал, что выполнил задание Айлиля и обвязал ивовым прутом ногу пленника, а затем поведал королю и королеве Коннахта, что на следующий год, когда настанет Самайн, им

следует разрушить *сид*. Айлиль вручил Нере свой меч с золотой рукоятью и пообещал, что предпримет поход на *сид*.

Прошел год. «За три дня до Самайна Айлиль предупредил Неру, что тому пора озаботиться спасением своей жены и своего добра». Нера вернулся в *сид*, и жена показала ему сына. Он взял их с собой, как и стадо, и увел из *сида*. Куда он их увел, в рассказе не уточняется. «Накануне Самайна Айлиль и Медб собрали людей Коннахта и отправились к кургану. Разрушили его и забрали из него все богатства. Так Айлиль и Медб получили корону Бриуна, даровавшую им власть над всеми народами Ирландии. Что до Неры, то он вернулся в курган вместе с женой, сыном и стадом, и с тех пор там они и жили⁶⁷».

Чрезвычайно странная история... В структуре повествования ясно прослеживается драматургия литургии. Очевидно, что перед нами — рассказ об инициации. Ее первым этапом служит испытание: герой должен победить страх перед призраками, являющимися в ночь Самайна. На втором этапе ему предстоит отвести «повешенного» в дом, где тот отведает волшебного пьянящего питья; для Неры этот эпизод — примерно то же, что для Энея завладение золотой ветвью, открывающей доступ к Иному миру. Третий этап — это пребывание Неры в *сиде*, где ему

⁶⁷ Полную версию рассказа см. в: «*Démons et Merveilles*», *Les Conquérants de l'Île verte*, vol. 1 de *La Grande Épopée des Celtes*, op. cit.

передаются некоторые сверхъестественные способности волшебного народа: он совершает переход на высший уровень сознания и в каком-то смысле обретает дар «двойного зрения». Но при этом он не теряет полностью связь со своими, поэтому возвращается предупредить их о грозящей опасности. В сущности он совершает ритуал восстановления королевской власти, олицетворяемой Айлилем и Медб, свидетельством чему служит корона Бриуна, дарующая им власть над всеми народами Ирландии. Нера исполняет священный долг и выступает жрецом удивительной литургии, позволяющей королю в период Самайна, когда кончается лето, возродить свою слабнущую власть и лицом к лицу встретить новый год. Сам Нера в качестве «жреца» обретает бессмертие и возможность существовать вне времени и пространства.

Отметим, что описываемые события происходят в промежутке между двумя ночами Самайна, то есть на протяжении одного года. То же повторяется в другой повести Ульстерского цикла — «Болезни Кухулина». Во время празднования Самайна герой ранит камнем, пущенным из пращи, двух белых птиц, которые на самом деле были девушками из *сида*, а именно феей Фанд и ее служанкой. Фанд влюблена в Кухулина, но воспринимает нанесенную ей рану как оскорбление. Она насылает на него чары, и он целый год должен будет провести в состоянии глубокого сна (болезни). Исцелиться он сможет только в следующий Самайн,

если отправится в Иной мир и вступит в любовную связь с феей⁶⁸. Однако он выходит из этого испытания еще более сильным, чем раньше. Можно предположить, что испытание в виде временной смерти позволяет ему обновить свои жизненные силы и дает возможность совершить на следующий год удивительные подвиги.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ИНЫМ МИРОМ

Больше всего в рассказах, связанных с празднованием Самайна, поражает взаимопроникновение мира живых, мира видимого, с миром богов, героев и покойников — этот последний невидим, но постоянно присутствует и существует параллельно с миром повседневности. В ночь Самайна барьеры между жизнью и смертью теряют непроницаемость, и каждый может беспрепятственно ходить туда и сюда, как это описывает эпизод валлийской повести «Перидур»: белые бараны, пересекая устье реки, на другом берегу становятся черными, а те, что переходили реку в обратном направлении, из черных превращаются в белых. Этот процесс можно было бы назвать *переходом душ*. Если задуматься, ярким примером

⁶⁸ Полную версию рассказа см. в: *Le Héros aux cent combats*, vol. 3 de *La Grande Épopée des Celtes*, op. cit.

подобного перехода могут служить карнавальные шествия на Хэллоуин⁶⁹.

Есть весьма красноречивый ирландский текст на эту тему — «Детство Финна». Герой истории, Финн Маккул, благодаря романтикам больше известный как Фингал, отправляется к поэту Сетхерну, сыну Финтана, чтобы обучиться у него наукам и умению предсказывать будущее. «Он прибыл за несколько дней до праздника Самайн [...] и обнаружил целое сборище поэтов. [...] Вечером они вдвоем пошли прогуляться до кургана под названием *сид Эле*. Финн спросил, почему этот курган так называется, и поэт ответил: «В числе обитателей этого кургана есть девушка удивительной красоты по имени Эле. Красотой она настолько превосходит остальных женщин, что мы называли курган в ее честь. Но видеть ее можно только в ночь Самайна, потому что, как тебе известно, пока длится этот праздник, курганы открываются и их обитатели

⁶⁹ Здесь возникает вопрос о реальном значении «плясок смерти», изображенных на фресках, в том числе находящихся в Ла-Шез-Дьё (Верхняя Луара), Кермариан-ан-Искюит (Кот д'Армор) и Кернаскледене (Морбиан). Долгое время считалось, что они носят нравоучительный характер, но не исключено, что они представляют собой нечто вроде триумфального гимна в честь «единения святых», то есть служат свидетельством взаимопроникновения двух миров. Похожую фреску XV века можно видеть в церкви Эннеза (Пюи-де-Дром), на которой попеременно показаны три покойника и три «живых» человека. Этих примеров вполне достаточно, чтобы понять, зачем нужны гротескные шествия на Хэллоуин. — Прим. автора.

могут приходиться к нам, а мы можем ходить к ним, в их огромные дома и великолепные дворцы⁷⁰».

В алхимическом сочинении, известном под заглавием «*Tabula Smaragdina*» («Изумрудная таблица»), утверждается, что в верхнем мире есть все то, что присутствует в нижнем, и о том же свидетельствует выше процитированный текст. «Не успело солнце сесть, как курганы открылись. [...] Финн увидел, как из них вышли толпы народу, весело приветствуя друг друга и угощая друг друга принесенными с собой яствами и питьем. Все казались радостными [...], и обитатели курганов не выказывали никакой враждебности к людям, собравшимся на лугу⁷¹».

Но в сакральном может таиться опасность. Люди, собравшиеся на лугу, рискуют. В основном это мужчины; каждую ночь Самайна они приходят сюда, чтобы хоть одним глазком взглянуть на прекрасную Эле, в которую влюблены. И каждый год один из них загадочным образом гибнет, убитый дротиком. Финн дает себе слово покончить с этой кровавой игрой. Он прячется в укромном месте и, когда в сиянии своей красоты появляется Эле, замечает «вышедшего из кургана мужчину в темно-сером одеянии, который на некотором расстоянии следует за Эле. В руках он держит дротик». Мужчина поднимает руку, намереваясь

⁷⁰ J. Markale, *Les Triomphes du roi errant*, vol. 4 de *La Grande Épopée des Celtes*, op. cit., p. 67.

⁷¹ *Ibid.*, p. 71.

метнуть дротик в одного из влюбленных, и в этот момент Финн бросает в него свое копьё и пронзает его насквозь. «Незнакомец, издав громкий крик боли, падает, но тут же вскакивает на ноги, бегом устремляется к сиду Эле и там исчезает».

Финн со своим спутником Фиакулом бросаются к входу в курган, но двери уже закрыты. «Тогда они слышали горестные вопли и поняли, что обитатели кургана оплакивают своего сородича, возлюбленного прекрасной Эле, который каждый год убивал из ревности одного из ее поклонников». Между тем, не все обитатели кургана успели вернуться назад. Финн затесывается в их толпу, хватая за руку одну из женщин и тащит ее за собой, подальше от кургана. Она требует ее отпустить и грозит ему страшным проклятием, но Финн не пугается и предлагает ей сделку: он отпустит ее, если она вернет ему волшебное копьё, которым он убил возлюбленного Эле. «В тот же миг она чудом исчезла в кургане, откуда все еще доносились жалобные крики, но вскоре дверь приоткрылась и женщина бросила к ногам Финна копьё, все еще запачканное кровью⁷²».

Разумеется, эту фантасмагорическую историю не следует понимать буквально. Тот факт, что Финну удалось убить одного из обитателей *сида*, то есть бесмертного, довольно явно указывает на ритуальный характер убийства, предшествующего возрождению,

⁷² Ibid.

с вмешательством человеческого существа, играющего роль жреца, совершающего жертвоприношение. Окровавленное копьё Финна приобретает особое значение, становясь сакральным предметом. Что до ежегодных убийств воздыхателей прекрасной Эле, то они являются частью кровавого ритуала жертвоприношения некоему божеству, в данном случае — женщине из кургана, красота которой сражает наповал каждого, кто хоть раз ее увидит.

Отметим также возможность *договариваться* с существами из Иного мира, даже если они ведут себя крайне враждебно. И Финн не упускает этой возможности. В продолжение истории Финн и Фиакул однажды, судя по всему, в вечер Самайна, оказываются близ кургана. Они увидели «трех женщин, которые рыдали над курганом, и, заинтересованные, приблизились к ним. Заметив их, женщины вскочили и бегом устремились внутрь кургана. Но одна из них замешкалась, и Финн, поймав ее за край плаща, сорвал с него брошь». Обнаружив пропажу, разгневанная женщина вернулась и приказала вернуть ей брошь. Финн ответил: «Я отдам ее тебе, если ты объяснишь, почему вы убежали». На что женщина категорично заявила: «Не собираюсь ничего тебе объяснять».

Затем она заплакала и сказала: «Мне стыдно возвращаться в курган без броши. Тебе этого не понять, но на меня падет пятно позора. Меня изгонят из племени, и мне придется ночь за ночью бродить по всей Ирландии, ни на миг не находя покоя. Умоляю, верни

мне брошь, а взамен получишь от меня дар⁷³». Финн Маккул соглашается. Хеппи-энд.

Итак, с существами Иного мира можно обмениваться предметами или способностями. Что еще интересно в этой истории? В ней упоминается, что отдельные представители волшебного народа могут быть изгнаны из племени и осуждены на бродяжничество. Если мы правильно понимаем, изгнанной женщине грозило превращение в призрака. Тот же мотив встречается в христианских легендах о душах, попавших в чистилище и осужденных бродить по земле, пока не истечет срок их наказания или пока кто-то из живых не поможет им совершить искупительный поступок. В сущности это тема «Вечного Жида», а также «Летучего Голландца» Рихарда Вагнера. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в вечер Хэллоуина вы можете встретить существо в маске и балахоне, переодетое тем самым призраком, что столетиями, если не тысячелетиями, пугали воображение людей.

Разумеется, брошь, отнятая Финном у женщины, а затем возвращенная ей, должна играть важную роль. По всей видимости, это был символ ее сверхъестественных способностей. Лишенная их, она, понятное

⁷³ *Ibid.*, p. 72. В рукописи «Детство Финна» в этом месте пропуск, и мы не знаем, что именно Финн получил в дар, но, сравнивая повествование с другими рассказами цикла, можно предположить, что речь шла о «даре исцелять раненых, давая им напиться из своих сложенных ладоней». — Прим. автора.

дело, больше не могла рассчитывать на принадлежность к волшебному народу. В другой ирландской повести, «Приключения Арта, сына Конна», приводится аналогичная история. Начинается она в «Земле Обетованной» — таинственной стране, под которой, очевидно, подразумевается Иной мир, то есть *сид*, обителище *Туаха Де Дананн* — племен богини Дану. «Народы богини Дану собрались на совет, чтобы обсудить дело великой важности. Они должны были предать суду деву по имени Бекуна Белокожая⁷⁴ [...], нарушившую закон и обычай волшебного народа. Спорили они долго, ибо не могли достичь согласия о том, как наказать виновную: изгнать ее из Земли Обетованной или сжечь и рассеять прах над морем? Тогда взял слово Мананнан, сын Лира⁷⁵, который сказал, что сжигать виновную нельзя, потому что проклятье ее преступления⁷⁶ падет на Землю Обетованную и все народы Дану. В конце концов они решили, что навсегда изгонят Бекуну Белокожую так, чтобы она не нашла приюта ни в одном из домов своих родичей⁷⁷».

⁷⁴ «Белая кожа» считалась у кельтов одним из канонов красоты. — *Прим. автора.*

⁷⁵ Верховный правитель племен богини Дану, возглавивший свой народ, который, обретя дар невидимости, укрылся в подземном царстве курганов или на таинственных островах близ Ирландии. — *Прим. автора.*

⁷⁶ О природе этого преступления источник умалчивает. — *Прим. автора.*

⁷⁷ *Les Seigneurs de la brume*, op. cit., pp. 115–116.

Так на земле появился еще один призрак. Приговор был суровым: «Бекуне Белокожей запрещено искать убежище не только в ирландских *сидах*, но и по ту сторону моря, в Шотландии и на острове Британия». Важная деталь: она должна отправиться в «землю Ирландии и принести ей проклятье, ибо после поражения в битве против Сыновей Миля племена богини Дану пылают ненавистью к гаэлам и не упустят ни единой возможности им навредить⁷⁸». Весьма красноречивое дополнение; благодаря ему мы узнаем, что древние ирландцы думали об этом теневом народе, всегда готовом вмешаться с недобрыми намерениями в дела людей. Христианство внесет в эту концепцию свою лепту, окончательно его демонизируя и призывая бороться с ним методами экзорцизма. Отсюда — маскарадный характер Хэллоуина.

Итак, Бекуна Белокожая возникает — разумеется, во время Самайна — на ирландском берегу. Она соблазняет Конна — короля ста битв — и на целый год становится его наложницей. Но вместе с ней приходит «проклятье», и земля королевства весь год ничего не родит. После ряда событий, напоминающих попытки экзорцизма, Бекуна соглашается сыграть с Артом, сыном Конна, две партии в шахматы. Первую партию Бекуна проигрывает и должна совершить нечто невозможное. Ей это все же удастся благодаря содействию некоторых представителей волшебного народа;

⁷⁸ *Ibid.*, p. 116.

несмотря на изгнание, Бекуна не лишилась сверхъестественных способностей. В итоге она возвращается в крепость Тары и «приводит с собой из *сида* трижды пятьдесят молодых мужчин. Никто, кроме Бекуны, их не видит, потому что Мананнан, сын Лира, наделил их даром невидимости».

Благодаря этим невидимым помощникам Бекуна выигрывает вторую партию. Арт понимает, что его провели, но не может ничего поделать, и теперь уже ему приходится выполнить невыполнимое задание: привести девушку, принадлежащую к волшебному народу, хотя он понятия не имеет, где ее искать. За время невероятного путешествия длиной в год (от Самайна до Самайна) Арту, проявившему чудеса целеустремленности и отваги, удается — не без поддержки со стороны некоторых представителей Земли Обетованной — привести домой *добрую фею*, которая возвращает королевство к процветанию и вынуждает *злую фею* Бекуну покинуть землю Ирландии и отправиться в вечное изгнание.

Действительно, в Ином мире, о котором грезили и который описывали кельты, существовали и *добрые*, и *злые* создания, и часто именно *добрые* призывали на помощь людей, чтобы вместе сражаться против разрушительных сил, угрожавших гармонии «благословенных земель». Таков случай героя Кухулина: чтобы вернуть себе утраченные здоровье и силу, он должен биться на стороне короля Земли Обетованной. Таков же случай Финна и его товарищей: некое странное

существо, в вечер Самайна появляющееся в Ирландии верхом на устрашающего вида кобыле, увлекает их в загадочную «Страну под волной».

Эти источники позволяют нам уточнить некоторые подробности, связанные с праздником Самайн. «Финн, как до него его отец Кумал и его дед Тренмор, имел обычай отмечать конец лета и праздник Самайн большой охотой в одном из лесов Ирландии, а затем устраивать великий пир в крепости Аллен. В главном зале его жилища слышались оживленные разговоры и громкий смех, исполнялись героические песни, а лучшие арфисты и самые умелые флейтисты играли тихую музыку. Гости не вставали из-за стола, пока полностью не удовлетворят голод и жажду и не примут участие в играх и развлечениях⁷⁹».

Заметим мимоходом, что в программе празднества присутствовали не только обильная еда и спиртные напитки, но также игры, которые не следует смешивать с развлечениями. Вспомним для сравнения, что в средневековом французском театре в основе религиозной драмы лежала *игра*; со временем она удлинялась за счет включения эпизодов комического характера (наполняясь «фаршем» — отсюда слово «фарс»); впоследствии эти эпизоды окончательно оторвались от религиозной основы и стали самостоятельными пьесами.

⁷⁹ *Les Triomphes du roi errant*, op. cit., p. 112.

Но в основном Иной мир давал о себе знать во время охоты. Финн со своими соратниками-*фениями*, входившими в дружину «Фианна», находился на берегу моря. Вдруг из воды появился удивительный персонаж верхом на удивительной кобыле и приблизился к ним. «Огромного роста, с темным неприятным лицом, дикой повадкой и уродливыми членами. В левой волосатой руке он сжимал железную палицу. На спине у него висел черный щит дурной выделки, с уродливого левого бедра свисал острый меч со слишком широким клинком. Два копья казались погнутыми, наверное, чтобы стать длиннее, и жалко болтались у него на плече. Одежда на нем была такой изношенной, словно десяток лет пролежала закопанной в землю. А кобыла его была такой тощей, что из боков торчали реберные кости⁸⁰».

Этот портрет почти полностью соответствует описанию «дикаря» — косматого жителя лесов и частого героя кельтской мифологии и романов о короле Артуре. В данном случае он заявляет, что зовут его Гилла, но, судя по некоторым деталям, в первую очередь, наличию палицы, можно предположить, что это Дагда — один из великих богов ирландской мифологии, который позже появится у Рабле в литературном образе Гаргантюа. Гилла просит *фениев* принять его в дружину, и те охотно соглашались. После множества перипетий Гилла вовлекает Финна и нескольких его воинов в безумную скачку на его кобыле и заводит их напрямиком в море, откуда они попадают

⁸⁰ *Ibid.*, p. 113.

в удивительную страну, где их ждут невероятные приключения. Потом они возвращаются в Ирландию — разумеется, в вечер Самайна. Фении помогли обитателям Иного мира сразиться с демонами в пространстве без времени. Гилла целый год остается вместе с *фениями* и прощается с ними, когда наступает Самайн⁸¹.

Итак, в персонаже Гиллы явно угадывается один из вождей *Туатха Де Даннан* — Дагда, имя которого означает «добрый бог». Действительно, в обмен на услуги, оказанные ему *фениями* в Земле Обетованной, он дарует им процветание и радость. Это немного напоминает странные истории, в которых Королева фей влюбляется в смертного и уводит его — иногда при помощи колдовства — за собой в свое волшебное царство, чаще всего — на некий райский остров (у ирландцев — Эмайн Альбах, то есть «Яблоневый остров»), точный аналог Авалона из легенд о короле Артуре, где всем правят женщины, где фрукты зреют круглый год, где отсутствуют земные заботы и не существует понятия времени.

Самая яркая и подробная из этих историй, бесспорно, — «Плавание Брана, сына Фебала»⁸². Фея, влюбленная в героя, поет ему чудесную песню и дарит яблоневую ветвь, чем его буквально завораживает и вынуждает пуститься в удивительное плавание в Страну фей. То же самое происходит и с Финном в повести «Ойсин в Земле

⁸¹ См.: *Les Triomphes du roi errant*, op. cit.

⁸² См.: *Les Conquistants de l'Île verte*, op. cit., sous le titre «la Terre des Fées».

Обетованной»⁸³, и с Кондлой, сыном Конна ста битв, похищенным феей вопреки заклинаниям друидов, друзей его отца. Кондла из путешествия не возвращается⁸⁴. В отличие от Ойсина и Брана — последний спустя две-сти лет пристает к берегам Ирландии и рассказывает, что с ним приключилось. Как бы то ни было, Фея в этих историях не злоумышляет против героя, напротив, делает все, чтобы он был счастлив и обрел бессмертие.

Таким образом, из множества источников мы узнаем, что обитателей Иного мира — как покойников, так и древних богов, именуемых «племенами богини Дану», отличают те же достоинства и недостатки, что и живых людей. Они не лучше и не хуже их, они просто *есть*. Как у древних греков, они покорны Судьбе, даже если порой пытаются с ней бороться и иногда одерживают победу. Они вовсе не пребывают в постоянном блаженстве и способны испытывать страдания. Но у них есть одно качество, возвышающее их над людьми: они обладают «магическими» способностями, а главное, знают то, что неведомо простым смертным, в первую очередь все, что касается будущего. И в стремлении привнести в их жизнь гармонию и справедливость, охотно предупреждают людей о том, что их ждет.

Именно таков сюжет короткого рассказа «Провидческое исступление призрака»⁸⁵. Однажды во время

⁸³ См.: *Les Triomphes du roi errant*, op. cit.

⁸⁴ См.: *Les Seigneurs de la brume*, op. cit.

⁸⁵ *Ibid.*

праздника Самайн король Конн ста битв был застигнут густым туманом и сам не заметил, как оказался в великолепном дворце, где бог Луг поведал ему о его будущих подвигах и подвигах его потомков. Внук Конна, король Кормак, пережил похожее приключение — с той разницей, что бог Луг вначале подверг его испытанию, дабы убедиться в его честности⁸⁶. В обоих случаях существа из Иного мира выступили по отношению к людям благодетелями. Это показывает нам, о чем думали кельты, мечтая о взаимопроникновении двух миров — видимого и невидимого.

УПРАЗДНЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Бран, сын Фебала, и его спутники провели в Стране фей два месяца. Охваченные тоской по родной Ирландии, они попросили у фей разрешения побывать дома. Феи их отпустили, но предупредили, что их ноги не должны касаться земли. Подплыв к берегу, Бран заводит разговор с рыбаками и узнает, что после их отбытия прошло двести лет. Один из спутников Брана, не в силах сдержаться, спрыгивает с корабля, но, едва коснувшись ногой земли, превращается в кучку праха. Чем не наглядная иллюстрация теории относительности Эйнштейна, согласно которой время зависит от

⁸⁶ *Ibid.*

скорости и выбора системы отсчета? Страна фей находилась на другой планете, которая двигалась не с той же скоростью, что Земля. Пока Бран и его спутники оставались внутри другой системы отсчета, они не старелись, иначе говоря, обретали бессмертие — во всяком случае до тех пор, пока не покидали волшебное царство.

Но иногда происходило и обратное. Нера, попавший в *сид* Круахана, считал, что провел там несколько дней. Однако когда он вернулся в дом Айлилия и Медб, выяснилось, что он отсутствовал всего несколько минут. То есть в Ином мире время растянулось, а в мире живых — сжалось. Именно это и происходит в ночь Самайна. Эпос и мифы, а также народные сказки изобилуют историями подобного рода. Один из наиболее убедительных примеров этого мы находим в начале прекрасной повести «Этайн и Король теней» — одной из самых любопытных во всей ирландской мифологии⁸⁷.

Вечером Самайна великий Дагда, «почитаемый всеми за то, что умел творить чудеса, вызывать и прекращать грозу [...], защищал урожай и следил за тучностью пастбищ», явился в *сид* Бру-на-Бойна (иначе говоря, в мегалитический курган Ньюгрейндж), где его брат Элкмар устраивал пир. Там он без памяти влюбился в жену Элкмара, прекрасную Боан (персонификация реки Бойн). Женщина ответила ему взаимностью, но испугалась ревности мужа. Тогда Дагда отправил брата с посланием

⁸⁷ *Les conquérants de l'Île verte*, chap. XII, sous le titre «Les Tribulations du jeune Angus», op. cit.

в другой *сид*. Элмар повиновался. Но, стоило ему чуть удалиться от дома, Дагда наслал на него чары, чтобы он, отсутствуя целый год, думал, что отлучился всего на один день и одну ночь. За это ставшее «резиновым» время Боан успела родить Дагде сына. Она хотела назвать его Энгусом, что означало «Единственный», и дать ему прозвище Мак Ок, то есть «меньшой», потому что он был младшим сыном Дагды. Но главное, Дагда постарался до возвращения Элмара переправить ребенка в другой *сид*, Бри-Лейт, где его отдали на воспитание некоему Мидеру, которому Дагда полностью доверял. Элмар, ни о чем не подозревая, вернулся в ночь Самайна, уверенный, что не был дома не больше суток.

Но на этом история не закончилась. Прошли годы, и вот однажды в *сиде* Бри-Лейт товарищ по играм назвал Энгуса «бастардом». Он расспросил Мидера, своего приемного отца, и тот признался, что Энгус — сын великого Дагды. Энгус быстро сообразил, что это значит, и начал искать встречи с Дагдой, чтобы потребовать у него для себя владение. Дагда пришел в расстройство, потому что у каждого *сида* был свой правитель, но в конце концов решил передать ему *сид* Бру-на-Бойне. Оставалось найти законный предлог, чтобы отстранить от власти Элмара. И Дагда разработал хитроумный план, которому позавидовали бы даже монахи-молинисты⁸⁸, столь нелюбимые Блезом Паскалем.

⁸⁸ Последователи иезуита Луиса де Молины (1535–1600), стремившиеся согласовать свободу воли человека с божественным предопределением.

Прихватив сына и Мидера, Дагда направляется в Бру-на-Бойне, куда они прибывают в вечер Самайна. Элмар оказывает им самый радушный прием. Дагда отводит сына в сторону и говорит ему: «Этот дом прекраснее всех, что я видел в Земле Обетованной. Он стоит в удобном и красивом месте, на берегу Бойна, на границе пяти провинций! Будь я тобой, Энгус, я бы сделал этот *сид* своим: наслал бы на Элмара чары, чтобы он немедленно оставил эти владения, передав мне власть над ними. Сейчас канун Самайна, а ты знаешь, что в ночь Самайна время не существует. Поэтому тебе достаточно попросить Элмара отдать тебе Бру на одну ночь и один день; он так напился, что одна ночь и один день в Самайн равны вечности».

Энгус последовал советам отца, и по его просьбе Элмар передал ему власть над Бру на одну ночь и один день. «Когда же этот срок прошел и Элмар потребовал вернуть ему владение, Энгус наслал на него чары и приказал немедленно покинуть Бру и никогда не возвращаться. Едва услышав этот приказ, Элмар вспорхнул легко, как птичка, спасающаяся от готовой прыгнуть на нее кошки».

Противиться чарам — волшебному заклинанию *гейс* — было так же невозможно, как отрицать, что ночь и день Самайна делятся вечность. Человеческое время, разделенное на дни и ночи, в священный праздник исчезало, возвращаясь в состояние, описанное в библейской Книге Бытия или в римских легендах

о Золотом веке и царствовании Сатурна — доброго бога-защитника, антипода Крону, с которым он впоследствии вступил в борьбу.

Мы не знаем ни одной другой традиционной культуры, в которой понятие времени подверглось бы такому радикальному упразднению. Если принять подход, обращающий время в ничто, то отстранение от власти Элкмара выглядит вполне законным и не может быть оспорено, во всяком случае пока мы находимся в *сиде*, владении племен богини Дану, и в уникальный в году период празднования Самайна. В Ином мире, судя по всему, существующим параллельно с миром живых, не действует земная логика. Но и метафизика, свойственная Иному миру, тоже отличается от земной. В ее контексте мы внезапно попадаем в мир богов, героев и фей. Но, если разобраться, кто они все, если не мертвецы, сумевшие переселиться в другую вселенную, неподвластную человеческим законам? Получается, что христианское содержание Дня всех святых не так уж далеко отстоит от этой концепции упраздненного времени.

ГЛУБИННЫЙ СМЫСЛ САМАЙНА

Религиозная и светская жизнь кельтов была отмечена двумя главными датами — 1 ноября и 1 мая (или во всяком случае ближайшей к ним ночью

полнолуния). Если Самайн знаменовал конец лета и наступление периода «темных месяцев», то есть зимы, то Белтайн, который праздновали около 1 мая, означал конец зимы и приход «месяцев света». Таким образом Белтайн — это антитеза Самайну, позволяющая нам лучше понять его глубинный смысл и разобраться, для чего он был нужен и как проходил.

На Белтайн стада выгоняли на пастбище, после чего приступали к очистке хлева не только от материальных нечистот, но и от возможного присутствия злокозненных сущностей, проникших сюда за «темные месяцы». Прощание с зимой сопровождалось всевозможными увеселениями; ближе к вечеру кельты жгли костры. Белтайн — праздник света, о чем говорит и его название: «огни Бела»; имя Бел — сокращенный вариант галльского *Belenos* («блестящий», «сияющий»). В необычном календаре кельтов-христиан, живших на Британских островах, костры в честь Беленоса часто отождествляли с пасхальным костром⁸⁹ или переносили на время солнцестояния и называли

⁸⁹ Так в 432 году святой Патрик первым зажег пасхальный костер на холме Слейн — на несколько мгновений раньше, чем король Ирландии зажег друидский костер на холме Тара. Это был дерзкий поступок, за который вполне могло последовать наказание в виде смертной казни. Этот эпизод стал символом победы христианства над древней религией друидов. — *Прим. автора.*

кострами святого Иоанна⁹⁰. Кроме того, на Белтайн славили просыпающуюся природу и сажали Майское дерево (позднее превратившееся у англосаксов в Майский шест). Из этого ритуала родился обычай на 1 мая дарить друг другу на счастье ландыши⁹¹. Наконец, кельты радовались наступлению лета и устраивали в честь этого пиры с обильной едой и алкоголем, а также затевали всевозможные игры, по большей части сакрального характера⁹².

⁹⁰ Эти ритуалы появились задолго до кельтов, возможно, во времена бронзового века или в эпоху неолита, когда обитатели всей Западной Европы поклонялись культу солнца. — *Прим. автора.*

⁹¹ Культ ландыша возник не раньше конца XIX века и поначалу затрагивал только Париж и его окрестности, но вскоре распространился почти повсеместно. Отметим, что в Бретани, особенно в департаменте Морбиан, еще и сегодня местные жители ходят в лес за ветками бука с молодыми листочками, которые затем сажают в саду, в поле или просто прибивают к стене дома. Если спросить их, зачем они это делают, они отвечают, что сами не знают, но таков обычай. — *Прим. автора.*

⁹² Любопытно, что на 1 мая приходится День солидарности трудящихся, изначально появившийся как революционный праздник, но на самом деле являющийся отдаленным эхом Белтайна. Ставший своего рода современным «фольклором», напроочь забывшим о своих корнях, в Западную Европу — и в мир в целом — он вернулся благодаря американским профсоюзам, возглавляемым или вдохновляемым ирландскими эмигрантами и их потомками. 1 мая не вошло в календарь религиозных праздников, поэтому неудивительно, что оно быстро утратило сакральный характер и превратилось в политическое мероприятие. Тем не менее его концепция осталась прежней — прославление «труда» как священного вида деятельности, требующей справедливого вознаграждения. — *Прим. автора.*

Таким образом, Белтайн находится на противоположном полюсе от Самайна, хотя включает аналогичные элементы. Насколько нам известно, ирландские фении проводили лето — от Белтайна до Самайна — на открытом воздухе, занимаясь охотой и рыбной ловлей. Но в период от Самайна до Белтайна они переходили к «оседлости» и селились вместе с людьми. Можно сказать, что они, подобно медведям в берлоге, впадали в зимнюю спячку и восполняли запас энергии, потраченной летом. Разумеется, по поводу Белтайна так же устраивали пирушки, а сам праздник, как и Самайн, длился три дня и три ночи. Спиртное лилось рекой, но вот с едой дело обстояло похуже: ее было много, но ни мяса, ни дичи в «меню» не предлагалось. Не будем забывать, что праздник приходился на конец зимы. Вот что о нем говорится в катрене X века: «Особый это праздник, Белтайн, и богатства его особые — пиво, капуста, пахта, да творог из простокваши⁹³». Довольно скудный рацион.

В это время года скотина дает мало молока и мало мяса. Чтобы коровы начали доиться, их надо выпустить на пастбище, где много травы. Некоторые отголоски этих древних обрядов можно встретить и в современной Ирландии. 1 мая крестьяне прогоняют свои стада между двух костров, по всей видимости, чтобы помочь им набраться сил после голодной

⁹³ Kuno Meyer, *Hibernica Minora*, Oxford, 1894.

зимы. Также в этот день принято разводить огонь трением, при помощи двух деревянных щепок: считается, что это предохранит скотину от болезней. Само собой, эти «медицинские» приемы сопровождаются ритуалом экзорцизма, поскольку присутствия злокозненных духов никто не отменял и с ними надо как-то бороться.

В валлийской повести «Ллуд и Ллевелис» говорится о том, что примерно в это время с народами острова Британия происходило нечто странное и пугающее: «Каждый год в ночь на первое мая над каждым британским жилищем раздавался громкий крик; он проникал в самое сердце, и мужчины от страха бледнели и теряли силы, а женщины, грудные дети и молодые парни и девушки — разум. Скотина, деревья, земля, вода — все делалось бесплодным⁹⁴». Теперь нам понятно, почему с обращением кельтов в христианство священники стали частыми гостями в крестьянских хлевах, где проводили обряды изгнания нечистого духа. По зрелом размышлении, то есть после тщательного изучения вопроса, друиды и колдуны пришли к выводу, что крики издают представители так называемого маленького народца, живущего под землей, а именно *коранниайды*, они же бретонские карлики — *корриганы*. Кем же могли быть эти корриганы-коранниайды, существа с неоднозначным характером, способные как •

⁹⁴ J. Loth, *Les Mabinogion*, op. cit., II, p. 234.

творить добро, так и причинять зло, если не потомками, пусть и сильно уменьшившимися в размерах, знаменитых ирландских племен богини Дану, иначе говоря, обитателями Иного мира, укрывшимися в глубинах волшебных курганов? Связь между первыми и вторыми достаточно очевидна.

Такую же связь можно провести и с германской традицией (помня при этом о ее кельтском происхождении, так как родиной всех кельтских народов была Центральная Европа⁹⁵). Мы имеем в виду таинственную Вальпургиеву ночь⁹⁶, своей известностью обязанную «Фаусту» Гёте и музыке Берлиоза. Это ночь с 30 апреля на 1 мая, когда все ведьмы

⁹⁵ Географически исходным местом обитания кельтов был треугольник между Богемией, Австрией и горным массивом Герц; наиболее древние следы их присутствия в этом районе обнаружены благодаря находкам археологов. — *Прим. автора.*

⁹⁶ Святая Вальбурга не имеет к этой традиции никакого отношения. Она родилась в Англии в начале VIII века и стала монахиней. За твердость в вере святой Бонифаций отправил ее в Германию, а его брат святой Вунибальд поручил ей руководство основанным им монастырем в Хайденхайме. Вальбурга умерла после 777 года, но в середине IX века ее мощи были перенесены в Айхштетт, в церковь Святого Креста, которая с тех пор стала называться церковью Святой Вальбурги. Место ее захоронения привлекало толпы паломников, особенно многочисленные в день ее праздника, 1 мая. Этим объясняется внешняя связь древних языческих ритуалов с абсолютно историческим персонажем христианской святой. — *Прим. автора.*

и демоны Германии собирались в горах, в первую очередь, на горе Блоксберг, где устраивали свои сатанинские игрища и колдовали, чтобы земля не родила и скот не давал приплода. Очевидно, что в христианскую эпоху и в более ранние времена единственным способом избавиться от проклятья были ритуалы изгнания злых духов, с помощью которых люди надеялись гарантировать себе благополучное лето — необходимое условие выживания в «темные месяцы» зимы.

Таким образом, Белтайн представляет собой своего рода обратную сторону Самайна, и это объяснимо, поскольку и тот и другой праздник маркирует половину года. Но если Белтайн — праздник «пробуждения», то Самайн — праздник «сна», во время которого боги и люди набираются сил и в каком-то смысле обретают новую молодость. Не будем забывать, что у кельтов Самайн знаменовал начало нового года — одну из важнейших дат кельтского дохристианского праздничного календаря.

Подводя итог всему вышесказанному, попытаемся перечислить основные характеристики праздника Самайн, важные для понимания его роли и значения. Итак:

- Главные фигуры на празднике — король и друид.
- Присутствие всех членов общины, независимо от социального статуса, обязательно.
- Решаются политические и правовые вопросы.
- Происходит обновление власти короля.

- Имеет место суд (разрешаются внутренние конфликты).
- Закрепляется коллективная память (составляются хроники).
- Подтверждаются старые и заключаются новые экономические договоры.
- Происходит распределение общественных благ.
- Обязательно изобилие еды и спиртного для достижения священного опьянения.
- Праздник сопровождается музыкой, песнями и ритуальными играми (реальными или заместительными жертвоприношениями и разжиганием костров).
- Происходит символическое упразднение времени.
- Участники вступают в тесный контакт с Иным миром.

Иначе говоря, это всеобщее празднество, каждое проявление которого, включая самые профанные, проникнуто религиозным содержанием. Как ни парадоксально, но цель праздника — постараться узреть невидимое и в каком-то смысле уничтожить смерть, хотя обычно грань между покойниками и живыми прослеживалась достаточно четко. Пока длился Самайн, люди могли видеть умерших, которые на время утрачивали свой дар невидимости. Те же верования характерны для христианского Дня всех святых,

а также для карнавальных обрядов Хэллоуина, хотя и видоизмененных вследствие медленной эволюции духовного сознания кельтских народов первых веков христианизации.

Действительно, это не революция, а именно эволюция, в ходе которой происходит своего рода слияние друидских и евангельских представлений, о чем свидетельствуют многие ирландские повести, например «Повесть о судьбе детей Лира». Мачеха-колдунья (классический персонаж народных сказок) превращает в лебедей трех братьев и сестру, которые вынуждены три века скитаться, претерпевая голод и холод (три века — символическое время, соответствующее трем ночам Самайна), прежде чем снова стать людьми. Однако в момент обратного превращения они — глубокие старики, и умирают, едва успев принять крещение от святого отшельника⁹⁷. Между тем, «дети Лира» принадлежат к племени богини Дану. Иначе говоря, автор повести пытался показать переход от друидской концепции Иного мира к новой, отныне признаваемой всеми христианами.

Еще более показательна в этом отношении странная повесть «Воспитание в доме двух чаш». Ее начало дублирует первую часть повествования об Этайне и короле теней, поскольку и там и там речь идет о том, как Энгус вступил во владение курганом Бру-на-Бойне,

⁹⁷ См.: *Les Conquérants de l'Île verte*, op. cit.

оттеснив Элмара. Однако детали обоих рассказов не совпадают. Вместо Дагды Энгусу объясняет, что надо сделать, Мананнан, сын Лира, но главное, ни о каком выпадении из времени уже не упоминается. Энгус читает Элмару «заклинание» (стихи, имеющие магическую силу), в результате чего тот добровольно покидает свой дом. Но вот продолжение истории намного интереснее.

Не вдаваясь в подробности, изложим суть. Дочь управителя Бру, Этне, воспитывалась вместе с дочерью Энгуса, Курког. И вот однажды, в Самайн, один из гостей Энгуса наложил проклятье на Этне, якобы совершившую некий дурной поступок. С той поры девушка не могла принимать никакой пищи, кроме молока, для чего самостоятельно доила доставленную с Востока корову. «Это была чудесная бурая корова, потому что она давала молоко круглый год, и молоко ее пьянило всякого, кто его отведал бы». Энгуса, однако, удивляло, что девушка не может питаться ничем, кроме молока этой коровы. Он спросил своих друидов, но ни один из них не знал, как помочь этой беде, хотя все понимали, что Этне кто-то заколдовал.

Решение в конце концов нашел Мананнан. Он предложил Этне выпить молока от его собственной коровы, которую они вместе с Энгусом привезли с Востока одновременно с бурой коровой, после чего заявил: «Эта девушка больше не принадлежит ни народу Энгуса, ни нашему народу. После того, как ее осрамил

Финнбарр, демон-хранитель покинул ее, уступив место ангелу. Она больше не в состоянии выносить нашу магию. И может пить молоко только этих двух коров, потому что они доставлены из страны, над которой мы не имеем никакой власти». Продолжение истории доказало, что он не ошибся.

Однажды, по всей вероятности в праздник Самайн, Этне с подругами купались в водах Бойна. «Наплававшись вдосталь, они с берега направились к кургану, когда вокруг них вдруг сгустился туман и настала почти полная темнота. Этне ничего не видела и окликнула подруг, но не получила ответа. Она попыталась найти в тумане тропинку, которая поднималась бы в гору, но, чем дальше, тем больше чувствовала, что спускается куда-то вниз. Потом туман внезапно рассеялся, и она с изумлением обнаружила, что стоит посреди бескрайней равнины».

Судя по всему, Этне покинула мир *сида* и перенеслась в мир людей. Тут ей встретился отшельник в монашеском одеянии; он сидел перед каким-то сооружением, увенчанным небольшим крестом, и читал книгу. Этне приблизилась к нему и «к великому его удовольствию начала вслух произносить написанные в книге слова. Книга же была Новым Заветом, а человек — учеником *Тайлгинна*, лысого человека, то есть благословенного Патрика». Ясное дело, девушка остается с ним на долгие месяцы и принимает христианство, но также рассказывает монаху все что знает о племенах богини Дану, «поражая его своей мудростью и умом».

Этот эпизод — прекрасная иллюстрация преемственности внутри ирландской традиции; он показывает, как христианским монахам удалось — даже отбрасывая то, что они считали сатанинским, и добавляя некоторые собственные детали, связанные с новой религией, — тщательно собрать рассказы языческой эпохи и включить их, сопроводив картинками, в свои рукописные книги.

Между тем Энгус не мог смириться с исчезновением приемной дочери и отправился на ее поиски. Он обошел всю Ирландию и вот однажды увидел ее — она стирала в реке белье; неподалеку стояла ее хижина. «Но она его не узнала, потому что не только утратила невидимость, дарованную Мананнаном племенам богини Дану, но и потеряла способность видеть своих бывших сородичей». Тема утраты волшебными существами при переходе в людское состояние — из любви или по иным причинам — ряда свойств весьма популярна для народных сказок. Примерно это и происходит с феей Мелюзиной, наделенной магическими способностями, но лишенной души, когда она становится человеком: в результате этой «материализации», чтобы не сказать «воплощения», она теряет свой дар, зато приобретает бессмертную душу.

Энгус все еще надеется вернуть Этне в *сид*. Чтобы привлечь ее внимание, он начинает петь ей волшебную песню. «Она услышала песню и подняла голову, чтобы посмотреть, кто это там поет. Но она

никого не увидела и не поняла слов песни. Испугавшись, что это проделки дьявола, она перекрестилась и принялась молиться. Не успела она закончить молитву, как на опушке показался блаженный Патрик. *Тайлгинн* отлично знал, на что способны друиды, и мог видеть Энгуса и племя Дану. Он призвал их отречься от своих безумных верований и поклониться истинному Богу». Отметим, что ирландский апостол обращается к *Туатха Де Дананн* как к обыкновенным людям и не ограничивается стремлением защитить от искушения вновь обращенную христианку, но и пытается обратить всех «язычников», кем бы они ни были, что полностью соответствует нашим познаниям о миссионерской деятельности святого Патрика⁹⁸.

Энгус понимает, о чем ему говорит христианский проповедник, но категорически отказывается ему подчиниться. Он также понимает, что навсегда потерял свою горячо любимую приемную дочь Этне. «Энгус и его спутники с горестными криками побежали вдоль реки и исчезли. Этне услышала эти крики, и они так больно ранили ее в сердце, что она мгновенно умерла.

⁹⁸ Согласно легенде, Патрик родился на одном из бретонских островов и был похищен ирландскими пиратами и продан в рабство друиду, от которого научился многим друидским практикам и обрел дар «двойного зрения». Впоследствии это позволило ему успешно состязаться в волшебстве с друидами, доказывая им, что его «магия» — магия истинного Бога — сильнее, чем их. — *Прим. автора.*

Монах похоронил ее в часовне, которая с тех пор зовется Килл Этне⁹⁹».

Той поры минуло много времени. Праздник Самайн канул в небытие. Но память о нем сохранилась в коллективном сознании, и, преобразившись, он снова возродился — в виде народного карнавального Хэллоуина и религиозного Дня всех святых.

⁹⁹ См.: J. Markale, *Le Christianisme celtique et ses survivances populaires*, op. cit.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕНЬ ВСЕХ СВЯТЫХ

В христианском литургическом календаре есть четыре главных праздника, задающих ритм всему году, и эти праздники признают представители всех христианских конфессий: и православные, и англикане, и протестанты всех течений, и католики Римского обряда. Практически литургический год начинается с Рождества, когда празднуется появление на свет Спасителя; затем идет Пасха с почитанием Страстей Христовых и Воскресением Искупителя; затем — Пятидесятница, символизирующая снисхождение на людей Святого Духа, и, наконец, День всех святых — прославление всех, кто достиг Вечного света. Значение последнего праздника трудно переоценить, поскольку он как бы венчает собой весь предшествующий духовный опыт. Однако в массовом сознании, и это касается как верующих, так и атеистов, праздник всех святых связан с почитанием всех покойников без исключения, потому что даже те, кто не причислен официальной церковью к лику святых, все равно могут считаться Избранными.

ДАТИРОВКА ДНЯ ВСЕХ СВЯТЫХ

Люди испокон веков старались хранить память об умерших, а в некоторых случаях превращали ее в настоящий культ. От подземных гробниц Ближнего Востока до памятников, украшающих площади любого, самого маленького городка, каждый человек помнит о тех, кого с нами больше нет и чьими наследниками и продолжателями мы себя ощущаем. Можно даже сказать, что с момента своего появления на земле человечество старалось установить неразрывную связь между ныне живущими и их самыми далекими предками. Забота, с какой мы возводим могильные или мемориальные памятники, показывает, что эта символическая связь опирается на глубокое осознание того факта, что при всей своей индивидуальности человек не мыслит себя в отрыве от других людей, как живых, так и тех, кто ушел от нас в загадочный иной мир.

Но, признавая, что культ мертвых, создаваемый или неосознанный, всегда присутствовал во всех культурах, логично предположить, что существовали также особые обстоятельства, позволяющие вступить в контакт с покойниками. Так называемые исторические цивилизации оставили нам об этом достаточно явные свидетельства, но в том, что касается доисторических обществ, не знавших письменности, подобной ясности нет. Мы понятия не имеем, в какой день года эти древние народы предпочитали поминать

своих мертвецов, и вынуждены ограничиться предположениями. Это не касается мегалитической культуры (в Западной Европе охватывающей период с 5000 по 2000 годы до н. э.): благодаря находкам археологов мы можем с точностью определить датировку ежегодных погребальных ритуалов.

Известно, что дольмены (от бретонского «каменный стол»), или, как их еще называли, «крытые ходы», то есть внутренняя часть пирамиды — кургана, сооруженного из камней и земли, — служили прежде всего могилами, индивидуальными или общими. Но, как и в случае с церковью, возведенной на месте захоронения святого или мученика, эти курганы одновременно играли роль святилищ. Известно также, что правом проникать внутрь дольмена обладали только жрецы, но некоторые из этих памятников, находящихся в Ирландии, располагались на просторной круглой площади, похожей на паперть, где могли собираться целые толпы поклонников. Остается выяснить, ради каких ритуалов они там собирались.

В ходе реставрации знаменитого кургана в Ньюгрейндже — сида Бру-на-Бойне, известного нам по ирландским легендам кельтского периода, — историки обнаружили, что над входом в это сооружение было сделано отверстие, в которое в день зимнего солнцестояния падал солнечный луч, проникая внутрь кургана и заливая внутреннее пространство погребальной камеры ярким светом. Сама погребальная камера с вогнутым сводом делилась на три предела, в каждом из

которых находилась выдолбленная в середине каменная плита, куда складывали кости и пепел покойника. Нет никаких сомнений, что это был ритуал символического восстания из праха, возрождения в Ином мире, и это заставляет думать, что в день зимнего солнцестояния, то есть самый темный день в году, в этом месте проводилась чрезвычайно важная религиозная церемония. Это открытие, сделанное почти случайно в 1960 году, затем нашло многочисленные подтверждения, когда в других мегалитических сооружениях, как на Британских островах, так и на континенте, была обнаружена похожая картина¹⁰⁰.

Выбор в качестве даты дня зимнего солнцестояния не случаен и отражает мировоззрение народов, возводивших мегалиты; они считали себя частью космоса и стремились существовать в едином с ним ритме. Впрочем, другие народы, обладавшие тем же мировоззрением, выбирали для себя другие даты, очевидно, отталкиваясь от собственных «реперных точек», связанных с географическим положением или с соображениями интеллектуального и духовного характера.

Так, в Древней Греции праздник поминовения умерших приходился на третий день так называемых Антестерий, отмечавшихся весной, по-видимому, по той причине, что это время года символизирует обновление. А вот римляне аналогичный праздник,

¹⁰⁰ См.: J. Markale, *Dolmens et Menhirs, la civilisation mégalithique*, Paris, Payot, 1994.

именуемый Паренталиями, отмечали с 13 до 20 февраля, и он в каком-то смысле отражал почитание культа предков. Что касается древних германцев, то они поминали своих покойников в праздник Йоль, практически совпадающий с христианским Рождеством.

Христианство всегда поощряло поминовение покойников, всех их скопом причисляя к «братьям во Христе». Однако в раннем христианстве, судя по всему, особого дня, посвященного их памяти, не было, если не считать Восточную церковь, в которой начиная с IV века, когда она была основана, таким днем считалось первое воскресенье после Пятидесятницы. На Западе пришлось ждать VII века, прежде чем был повторен аналогичный опыт.

В 607 году папа Бонифаций IV освятил в Риме церковь Святой Марии и мучеников. Нового здания для нее не строили, используя языческий античный Пантеон. Так древние римские боги уступили место новой победившей религии, а церковь с тех пор так и называется — базилика Святой Марии и мучеников. Однако никаких указаний на то, в какие именно дни в церкви служили литургию по умершим, в источниках не сохранилось.

Зато время появления в официальном церковном календаре Дня всех святых нам известно. В 731 году папа Григорий III возвел в римском соборе Святого Петра часовню, посвященную «всем святым». Но главное, он постановил, что каждый год 1 ноября в церквях будут служить особую мессу. Начиная с этого времени так

и происходило, но только в Риме. Лишь в 837 году, в правление императора Людовика Благочестивого, сына Карла Великого, этот обычай был распространен и закрепился на всех территориях тогдашней Каролингской империи. Так 1 ноября стало Днем всех святых.

Возникает вопрос: почему Папа Римский выбрал для поминовения всех святых день 1 ноября, хотя средиземноморская традиция могла предложить другую дату, более соответствующую римскому менталитету? Ведь 1 ноября совпадало с кельтским, то есть друидским праздником Самайн?

Ответ на него может быть только один: на протяжении VI, VII и VIII веков на европейском континенте было слишком велико влияние ирландских монахов, в первую очередь святого Колумбана, истового проповедника Евангелия, «паломника милостью Божьей», основателя знаменитых аббатств в Люксёе, Вогезы, и в Боббио, Северная Италия. Его многочисленные последователи распространили введенные им монастырские правила и литургические приемы, которые, хоть и вызывали возражения со стороны римских прелатов, не прошли для последних бесследно¹⁰¹. Кроме того, во времена Карла Великого большинство священников в окружении императора, в первую очередь знаменитый Алкуин — настоящий «министр просвещения», — получали образование в островных

¹⁰¹ См.: J. Markale, *Le Christianisme celtique et ses survivances populaires*, op. cit., ainsi que *Le Périple de saint Colomban*, op. cit.

монастырях, устроенных по ирландской модели. Сегодня мы знаем, что именно среди ирландского клира родилась концепция Чистилища. Поэтому не приходится удивляться совпадению устремлений папства, озабоченного возвышением значимости святых и мучеников, с пожеланиями ирландских миссионеров, которые, продолжая вольно или невольно придерживаться древних кельтских традиций, внесли огромный вклад в христианизацию целых регионов Европейского континента, в частности Северной и Восточной Галлии, прирейнских областей и даже Северной Италии. Судя по всему, папа Григорий III, устанавливая празднование Дня всех святых на 1 ноября, в соответствии с кельтской традицией Самайна, охотно последовал советам ирландских священников, людей глубоко эрудированных и очень влиятельных.

Но кельтское, то есть языческое происхождение праздника, во всяком случае в том, что касается его датировки, придало христианскому Дню всех святых некоторую двойственность. Насколько нам известно, в верованиях друидов, которых придерживались кельты, напрочь отсутствовала концепция вознаграждения или наказания в потустороннем мире, как не существовало и различия между абсолютным Добром и абсолютным Злом. Поэтому предполагалось, что все люди после смерти обретут иную жизнь и окажутся в одном и том же месте. Дохристианским кельтам были неведомы понятия Рая и Ада. Никто не взвешивал их души. Никто их не судил, и каждый из них просто

перемещался в другое измерение, поскольку, как отмечает Лукан в «Фарсалии», «смерть — это лишь середина долгой жизни». Кельтский Иной мир — недифференцированный мир, и попасть в него может каждый.

Совсем иного взгляда на проблему придерживается христианская теология, во многом основанная на иудейской традиции грозного Бога, который карает плохих и вознаграждает хороших. Таким образом, День всех святых — это праздник восславления праведников, тех самых, что «одесную Отца». Всех остальных ждет вечная тьма или вечные адские муки. Это различие носит кардинальный характер. Христианская литургия на День всех святых прославляет Избранных и выражается *ликованием*. Это день радости, а не день скорби, праздник вечной жизни, а не горестный плач — достаточно посмотреть на украшения храмов 1 ноября. Все тексты, которые зачитывают во время службы, исполнены надежды и веры в вечную жизнь, свободную от страданий и смерти и пронизанную светом — ту, что зовется «Блаженством».

Но все это — ученая богословская терминология. Если же мы посмотрим на то, как этот светлый праздник воспринимается верующими, то обнаружим, что все совсем не так. Христиане до степени неразличения смешивают день поминовения мертвых и День всех святых, чему, вероятно, немало способствует промозглая погода начала ноября. Как бы то ни было, они предпочитают в этот праздник посещать кладбища и носить цветы на могилы усопших, то есть проводить

этот день в печали и тревоге, что абсолютно не планировалось учредителями праздника. Складывается впечатление, что коллективное бессознательное народа отвергает навязываемую официальной Церковью «селекцию» на Избранных и всех остальных, не достойных упоминания. Представляется очевидным, что здесь мы наблюдаем возврат к ночи Самайна, когда «открывались все курганы» и каждый мог беспрепятственно путешествовать из мира в мир, в толпе усопших, ныне живущих и тех, кому еще только предстоит родиться. Никакого парадокса тут нет, потому что это период, когда времени не существует. Вот почему все то же коллективное бессознательное с таким упорством сохраняет и воспроизводит древние ритуалы, смысл которых давно утрачен. Вот почему в карнавальных шествиях на Хэллоуин в символической и даже театрализованной манере стирается грань между живыми и мертвыми.

ДЕНЬ ВСЕХ УСОПШИХ ВЕРНЫХ

Присутствие языческих элементов в явно христианском празднике волновало многие просвещенные умы. Разумеется, в ходе каждой церковной службы священник в момент причастия вспоминает о почивших, но это делается, чтобы подчеркнуть вневременное братское единение душ, а не для того чтобы выразить

скорбь по тем, кого больше нет с нами, что могло бы быть расценено как почитание культа предков. Вот почему многие богословы, не пытаясь исключить упоминание о мертвых из богослужения, старались отделить его от литургии Дня всех святых и перенести в другой контекст. Блаженный Августин в своем сочинении «*De cura gerenda pro mortuis*» («О почитании усопших») рекомендует служить по умершим службу, тем самым проявляя заботу об их душах. И другие богословы придерживались мнения, что живые способны помочь мертвым, в том числе молитвой. Так в римско-католической церкви появился День всех усопших верных, отмечаемый сразу после Дня всех святых, 2 ноября¹⁰².

Официальное установление Дня поминовения всех усопших произошло в основном благодаря монахам Ключийской конгрегации, в первую очередь благодаря святому Одилону Меркёрскому. Он родился в 962 году в Сен-Сирге, близ Лавут-Шилака (департамент Верхняя Луара), в семье богатого и знатного овернца. Получил блестящее образование в Бриуде,

¹⁰² Нечто похожее произошло и с праздником Сретения, отмечаемым 2 февраля. В его случае влияние ирландских монахов также не подлежит сомнению: христианское Сретение вытеснило кельтский праздник середины зимы Имболк, но, поскольку на 1 февраля приходился день почитания святой Бригитты Килдарской, второй после святого Патрика покровительницы Ирландии (хотя ее персонаж, заместивший богиню Бригит, сопоставимую с валлийско-римской Минервой, выглядит весьма подозрительно), а переносить этот праздник было нельзя, то Сретение назначили на следующий день. — Прим. автора.

где находилась могила высокопочитаемого святого Иулиана, но затем, после встречи со святым Майолем, четвертым аббатом Ключни, почувствовал призвание к монашеской жизни. В 994 году, после смерти Майоля, коадьютором которого он стал, его избрали пятым аббатом знаменитого монастыря. Он показал себя не только талантливым управленцем, основав несколько ключнийских монастырей, в том числе один у себя на родине, в Лавут-Шилаке, но и выдающимся мистиком, уделявшим большое внимание теме милосердия. Его особенно занимала, чтобы не сказать мучила, судьба душ, не попавших в Рай.

Если верить его биографу, ключнийскому монаху Йотсальду, автору «Жития святого Одилона»¹⁰³, написанного через четыре года после кончины аббата, он приказал всем монастырям Ключнийской конгрегации отмечать 2 ноября День поминовения всех усопших верных после встречи с неким паломником, награжденным даром провидения.

Вот что Йотсальд рассказывает об этой истории. Французский монах, имя которого осталось неизвестным, совершил паломничество в Иерусалим. На обратном пути из Святой земли его корабль потерпел крушение у каменистого острова близ Сицилии, где жил в своей хижине некий отшельник. У паломника

¹⁰³ Рукописный текст «Жития святого Одилона», изданный знаменитым монахом-эрудитом второй половины XVII века Мабийоном, в настоящее время хранится в библиотеке Ключни. — *Прим. автора.*

состоялся долгий разговор с отшельником, и тот попросил его передать клюнийскому аббату Одилону послание следующего содержания: «Есть такие места, где горят в огне души грешников, страданиями очищаясь от своих грехов. Мучающие их бесы страшно злятся на тех, кто молитвой и милостыней сокращает для себя время пребывания в этом страшном месте, а особо злятся на тех, кто похищает у них эти души. Но больше всего таких похитителей душ среди монахов Ключи, коими правит аббат Одилон. Потому именем Божиим заклинаю тебя, если тебе посчастливится вернуться к своим, передай им все, что услышал от меня, и проси их еще усерднее молиться и не жалеть милостыни для обездоленных, дабы страдающие души обрели покой, небеса возрадовались, а диавол был бы посрамлен и побежден».

Легенда это или реальность? Неизвестно. Тем не менее по возвращении во Францию безымянный паломник напрямик направился в Ключи, где встретился с аббатом Одилоном и передал ему слова отшельника. Одилон его рассказ глубоко тронул, и он тотчас же принял приказ: всем монастырям Клюнийской конгрегации посвящать следующий за Днем всех святых день поминовению всех усопших христиан, кем бы они ни были, молиться за них, служить по ним мессу и щедро раздавать нуждающимся милостыню. Судя по всему, этот приказ был записан незадолго до 2 ноября 998 года, переписан монахами в нужном количестве экземпляров и разослан по подчиненным аббату монастырям.

Далее биограф Одилона сообщает, что тот не ограничился приказом назначить 2 ноября Днем поминовения усопших, но взял на себя труд организовать по этому поводу богослужение. «Вечером Дня всех святых, после праздничной вечерни, следует звонить во все колокола и отслужить панихиду. На следующий день, после заутрени, отслужить мессу по усопшим, под колокольный звон, как в праздничные дни. Вся братия да вознесет молитву за упокой душ усопших верных, и пусть каждый накормит двенадцать бедняков. Мы желаем, просим и повелеваем, чтобы настоящий указ соблюдался во веки вечные, как в нашем монастыре Ключни, так и во всех подчиненных нам монастырях, а буде кто последует нашему примеру, да падет на него благословение».

Действительно, указ, изначально касавшийся только ключнийских монахов, с 1050-х годов стал исполняться во всех христианских церквях. День 2 ноября стал уставным праздником, что никем не оспаривалось, и наряду с другими праздниками вошел в католический литургический календарь. Отметим, что ни один папа не озаботился тем, чтобы придать Дню поминовения усопших официальный характер, но несмотря на это его празднование вошло в обычай, сохранившийся до наших дней. Кстати сказать, 2 ноября 1998 года папа Иоанн-Павел II отслужил торжественную мессу в честь тысячелетия со дня принятия Одилоном Меркёрским своего указа.

Так соединились духовные установки Римско-католической церкви и народные традиции,

унаследованные от далекой эпохи язычества. День всех святых, предназначенный для почитания святых и блаженных, больше не подразумевал поминовения мертвых, но, поскольку последнее сдвинули всего на один день, в сознании людей оба праздника оказались связанными. Их разделение носило литургический, но не сущностный характер, тем более что никаких противоречий между тем и другим не существовало. Вот почему Хэллоуин следует воспринимать не как единичное проявление язычества, а как некий народный «довесок» к Дню всех святых и почитанию памяти усопших. Но самое замечательное во всем этом то, что оба церковных праздника имеют один корень, и это — кельтский праздник Самайн, содержанием и глубиной намного превосходящий этнические, культурные и даже религиозные различия, потому что концепция взаимопроникновения двух миров и упразднения времени сильнее любого сектантского догматизма.

ЧИСТИЛИЩЕ

Но чем объяснить, что когда-то жившие существа способны в зримой форме проникать в наш мир, правда, только в определенные ночи, когда их специально вспоминают? Чем объяснить, что покойники, страдающие в Ином мире, могут быть спасены стараниями

ныне живущих? Чем объяснить, что в рамках столь жесткой системы, какой является христианство, остается возможность коммуникации между двумя мирами и особенно возможность их взаимовлияния? В народных сказках, пришедших из изустной традиции, полно сюжетов о несчастных и жестоко страдающих мертвецах, судьбу которых облегчают и кого в конце концов спасают живые. Часто эти мертвецы, достигнув состояния блаженства, выражают признательность и помогают тем, кто избавил их от мучений¹⁰⁴. В поиске ответов на эти вопросы нам следует снова обратиться к ирландским и бретонским монахам и в очередной раз убедиться, насколько велико было их влияние на европейское христианство.

Дохристианским кельтам понятия греха в том виде, в каком оно сформулировано в иудейской Библии, было неведомо. Грех, по их мнению, состоял не в нарушении сурового божественного закона, а в *недостаточной реализации бытия* — концепция, прекрасно согласующаяся с евангельской притчей о десяти талантах. Как следствие, «призраки» и другие «ночные существа», являющиеся людям в День всех святых (или в Самайн, или в Хэллоуин) — необязательно грешники в привычном смысле слова; они, скорее, — страдающие души, по тем или иным причинам не сумевшие при жизни исполнить предназначенную для

¹⁰⁴ См.: J. Markale, *Contes de la Mort des pays de France*, Paris, Albin Michel, 1994.

них роль. Попад в Иной мир, эти души требуют права на вторую попытку и стремятся искупить свою былую слабость — либо ценой страданий, либо с помощью живых. Так в римском католицизме возникает важнейшее понятие Чистилища — места, в котором души в течение определенного времени проходят очищение перед тем как быть принятыми в вечный свет.

Но христианское Чистилище — отнюдь не иудейская Геенна огненная и не безликое место, чем-то напоминающее древнегреческое подземное царство Гадеса, нечто вроде «свалки» бесполезных теней. Чистилище — это прежде всего этап, место очищения, где согласно церковным установлениям происходит искупление простительных грешков и где могут быть прощены даже «смертные грехи» — правда, в этом случае придется уплатить серьезный «штраф» в виде физических или моральных страданий. Чистилище подразумевает наказание, но далеко не факт, что в самой идее Чистилища, за которой историки и богословы признают кельтское, главным образом ирландское происхождение, изначально содержится некое «мазохистское» начало. «Жизнь по Христу» вовсе не требует от каждого верующего кончить свои дни на кресте.

Если проанализировать все представления дохристианских кельтов, в том числе те, согласно которым праздник Самайн воплощал «всеобщее братство людей и вещей», то смерть в этом контексте — не более чем *метаморфоза*, момент перехода из состояния воплощенного сознания в состояние сознания развоплощенного.

Кстати сказать, латинское «*purgatorius*» («Чистилище») происходит от греческого «*puros*», что значит «огонь» (сравним со словом «пурист» — радетель за чистоту нравов, языка и т. д.). Кельты признавали существование всего трех стихий — воды, земли и воздуха, и эти три стихии могли видоизменяться под действием того, что иногда называют четвертой стихией, то есть огня. Сам по себе огонь не существует, но без него невозможно проявление божественной созидательной энергии. Из всего вышесказанного можно вывести, что до того как стать местом искупления сомнительных грехов, Чистилище было местом, где творились изменения.

Действительно, если верить кельтским текстам, спасение существа является следствием его самореализации. В Книге Бытия утверждается, что «сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их¹⁰⁵», а также наделил их свободой воли. Отсюда инцидент с Древом познания добра и зла. Но мы часто забываем, что, если Бог сотворил человека (то есть каждое человеческое существо) по своему образу, образу *творца*, то из этого вытекает, что он наделил его способностью *творить* и поручил ему продолжать начатую им созидательную активность. Вот почему на седьмой день Бог отдыхает — он предоставляет людям творить вместо него. Религия сделала из этого вывод, что в седьмой день человек должен отдыхать и славить Творца, что

¹⁰⁵ Быт. 1:26.

является не только искажением божественной воли, но и вызовом обыкновенному здравому смыслу, иначе говоря, прямым кощунством.

Судя по всему, кельты хорошо это понимали. Они полагали, что каждый человек должен по максимуму использовать все свои способности, в том числе прилагая сверхъестественные усилия, именно потому, что обязан продолжать божественное созидание; этим объясняется героизм воина из кельтского эпоса, способного в одиночку сразиться с четырьмя армиями, а также крайняя аскеза христианского монаха. Тот, кто не сумел или не посмел дойти до края, предал оказанное ему доверие. Ему путь в царство света закрыт. Вот он и бродит в толпе таких же, как он, в сумерках, испытывая страдания, но горя желанием осуществить в Ином мире то, чего ему не удалось сделать в мире этом.

Таким образом, грех — это провал. Но провал можно исправить. С этой идеей выступили ирландские монахи, «паломники Божьей милостью», буквально наводнившие собой Римскую церковь в VI–IX веках. Церковь, отдадим ей должное, с первых лет своего исторического существования советовала живым молиться за мертвых, но только под влиянием ирландцев объяснила, как именно и когда этим следует заниматься. В Средние века по всей Европе появляется все больше святилищ, призванных содействовать спасению страждущих душ.

Однако этот совет оставался в рамках традиции и был скорее проявлением терпимости. Вера в Чисти-

лице, широко распространенная среди верующих, породила множество отклонений, в свою очередь, вызывавших разнообразные злоупотребления. Некоторые не слишком щепетильные клирики охотно раздавали «стодневные индульгенции» тем, кто жертвовал им деньги или формально исполнял церковные предписания. В сущности, это была торговля «страховкой» загробной жизни: заплатил заранее, и грехи сколько хочешь. Против торговли индульгенциями яростно выступил Лютер, с чего и началась Реформация. Католическая церковь ответила движением Контрреформации, и на Тридентском соборе официально закрепила понятие Чистилища в качестве догмата — но только для католиков Римского обряда и англикан так называемой Высокой церкви. Православные христиане не имеют четкого мнения по поводу Чистилища, а протестанты разных направлений категорически его отвергают.

Чтобы включить концепт Чистилища в официальную догматику, пришлось принять во внимание и направить в нужное русло глубинные устремления паствы, тем самым создавая гарантии против будущих злоупотреблений. На практике это означало возврат к кельтским корням праздника Самайн, очищенного от элементов язычества. Души грешников продолжали страдать в Чистилище, но теперь появилась надежда им помочь, а главное — стало ясно, какие духовные усилия ради этого следует предпринять.

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА «АНАОНОВ»

Иудео-христианство сохранило образ Ветхозаветного Бога, ревнивого и жестокого, не терпящего отступлений от его заветов. Примирить этого в каком-то смысле «пуританского» Бога с идеей сострадания и всепрощения было довольно затруднительно. Требовался некий «посредник», желательного представленный в виде женского божества, в котором сочетались бы черты матери, то есть *созидательницы* жизни и *источника любви*, и объекта поклонения. И тогда в коллективном сознании христианизированного Запада появляется фигура Матери — великой многоликой богини, Приснодевы, одинаково расположенной ко всем своим детям, как добрым, так и злым. Христианским сознанием завладел миф о Кибеле и Аттисе (в греческой мифологии — об Афродите и Адонисе), предлагавший отличное решение проблемы смерти.

Очевидно, на роль «посредницы» между верховной властью и несовершенными созданиями была выбрана Дева Мария, Пресвятая Богородица, официально признанная Эфесским собором 432 года «матерью Бога». Но разве Богородица — существо бесполое, но способное произвести на свет ребенка — не то же самое, что античная ближневосточная Богиня-Мать, какое бы имя она ни носила, особо почитаемая в Эфесе, куда, кстати, удалилась вместе с Иоанном Богословом Дева Мария? Античная Богиня всех начал была

одновременно и Богиней последнего часа, и на многих мегалитических памятниках она изображена защитницей умерших, иногда в виде так называемого «идола без лица», иногда в виде стилизованной головы совы с пронзительным взглядом, всматривающейся в загробную тьму. Кому еще было взять на себя заботу об усопших, как не женскому божеству?

Действительно, если мы вспомним курган из Ньюгрейнджа — тот самый, в погребальную камеру которого в день зимнего солнцестояния через отверстие в потолке проникает солнечный луч, даруя находящимся там покойникам новую жизнь, — то заметим любопытные детали. Архитектурное строение мегалитического кургана в Ньюгрейндже, как и всех прочих мегалитов того же порядка, формой напоминает женский живот: в нем есть узкий вход и такой же узкий коридор, слегка приподнятый над уровнем земли, который ведет в достаточно просторную погребальную камеру, и эта камера никогда не располагается посередине кургана. Это даже не символ, а абсолютно точное воспроизведение вульвы — влагалища и матки, где и происходит метаморфоза из кажущейся смерти в реальную жизнь. Кроме того, во многих курганах можно видеть выгравированные изображения женского божества.

Но не все так просто. Как в матрешке, за одной картиной здесь прячется другая, и так далее. В большинстве церквей престолу, посвященному находящимся в Чистилище душам, покровительствует Дева Мария. Но кто скрывается за образом Приснодевы,

официально признаваемой Римской церковью? В Западной Европе, отмеченной глубоким влиянием кельтов, во тьме курганов угадывается образ богини Анны или Дану. Там же мы находим все приметы традиционного праздника Самайн, когда открывались *сиды*. Но кем были обитатели сидов, если не *Туатха Де Дананн* — племенами богини Дану? Между тем, Дану представляется всематерью богов и людей (подобно Кибеле), а впоследствии снова появляется в персонаже «святой» Анны, в христианской традиции — матери Девы Марии, тем не менее не упоминаемой ни в одном каноническом тексте.

Это не помешало бретонцам избрать ее своей покровительницей, а в Бретани, как известно, *тот goz*, то есть бабушка Иисуса, почитаема едва ли не больше, чем сама Дева Мария. Возможно, это пережиток старины? Как бы то ни было, в собственно бретонской традиции, разделяемой как островными, так и континентальными бретонцами, она даже считается прародительницей династии бретонских королей¹⁰⁶, а в народных сказках говорится, что ее супруг Иоаким был бретонцем; некоторые варианты сказаний утверждают, что святая Анна закончила свои дни на полуострове Арморика¹⁰⁷.

¹⁰⁶ См.: J. Markale, le premier chapitre intitulé «la Ville engloutie, ou le mythe celtique de l'origine» de *Les Celtes et la Civilisation celtique*, Paris, Payot, 1969.

¹⁰⁷ Арморика — историческая область на северо-западе Франции, включающая полуостров Бретань.

Но самое интересное в армориканской традиции, касающейся «святой» Анны, это существующая в народном сознании ее связь с усопшими. Действительно, покойников, которые в ночь с 31 октября на 1 ноября являются на землю пугать живых, здесь называют «анаонами», то есть «людьми Анны»¹⁰⁸. Очевидно соответствие бретонских анаонов и ирландских *Tuatха Де Дананн*, и даже если народная этимология ошибочна, она исполнена глубокого смысла: Великая Праматерь, мать всех начал, одновременно является Матерью последнего часа, то есть покровительницей мертвых, то есть ее детей. Неслучайно в святилище деревни Сент-Анн-д'Оре (департамент Морбиан) возвели монумент жертвам Первой мировой войны с упоминанием имен несчастных из всех бретонских приходов, включая Нантскую епархию (департамент Атлантическая Луара), погибших во время этой «мясорубки», как сказал бы Вольтер, столь же героической, сколь и бессмысленной.

Тем не менее «святая» Анна неполностью затмила Деву Марию, даже в Бретани. Можно сказать, что произошло в некотором роде слияние образов Святой Девы и ее матери, и обе они — два лика одного и того же существа, а именно Праматери богов и людей.

¹⁰⁸ В данном случае мы имеем дело с этимологией по созвучию и аналогии. Термин «анаон» родственен валлийскому *Аппуфн* (или *Аппууи*), означающему Иной мир. Следовательно, анаоны — это «люди Иного мира», так же, как легендарные ирландские племена богини Дану, населяющие мегалитические курганы и зачарованные острова, а в праздник Самайн смешивающиеся с людской толпой. — *Прим. автора.*

В приходе Бреннилис (Финистер), расположенном близ ужасных торфяных болот Юн Элез, которые народная традиция считает адскими воротами, их охраняет Дева Мария, не давая многочисленным бесам завладеть душами ее детей. Не ее ли имел в виду Франсуа Вийон, называя в своей «Молитве Богородице» «всех адских топей и болот Царицей»?

Нам возразят, что все это — дела давно минувших дней. Это не совсем так, свидетельством чему — история, случившаяся в конце XIX века в деревушке Монлижон, в тогдашней провинции Перш (департамент Орн), и доказывающая, что под христианской «раскраской» и даже под фольклорным налетом Хэллоуина прослеживаются традиции Самайна.

На западной стороне леса Рено, на территории нынешней коммуны Ла-Шапель-Монлижон, высится огромная церковь, построенная в начале XX века в самом строгом готическом стиле. Вскоре возведенная в ранг «базилики», эта церковь стала «штаб-квартирой» общества, члены которого обязались молиться за души безымянных грешников, осужденных скитаться по загадочным просторам Чистилища, напоминая красочные описания, знакомые нам по эпосу и мифам. Инициатором основания общества и строительства базилики был местный священник, аббат Бюге, живший в 1900-х годах и славившийся образцовой набожностью. Его духовный путь привлекает к себе интерес в том числе и потому, что имеет явное отношение к концепции Хэллоуина.

Аббат Бюге родился в Перше — лесистой области, расположенной между природным регионом Бос и собственно Нормандией. Его обитатели, придерживаясь традиционных ценностей, в то же время охотно воспринимали веяния нового века. Бюге рос в деревне, в самой простой, но искренне верующей семье. Получив сан священника, он был назначен кюре прихода Монлижон. Ничто не предвещало, что он станет основателем общества, которому впоследствии предстояло сыграть важнейшую роль как в плане социальном, благодаря открытию многих отделений и собственных типографий, так и в чисто духовном и богословском. Все решил произошедший с ним странный случай.

Вот как он сам рассказывает об этом: «Мне давно нравилось служить понедельничную мессу по самым обездоленным душам, томящимся в Чистилище. [...] В мае 1884 года ко мне обратилась незнакомая женщина с просьбой отслужить для нее мессу. По ее лицу я определил, что ей около пятидесяти лет. Она была одета скромно, как одевалось простонародье, и весь ее вид внушал уважение и доверие. Через неделю, когда я по ее просьбе в назначенный день и час служил мессу, я вдруг с удивлением увидел ее в дальнем углу церкви; на ней было платье небесно-голубого цвета, на голове — белое покрывало, спускавшееся до пояса. Кто была эта женщина? Этого я так никогда и не узнал, и никто не смог мне ничего о ней сообщить. Она долго молилась у престола Богородицы, но ровно

в полдень вдруг исчезла. В то утро в церкви было много народу, но никто не видел, как и куда она ушла»¹⁰⁹. История кажется невероятной, но сомневаться в искренности ее автора не приходится.

Дело в том, что за появлением таинственной женщины под белым покрывалом наблюдали свидетели, и все они в один голос утверждали, что не могли проглядеть ее ухода. Деревенские жители вообще отличаются крайним любопытством и, завидев на своей территории чужака, не сводят с него глаз. Возникает вопрос: действительно ли они видели эту женщину или стали жертвой коллективной галлюцинации? А может быть, к ним действительно явилось некое существо, пожелавшее привлечь их внимание к судьбе несчастных душ, бродящих по дорогам Хэллоуина в надежде узреть лучик тепла и любви, который укажет им путь к вратам Царства света? Этого мы не знаем.

Но сегодня в области, населенной дальними потомками кельтов, стоит на склоне холма базилика Богородицы Монтилижонской, посвященная Святой Деве, молящей своего Божественного сына смягчить страдания заблудших душ.

И может быть, в гротескных фигурах Хэллоуина находят воплощение — даже если те, кто изображает эти фигуры, того не сознают, — несчастные души, бродящие на границе двух миров?

¹⁰⁹ *Petite Histoire de Notre-Dame de Montligeon*, 1938, p. 8.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТЕНИ ХЭЛЛОУИНА

Не существует ни одного праздника, который не уходил бы корнями в давнее прошлое. Одни из них вытесняют более древние праздники, выхолостив их первоначальный смысл и вписав их в новый социокультурный контекст; другие, существуя на более или менее «подпольном» положении, сохраняются в параллельной народной культуре, чтобы в определенных обстоятельствах выйти на свет. Так древнеримские Сатурналии и символическое прославление рождения Митры в день зимнего солнцестояния преобразились в рождение Христа и стали христианским Рождеством. То же самое относится к христианскому Дню всех святых, за которым скрывается друидский праздник Самайн. Однако Хэллоуин, имеющий те же корни, что и Самайн, никогда не смешивается с обрядами христианского Дня всех святых. Между тем, в ограниченном числе стран он продолжал существовать на протяжении нескольких веков, чтобы на заре третьего тысячелетия неожиданно захватить весь мир.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ХЭЛЛОУИНА

Эрнест Ренан в своих «Критических и этических очерках», с гордостью за свою принадлежность к этим народом, рассуждая о кельтах, пишет, что «ни одна другая раса не приняла христианство с такой самобытностью. [...] Церковь не считала себя обязанной проявлять в угоду религиозным капризам суровость, не давила народный инстинкт и свободу, родившуюся из, быть может, самого легендарного культа — и самого близкого к тайнам Античности, хранящимся в анналах христианства».

Ренан был энтузиастом, видевшим в особенностях кельтского христианства оправдание его отчужденности от Римской церкви. Он, скорее всего, прав, утверждая, что Церковь «не давила», но нам это выражение представляется слишком сильным, тем более, если мы вспомним, с какой непреклонностью, чтобы не сказать вербальной агрессией Патрик и первые ирландские проповедники Евангелия сражались против «суеверий» язычества. Если верить легенде о святом Патрике, этот апостол христианства прекрасно знал обряды и мировоззрение друидов (с которыми познакомился во время своего пленения в Ульстере) и пытался доказать, что его магия, вдохновленная Богом, сильнее и действеннее магии друидов. Разумеется, нельзя буквально воспринимать все, что написано о невероятной жизни персонажа, которого ирландцы считают своим покровителем, но очевидно, что

первым миссионерам приходилось не только бороться с местными обычаями, но и находить с ними компромисс. В принципе так происходит всегда: если не удастся выкорчевать представления, глубоко укорененные в народной памяти, их перенимают, давая им новое толкование и приписывая новое целеполагание в контексте нужной идеологии. Из этого перманентного столкновения античной мудрости друидов и заветами Евангелия и родилось то, что за неимением лучшего термина называют кельтским христианством.

По всей вероятности, в период обращения Ирландии в христианство и строгость, и терпимость применялись в равной мере. Анализируя труды святого Патрика, Дом Луи Гудо в своей книге «Кельтское христианство» ясно обозначает границы того и другого: «Покуда не затрагивались основы религии, Патрик предпочитал принимать во внимание нравы и обычаи страны и не нападать на них. Но допускать, что он мог идти на уступки язычеству в доктринальном поле, значит абсолютно не понимать смысл его деятельности. Кроме того, у нас имеются тексты. В крупнейшем сборнике законов «*Senchus Mor*» говорится, что, заключив союз с *филидами*¹¹⁰, он потребовал от них от-

¹¹⁰ К V веку институт друидов значительно изменился. Прежние друиды («весьма много знающие», как следует из их имени) уступили место *филидам* — хранителям друидской мудрости и бесспорным религиозным лидерам. Сами же друиды были понижены в статусе до деревенских колдунов. Именно с этими *филидами* Церковь и заключила альянс, обратив их в свою веру, но согласившись уважать некоторые местные обычаи, чтобы не рушить структуру кельтского общества. — Прим. автора.

казаться от всех ритуалов, сопровождающихся жертвоприношением ложным богам. Он не оставил им ни одного обряда, в ходе которого совершалось подношение даров дьяволу. Если верить «Глоссарию Кормака», он говорил, что тот, кто продолжит блюсти эти старые ритуалы, не обретет ни неба, ни земли, ибо тем самым отречется от крещения¹¹¹».

Все понятно. Из христианского Дня всех святых были удалены все ритуалы Самайна, и ирландские проповедники Евангелия ясно обозначили границы, заходить за которые не следовало. Оставалась лишь идея взаимосвязи между живыми и мертвыми, идея связи между двумя мирами. Христианское богослужение было готово терпеть любой маскарад при условии, что он лишен своего духовного содержания.

Но отказ от языческих ритуалов не означал их исчезновения. Вот здесь и проявилась та самая терпимость наряду с суровостью. В День всех святых верующие чтут Блаженных. Так почему бы не предоставить предыдущий вечер, да и всю ночь, невинным карнавальным шествиям с их символическими изображениями покойников, если это можно связать с памятью о святых? Разумеется, для этого надо отделить *сакральное* от *профанного*, но другого выбора все равно нет, и лучше потерпеть гротеск на протяжении

¹¹¹ W. Stokes, *Three Irish Glossaries*, Londres, 1862, p. 25.

ограниченного времени, чем позволить ему вмешаться в священный обряд.

В результате все остались довольны: священники — потому что ничто не омрачало чистоты религиозного праздника, и народ — потому что ему не мешали по-своему чтить память предков. Каждый занял свое место, и почвы для конфликтов не возникло. Именно в этой оптике следует рассматривать терпимость Церкви, в принципиальных вопросах непримиримой, по отношению к этим пережиткам старины, значение которых она пыталась принизить, сводя их к излишеству, необходимому накануне очищения. В той же логике Церковь всегда смотрела сквозь пальцы на карнавальные развлечения накануне Великого поста.

В результате соглашений — реальных или мнимых — достигнутых между святым Патриком и ирландскими *филидами*, ритуалы Самайна продолжали исполняться, пусть и выхолащенные и лишенные сакрального содержания, объявленного «дьявольщиной», низведенные до ранга «фольклора» и призванные служить введением к завтрашнему серьезному богослужению в рамках ортодоксальной христианской литургии.

Эта преемственность приобретает особое значение в той мере, в какой, по мнению кельтов, центральная власть — светская или духовная — ничего не решает, а все зависит от выраженной низовой воли, то есть вековой коллективной памяти народа.

Отсюда появление аббатств и епископата — институтов, немислимых в логике римской иерархии, исходящей из единого центра. Власть легитимна до тех пор, пока опирается на низы, но не наоборот. Этот принцип находится в абсолютном противоречии со средиземноморской системой, где любая деятельность осуществляется в направлении из центра к периферии, зато полностью соответствует кельтскому мировоззрению, согласно которому власть осуществляется снизу вверх.

Разгулу Хэллоуина, когда происходит если не отрицание всех принятых ценностей, то, по меньшей мере, их оспаривание и высмеивание, есть и еще одно объяснение — метафизическое. Чтобы построить новый дом на месте старого, необходимо прежде всего снести обветшавшие конструкции. Именно это и происходит вечером 31 октября. Как мы уже говорили, Самайн знаменует конец лета, когда все приходит в негодность и всему наступает распад. Однако относительно целеполагания никаких сомнений быть не может: разрушение необходимо для будущего строительства. Самайн в качестве «нового года» способен стать источником новизны только на фоне предшествующего хаоса. Хаос — необходимый элемент структурирования. Год подходит к концу, и его надо изничтожить, чтобы начать строить новый. По той же причине на карнавальных шествиях конца лета жгли чучело, олицетворявшее уходящее время года.

От алхимиков нам известен древнейший принцип — *Solve et coagula* («Разлагай и соединяй») — на котором базировался первый этап получения философского камня. А что может лучше передавать дух этого разложения, расчленения, разрушения, гротескного и нелепого осмеяния уходящего года, чем парад призраков и прочие сумрачные ритуалы Хэллоуина? В каком-то смысле это похороны старого года — с ним прощаются, отдав ему честь, а заодно *символически* убивают короля, потому что именно он правил весь этот год и уже потому слишком ослаб. Следовательно, участники действия как бы отбрасывают старый порядок и пытаются установить новый, надеясь, разумеется, что он принесет больше процветания и благополучия¹¹², чтобы приблизиться к соответствию божественному порядку, определить который не всегда легко.

Но так происходило далеко не везде, а лишь в Ирландии, изолированной от остального мира, затерянной в Атлантическом океане, лежащей в стороне от обычных экономических, политических и культурных путей Западной Европы. Но в VI веке усилиями энтузиастов, отчасти беспощадных воинов, отчасти — страстных проповедников, одним

¹¹² Тот же принцип характерен для любой «революции», которая сопровождается рядом реальных или символических убийств, чтобы затем достигнуть нового равновесия, новой гармонии. — *Прим. автора.*

из которых был святой Колум-Килле¹¹³, основатель монастыря на острове Айона (архипелаг Внутренних Гебридских островов), произошло политическое и культурное завоевание севера Великобритании, населенного бретонами и пиктами, ирландскими гаэлами. Они принесли с собой название страны (*Скоттия*, то есть Страна скоттов — по имени одного из ульстерских племен), свой язык (гэльский) и свои традиции, как недавно принятое христианство (наследие святого Патрика), так и языческую мифологию (в том числе так называемый оссианский цикл, посвященный королю фениев Финну Маккулу и его сыну Ойсину). В силу исторических обстоятельств эти территории стали хранительницами традиции Самайна, поддерживаемой разными народами, жившими по модели кельтского общества.

Таким образом практики, связанные с древними ритуалами Самайна, продолжали процветать

¹¹³ Важно уточнить, что святой Колум-Килле, он же святой Колумба (для французов и англикан), является историческим персонажем VI века. Он принадлежал к королевской ульстерской семье и после ряда приключений был вынужден укрыться в Шотландии. Его не следует путать со святым Колумбаном — монахом из Бангора и также историческим персонажем конца VI — начала VII века — который во время правления династии Меровингов совершил путешествие в Галлию, способствовал христианизации севера и востока королевства, основал аббатство Люксёй и окончил свои дни в Северной Италии, в Боббио, в еще одном основанном им аббатстве. — *Прим. автора.*

в средневековых Ирландии и Шотландии наряду с литургической практикой празднования Дня всех святых, привнесенной христианскими священниками, и никаких конфликтов между населением и клириками, озабоченными религиозным просвещением своей паствы, не возникало. В ночь с 31 октября на 1 ноября мир мертвых по-прежнему открывался для мира живых, и наоборот, времени не существовало, а призраки — удобное словечко, каким называли бестелесные сущности, жаждущие вступить в контакт с людьми, — получали временную возможность материализоваться и поговорить с родственниками, друзьями и даже незнакомцами, обладавшими даром «двойного зрения».

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХЭЛЛОУИНА

Народный праздник Хэллоуин смог выжить в изолированном пространстве, на северо-западе Европы, в Ирландии и Шотландии. На самом деле он на протяжении долгого времени и не выходил за пределы этого региона и лишь в XIX веке вырвался на волю и начал завоевывать мир, в первую очередь страны англоязычной культуры. Если где и существовали особые обычаи празднования Дня всех святых и сохранялись пережитки кельтского Самайна, то именно там, где говорили на английском языке; здесь же

и укоренился народный праздник Хэллоуин, затем неожиданно распространившийся гораздо шире. Главный вклад в это принадлежит ирландцам.

Ключевым событием, бесспорно, стал страшный голод, охвативший Ирландию в середине XIX века, после того как болезнь поразила картофель, служивший ирландцам того времени основным источником пропитания. В результате этого бедствия погибло много народу, но еще больше было тех, кто попытался уехать из страны — порой преодолевая невероятные трудности — в надежде выжить. В сознании большинства ирландцев, умирающих от голода и нищеты, лучшим местом на земле — сказочным Эльдорато — были Соединенные Штаты Америки. На западе Ирландии, в частности на полуострове Дингл, говорили, что ближайший к ним приход — «это Америка». И это была не шутка, а констатация географического факта. Итак, толпы ирландцев хлынули в Америку, пустили там корни, и многим удалось занять привилегированное положение¹¹⁴.

Если людям не всегда удастся унести на подошвах башмаков частицы родной земли, то свою культуру

¹¹⁴ Ярким, хотя далеко не единственным примером может служить семейство Кеннеди. Президент Рональд Рейган (имя Reagan на гэльском означает «королевский»), а также президент Клинтон тоже имеют ирландские корни. И мы уже не говорим о таких фамилиях, как «Маккарти», «О'Тулл», «О'Хара», «Макквин», «Макдональд», «Макнамара» и прочих, носители которых создали и продолжают создавать Соединенные Штаты. — *Прим. автора.*

и традиции они с собой точно уносят. Ирландцы, а также шотландцы взяли с собой некоторые бытовые привычки и память о древних праздниках, которые старались сохранить, передать детям и распространить в своем окружении¹¹⁵. Так во второй половине XIX века в некоторых штатах Америки, особенно с высокой плотностью ирландского населения, параллельно с Днем всех святых, отмечавшимся со всей строгостью католического обряда, начали праздновать и Хэллоуин. Как и любое яркое действо, пробуждающее самые глубинные, а порой и самые тревожные пласты коллективного бессознательного, этот праздник был не только воспринят терпимо, но и признан официально самыми пуританскими кругами Америки, искавшими собственные мифические корни.

Празднование Хэллоуина, в рамках которого возникло множество вопросов касательно невидимого

¹¹⁵ Если обратиться к совсем другой области, а именно к кинематографу, то возникает вопрос: как так вышло, что именно в США зародился и дал плоды, порой гениальные, жанр *вестерна*, по сути противопоставляющий оседлых «фермеров» и кочевых «скотоводов» либо две соперничающие группировки тех самых скотоводов, оспаривающие друг у друга пользование, если не владение, пастбищами, способными прокормить большие стада? Исследование особенностей классического *вестерна* заставляет вспомнить о лучших образцах ирландского эпоса, например «Похищении быка из Куальнге», в котором отличился герой Кухулин. См.: J. Markale, *Le Héros aux cent combats*, vol. 3 de La Grande Épopée des Celtes, op. cit.

мира, интересовавших не только потомков кельтов, выплеснулось за пределы ирландского эмигрантского сообщества и захватило другие слои населения, преимущественно англоязычного. Так, Хэллоуин быстро привился в англоязычных провинциях Канады, но лишь к 1920–1930-м годам эта «культурная» зараза достигла франкоязычного Квебека. После Второй мировой войны, когда огромные массы людей вынужденно перемещались с места на место, этот процесс ускорился. Он продолжается и по сей день и даже не думает останавливаться.

Можно в общих чертах обрисовать процесс географического распространения Хэллоуина. Отправной точкой, естественно, будет Ирландия, где сохранились гаэльские традиции, но доминирующим языком стал английский. Изначально ирландцы верили, что в Хэллоуин, накануне Дня всех святых, покойники получают возможность являться в мир живых (поскольку открываются курганы) и общаться со своими родственниками и друзьями. С другой стороны, эти существа, внезапно явившиеся из Иного мира, пугали людей: что, если им взбредет на ум утащить вас с собой? Вот почему в ночь Хэллоуина не рекомендовалось выходить из дома. Но многие люди, с симпатией относившиеся к несчастным заблудшим душам, оставляли двери своих домов приоткрытыми, словно приглашая гостей из Иного мира заглянуть на огонек — при условии соблюдения правил, принятых хозяевами. Чтобы показать

призракам, что им здесь рады, люди разводили огонь в очаге и оставляли на столе еду: пусть гости согреются и утолят голод. За этим обычаем ясно угадывается забота живых о страждущих душах из потустороннего мира и желание хоть немного облегчить их судьбу, что полностью соответствует рекомендации Католической церкви молиться за тех, кто мучится в Чистилище.

Из Ирландии Хэллоуин перекинулся в Шотландию — страну с такими же глубокими газэльскими традициями и доминированием английского языка. Но здесь его проявления приняли немного другой вид, вероятно потому, что шотландцы — по большей части пресвитериане, то есть кальвинисты, и считаются гораздо большими, нежели ирландцы-католики, «рационалистами». Вечером Хэллоуина к ним являлись не сами покойники, а молодые люди, изображающие призраков. Они прятали лица за масками и покрывалами либо замазывали их сажей и надевали длинные белые балахоны или карикатурные наряды из соломы. Постепенно эта роль перешла к детям, которые несли с собой вырезанные из репы или свеклы фонарики со свечкой внутри, символизирующей угасающую душу мертвеца. Дети требовали сладостей — из угощения, приготовленного для усопших.

Обычай понемногу обрстал своими собственными правилами, а начиная с середины XIX века перебрался через Атлантику — в первую очередь благодаря

массовой эмиграции ирландцев, но также под влиянием шотландцев, переселившихся в Новую Шотландию (бывшую Акадию), где между англо- и франкоязычными жителями установились на редкость гармоничные отношения. В каком-то смысле католический ирландский дух, нацеленный на оказание помощи умершим, материализовался в гротескных шествиях, заимствованных у шотландцев, которым пуританское сознание не позволяло всерьез поверить, что в вечер Хэллоуина к ним в самом деле являются души почивших предков.

Именно в это время появляется *Jack O'Lantern* — Тыквоголовый Джек — самый яркий символ праздника и непременный участник маскарадных шествий. Выдолбленная тыква с вырезанными, как у черепа, глазницами и зубами и вставленной внутрь зажженной свечой олицетворяла «заблудшую душу» — ирландца, согласно легенде, не нашедшего себе места ни в Аду, ни в Раю и вынужденного вечно скитаться на земле.

Шло время, и вот уже за Тыквоголовым Джеком следовала веселая стайка странно одетых ребятисшек с размалеванными лицами; они стучали в двери каждого дома и требовали яблок и орехов, символизирующих познание и бессмертие. На фасадах домов или в окнах красовались более или менее жуткие изображения черных котов, призраков, уродливых ведьм и, разумеется, корчили свои дьявольские рожи пустые тыквы со свечой внутри — изготовленные

своими руками, натуральные, или пластиковые, купленные накануне в ближайшем гипермаркете или в магазинчике «приколов».

А потом Хэллоуин совершил еще один вояж через Атлантику, но уже в обратном направлении, — к великой радости детворы Европейского континента, охотно включившейся в игру и показавшей себя достойными преемниками древних традиций. Бешеному успеху Хэллоуина, который мы наблюдаем в наши дни, есть только одно объяснение — американо-кельтская модель идеально совпала с латентными устремлениями жителей Западной Европы, хранившими в коллективной памяти воспоминания о старинных ритуалах, на протяжении долгих веков подвергавшихся жестокой цензуре и прямому подавлению и терпеливо ждавших своего часа, чтобы возродиться во всей красе.

ВЕРОВАНИЯ, РИТУАЛЫ И ЗАКЛИНАНИЯ

На самом деле довольно трудно отделить то, что ведет происхождение от христианского Дня всех святых, от того, что навеяно собственно языческой традицией. Здесь все так перемешано, словно народное сознание воспринимает как противоестественную и отказывается признавать границу между профанным и сакральным, реальным и воображаемым, законным

и незаконным, между слезами и смехом, наконец, между жизнью и смертью.

В общем и целом во всех деревнях считают, что ночь Хэллоуина принадлежит покойникам. Известно — и многие видели это своими глазами — что мертвецы в эту ночь выходят из могил и спешат в церковь, молиться. Известно также, что несчастные страждущие души, явившиеся из Чистилища и даже из Ада, сплетаются в братских объятиях, а затем выстраиваются цепочкой и двигаются вдоль дорог туда, где когда-то жили, чтобы потребовать от оставшихся в живых молитв и угощения. Бретонская поговорка утверждает, что в эту ночь «в любом доме больше душ, чем песчинок на морском берегу».

Подобные верования распространены не только в Бретани. Та же традиция жива в Вогезах — области, изначально заселенной кельтами. Здесь говорят, что человек, вышедший из дома в ночь накануне Дня всех святых, и шагу не сделает, чтобы не наступить на мертвеца, так много их собирается. Иногда кто-то видит, как со склона холма скатывается горящий шар — это чья-то заблудшая душа просит, чтобы за нее помолились. И люди добавляют: «Горе тому, кто не поймет ее немой мольбы, потому что отныне его будут преследовать страхи и беды, а главное — ему повсюду будет чудиться отвратительный запах горелого»¹¹⁶.

¹¹⁶ A. Sauvé, Le Folklore des Vosges.

Нельзя не заметить, насколько в этих народных верованиях все перемешано — День всех святых, День поминовения усопших, собственно Хэллоуин. Здесь мы снова сталкиваемся с такой характеристикой Самайна, как упразднение времени: три дня и три ночи символизируют период, когда обычного чередования света и темноты больше нет. Католическая церковь пыталась «очистить» празднование Дня всех святых, исключив из него наиболее опасные элементы, объявленные «дьявольским суеверием», но это ей не удалось. Эти нехорошие элементы, заимствованные из традиции Самайна, нашли себе место в популярных верованиях народов всех стран, и, каким бы страшным ни выглядело их практическое воплощение, оно показывает, что главным содержанием праздника является коммуникация между двумя мирами.

Как пишет в своей книге Совэ, все в тех же Вогезах — гористой местности, культура которой, как ошибочно считается, сформировалась под германским влиянием (на самом деле в Вогезах находили себе прибежище народы кельтского происхождения), — в ночь накануне Дня всех святых люди открывают окна и стелют перед ними постели: «чтобы дорогие покойники могли переночевать у себя дома». В некоторых эльзасских селениях бытовал обычай ставить перед камином корзинку с орехами, давая призракам возможность подкрепиться. Но главное, никто не выходил на охоту, чтобы случайно

не ранить скитающуюся душу, которыми в этот период кишмя кишел лес.

Еще один запрет, существующий не только в Вогезах, но и в Бретани, касается земляных работ. Всаживая в землю лопату, садовник практически делает то же, что могильщик, а этого лучше избегать. Кроме того, при вскапывании земли можно наткнуться на кости старого захоронения, а это дурная примета, если только в тот же день, то есть в вечер Хэллоуина, не бросить в почву семена, лучше всего пшеницы. И тогда «все поминаемые назавтра святые благословят поле». Как видим, здесь христианская тема смерти и воскресения находит вполне конкретное проявление, соответствующее ожиданиям сельского населения с его точным календарем полевых работ, подчиненным космическим ритмам.

Впрочем, во время Хэллоуина эти космические ритмы могут быть нарушены по причине искажения времени. В Оверни рассказывают, что утром Дня поминовения усопших солнце встает не на востоке, как обычно, а на западе: «Свет, предшествующий восходу солнца, загорается с западной стороны»¹¹⁷. В этом наблюдении нет ничего удивительного, потому что у всех народов Античности, включая кельтов, греков и египтян, царство мертвых располагалось где-то в окружающем мир огромном океане, там же, куда отправлялось на ночь солнце. В Хэллоуин мертвые

¹¹⁷ *Revue des Traditions populaires*, XIII, p. 99.

возвращаются, и солнце «естественным образом» встает на западе.

Меняется не только ход времени, меняется и погода — еще одно свидетельство восстания стихий против судьбы. Конец октября — начало ноября — это пора туманов, сырости и ненастья. Заблудившегося путника может застать ливень, который превратится в снег и заметет все тропы. Опасности подстерегают повсюду. Согласно поверьям, бытующим у некоторых европейских народов, в эти дни «архангел Гавриил [...] приподнимает ногу, которой придавливают плененного демона и дает этому исчадию ада и врагу человеческому краткую возможность мучить людей»¹¹⁸. Казалось бы более логичным, чтобы сатану на время выпускал в мир архангел Михаил, но в конце концов это не так уж важно, главное, что темные силы получают шанс ненадолго проникнуть в мир живых.

Особенно опасны в период Хэллоуина морские путешествия. На нормандском побережье рассказывают, что однажды, когда люди недостаточно молились за упокой душ погибших в кораблекрушениях, среди ночи на море поднялся шторм и волны на страшной скорости понесли к берегу корабль с поломанным такелажем, рванными парусами и покосившейся

¹¹⁸ A. de Chesnel, *Dictionnaire des superstitions, erreurs, préjugés et traditions populaires où sont exposées les croyances superstitieuses des temps anciens et modernes*, tome XX de l'*Encyclopédie théologique*, Paris, 1856.

мачтой — один из тех, что затонули в минувшем году. Его пришвартовали в порту, но утром, с первыми ударами колокола ближайшей к порту церкви, на побережье опустился густой туман. Когда же туман рассеялся, то и корабль, и его команда исчезли без следа. Разумеется, взойти на корабль никто из живых не осмелился. Также считается, что нельзя выходить в море в вечер Хэллоуина и в День поминовения мертвых, потому что есть риск встретиться с кораблем-призраком, а минуя острые скалы, услышать пение сирен, что в принципе не может закончиться добром. В Бретани утверждают, что столь безрассудным морякам в каждой волне будет чудиться мертвец¹¹⁹. А уж те, кто осмелится в эту ночь заняться рыбной ловлей, увидят у себя в лодке собственного двойника, который будет повторять каждое их движение. Когда рыбаки вытащат сети, в них будет не только рыба, но и кое-что еще: человеческие черепа и кости и даже целые трупы¹²⁰.

По сути Хэллоуин — из-за фокусов со временем и взаимной коммуникации двух миров — считается периодом «безделья». В этот день не следует заниматься домашними делами, особенно стиркой, потому что это может привести к смерти в будущем году одного из родственников. Почему? Потому что, стирая простыни, человек как будто стирает собственный

¹¹⁹ *Dictionnaire des superstitions*, Forcalquier, 1967.

¹²⁰ *Ibid.*

саван. Не рекомендуется также подметать пол, чтобы случайно не поранить заблудшую душу, и та затем может отомстить. Отметим, что все эти верования, связанные с присутствием душ умерших в три ночи Хэллоуина-Самайна, касаются строгих запретов, нарушение которых способно навлечь проклятие на человека и его близких.

На континенте во многих областях в День всех святых не пекли хлеб. Считалось, что того, кто его отведают, ждут несчастья. Но вот в Шотландии и в Англии существовал обычай печь «*soul cakes*», то есть «пирожные для духов» — небольшие круглые булочки, которые кондитеры продавали как талисманы. Ели их, как правило, за ужином в День всех святых. За столом было принято вести беседы с умершими родственниками, молиться за них и выпивать за их здоровье. В Бретани остатки трапезы — чаще всего ржаные лепешки и простоквашу — оставляли на столе в качестве угощения для душ, которые могли заглянуть на огонек. Перед сном в камин клали особое полено — *kef ann anaon*. На Корсике поступали проще и ставили на стол горшок с водой, чтобы духи могли утолить жажду, а вот в Северной Италии многие вообще не ложились спать, хотя стелили постель, чтобы «гости» отдохнули от своих долгих странствий.

В Хэллоуин по всем дорогам бродят толпы призраков, поэтому не следует оставлять на ночь в поле лошадей: вдруг мертвецы захотят на них покататься. «На следующий день лошади будут так измучены,

что их придется целую неделю держать в стойле и не выгонять на работу»¹²¹. Так же опасно в ночь Хэллоуина впрягать в повозки быков, потому что покойники могут использовать их как транспортное средство для поездки домой, а их дом может находиться очень далеко. Но главное, не бросать на пастбище коров — духи выдоят их до последней капли молока.

Поскольку в Хэллоуин происходит взаимопроникновение двух миров — видимого и невидимого — это лучшее время для гадания, во всяком случае, для тех, кто наделен «двойным зрением». Если хочешь узнать, кто в будущем году умрет, ступай в церковь или на кладбище; мертвецы имеют привычку в эту ночь собираться вокруг ковчежца с мощами и, если их попросить, зачитают список тех, кому вскоре суждено присоединиться к их компании. Но есть и другие способы получить интересующую вас информацию (в Бретани говорят о «знамениях»), правда, она, как правило, касается печальных событий. В Орийяке (департамент Канталь) «в ночь на 2 ноября, как только пробьет полночь, призраки жителей, которым предстоит умереть в будущем году, по одному проходят через ворота аббатства Сен-Жеро и медленным шагом направляются на кладбище. Там их встречает Смерть, берет каждого за руку и подводит к могиле, в которой они будут похоронены»¹²². Впрочем, в Великобритании давно зна-

¹²¹ Van Gennep, *Manuel de folklore contemporain*, Paris, 1943–1958.

¹²² *Revue des Traditions populaires*, VIII, p. 122.

ли, что в ночь Хэллоуина, едва часы пробьют полночь, в церквях появляются силуэты будущих покойников.

Но способы предотвратить смертельную угрозу тоже есть. В Шотландии в дверях церкви ставили человека, который при виде призрачной фигуры, пытающейся проникнуть внутрь, должен был снимать с себя что-нибудь из одежды и бросать в нее. В других местах довольствовались тем, что разводили на площади большой костер — очевидный пережиток ритуала Самайна — и тем самым отпугивали злых духов. Но самое надежное — окропить призраков святой водой: от нескольких капель они мгновенно рассеются в тумане.

Поскольку христианству так и не удалось вытравить из народной памяти образы языческих богов, пришлось их демонизировать: все, что не является частью христианской религии, есть дело рук дьявола. Но дьявол, как известно, только и думает, как бы навредить людям, и потому в ночь Хэллоуина посылает на землю своих присных с заданием привести с собой как можно больше душ. Манихейство тоже никуда не девалось, и борьба между божеством света Ахурамаздой и божеством тьмы Ариманом по-прежнему продолжается, хотя и ведется силами посредников. Каждый человек должен сделать выбор в пользу того или другого лагеря и не поддаваться на искушения, которыми его увлекают слуги сатаны. Люди в ночь Хэллоуина надевают жуткие маски, чтобы напугать злокозненных духов — или

притвориться, что они «свои». Есть и другие способы противостоять злой судьбе.

Нельзя не видеть, что отношение к существам из Иного мира отличается двойственностью, однако долгом каждого человека всегда считалось стремление сделать невозможное и попытаться спасти души тех, кто обречен на вечное скитание и вечные муки. В основе ритуалов Самайна лежало желание возродить к новой жизни отдельных людей и придать новый импульс развитию общества, для чего следовало войти в контакт с обычно невидимыми сущностями. Та же идея возрождения сохраняется и в праздновании Хэллоуина, но в перевернутом виде: в рамках христианской концепции милосердия уже живые должны позаботиться о благополучии мертвых.

На этой «миссии» настаивают все народные сказки, сохранившиеся в изустной традиции на территории Западной Европы¹²³. Они отличаются одна от другой в деталях в зависимости от места и эпохи, но подчиняются единой схеме. В результате стечения ряда обстоятельств однажды ночью (это не

¹²³ Многочисленные примеры можно найти в замечательной книге Анатоля Ле-Браза «Легенды о Смерти Нижней Бретани» (Anatole Le Braz, *La Légende de la Mort en Basse-Bretagne*), постоянно переиздающейся и ставшей классической. В ней приводятся только бретонские сказки, но они имеют универсальное значение. Другие сказки подобного типа см. в: J. Markale, *Contes de la Mort des pays de France*, Paris, Albin Michel, 1994. — Прим. автора.

уточняется, но ясно, что речь идет о ночи Хэллоуина) некий мужчина попадает в Иной мир. В некоторых вариантах сказки он присутствует на мессе и в момент сбора пожертвований лезет в карман, но не находит ни одной монеты. В других вариантах он бродит по улицам какого-то города и видит торговцев с разным товаром. Они предлагают ему что-нибудь купить, и опять оказывается, что у него нет денег. Торговцы прогоняют его, осыпая оскорблениями, а встреченные прохожие его проклинают. По возвращении в мир живых он узнает, что если бы он пожертвовал в церкви хотя бы одну монету или купил бы у торговцев хотя бы одну вещь, то спас бы множество душ. В сказках подобного типа с явным христианским подтекстом, тем не менее, ясно прослеживается преемственность с Самайном: в эту ночь происходит коммуникация и взаимообмен между двумя мирами. В христианском понимании это означает единение всех святых, как давно ушедших, так и ныне живущих, и грядущих, в мире, где не существует ни времени, ни пространства.

Наверное, детишки, которые, переодевшись призраками, вечером 31 октября обходят соседей, требуя сладостей, фруктов или монетки, очень удивились бы, если бы им сказали, что своими действиями они вносят вклад в спасение заблудших душ. Между тем, символический смысл всех этих веселых карнавальных шествий, бросающих вызов мрачной непреклонности

судьбы, именно таков. Дети *играют в призраков*, это несомненно. Но совсем бессмысленных игр не бывает. Получая что-то от других людей, дети, сами того не понимая, устанавливают символическую связь между двумя мирами — видимым и невидимым. Вот почему в маскараде на Хэллоуин не только нет ничего кощунственного, напротив, он представляет собой сакральный ритуал, корни которого уходят вглубь веков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ИЗГНАНИЕ СМЕРТИ

Замечательный валлийский поэт Дилан Томас, писавший на английском языке, в 1950 году, незадолго до смерти, опубликовал удивительный сборник стихов, озаглавленный «Deaths and Entrances», что можно приблизительно перевести как «Смерть и инициации». Дилан Томас работал в стиле автоматического письма, близкого к сюрреализму, что позволяло ему направлять свое подсознание в путешествие во времени и переноситься во внутриутробное состояние, исследуя каждый уголок этой вселенной, чтобы постичь, что связывает жизнь, какой мы ее ощущаем, и небытие — время, когда нас еще не было, и время, когда нас уже не будет; он воспринимал это метафизическое и философское небытие как ворота в бесконечность. Его стихи трудны для понимания (и еще труднее для перевода), но ему удалось в поэтической форме достигнуть той степени священного опьянения (не секрет, что Томас страдал тяжелым алкоголизмом), позволяющей ему постоянно контактировать с двумя

пластами сознания, то есть погружаться в промежуточное состояние, открывающее доступ и в видимый, и в невидимый мир. Для него (и название его сборника — лучшее тому свидетельство) «смерть — это середина долгой жизни», выход в иное пространство.

Это способ не «приручить смерть», о чем писал Монтень, а изгнать ее, как из души изгоняют дьявола; установить тесную связь между тем, что было *до*, и тем, что будет *после*, показать непрерывность жизни во всех ее видах и состояниях. Именно этот урок преподает нам друидский праздник Самайн и его позднейшие интерпретации, будь то День всех святых или фольклорное буйство Хэллоуина.

Однако Экзорцизм подобного рода сопряжен с определенными рисками. На это намекает английский писатель Райдер Хаггард, автор знаменитых «Копей царя Соломона», в странном романе под названием «Она». Его герой отправляется в исследовательскую экспедицию в Восточную Африку, где находит затерянный город, которым правит таинственная женщина по имени Аэша. Влюбившись в героя, она пытается его соблазнить и утверждает, что он — реинкарнация ее бывшего любовника, жившего во времена египетских фараонов, а ей удалось избежать смерти благодаря сверхъестественным способностям. Но она боится старости, а потому решается совершить обряд омоложения огнем (как тут не вспомнить ритуалы Самайна!). Однако это испытание оказывается ей не по силам: «Она» обретает свой истинный возраст и падает к ногам испуганного

пластами сознания, то есть погружаться в промежуточное состояние, открывающее доступ и в видимый, и в невидимый мир. Для него (и название его сборника — лучшее тому свидетельство) «смерть — это середина долгой жизни», выход в иное пространство.

Это способ не «приручить смерть», о чем писал Монтень, а изгнать ее, как из души изгоняют дьявола; установить тесную связь между тем, что было *до*, и тем, что будет *после*, показать непрерывность жизни во всех ее видах и состояниях. Именно этот урок преподает нам друидский праздник Самайн и его позднейшие интерпретации, будь то День всех святых или фольклорное буйство Хэллоуина.

Однако Экзорцизм подобного рода сопряжен с определенными рисками. На это намекает английский писатель Райдер Хаггард, автор знаменитых «Копей царя Соломона», в странном романе под названием «Она». Его герой отправляется в исследовательскую экспедицию в Восточную Африку, где находит затерянный город, которым правит таинственная женщина по имени Аэша. Влюбившись в героя, она пытается его соблазнить и утверждает, что он — реинкарнация ее бывшего любовника, жившего во времена египетских фараонов, а ей удалось избежать смерти благодаря сверхъестественным способностям. Но она боится старости, а потому решается совершить обряд омоложения огнем (как тут не вспомнить ритуалы Самайна!). Однако это испытание оказывается ей не по силам: «Она» обретает свой истинный возраст и падает к ногам испуганного

Иногда, впрочем, случаются и удачи, хотя герой подвергается испытанию не по своей воле. Хороший тому пример — бретонская сказка «Сага об Ианне». Молодой человек, появившийся на свет в необычных, прямо скажем, обстоятельствах, при помощи колдуна отправляется в путешествие с заданием принести бретонскому королю некий волшебный предмет, без которого тот не сможет жениться на загадочной и крайне требовательной принцессе. С честью пройдя все испытания, он возвращается домой, но тут принцесса подговаривает короля живьем сжечь молодого человека на костре. Ему на помощь приходит колдун, в некотором роде его духовный отец (выступающий в обличье коня!), и дает ему волшебное снадобье. Парень натирается этим снадобьем и не только выходит из огня целым и невредимым, но и обретает невиданные красоту и ум. Иначе говоря, перед нами — результат полной *регенерации* героя. Принцесса требует, чтобы король подвергся тому же испытанию; тот смело шагает в костер и в нем сгорает. Принцесса выходит замуж за героя, который, пройдя все этапы инициации и бросив вызов смерти, преображается и переходит на высший уровень сознания¹²⁵. Но разве не о том же пишет Дилан Томас?

Эта странная сказка, бесспорно, представляет собой одну из фольклорных реминисценций ритуала

¹²⁵ См.: J. Markale, *La Tradition celtique en Bretagne armoricaine*, op. cit.

Самайна, в ходе которого королевская власть проходит испытание огнем: «старый король» гибнет, но лишь для того чтобы возродиться более сильным и с еще большей энергией обеспечивать процветание своему народу. Та же тема возникает в ирландской повести «Опьянение уладов» и во второй ветви валлийского эпоса «Мабиноги». Подобных сказок, передававшихся из уст в уста, существует множество, и не только в бретонской традиции, но и в культуре всех народов Западной Европы. Еще раз вспомним принцип алхимиков: «*Solve et coagula*» («Разлагай и соединяй»). Избавиться от смерти можно единственным способом: раствориться в ней и возродиться в новом состоянии.

Возникает вопрос: необходимо ли пройти некий обряд посвящения, «чтобы успешно преодолеть все этапы «умирания и возрождения»? Ответа на него у нас нет. В «Тибетской книге мертвых» («Бардо-Тхёдол») говорится о постепенной инициации, благодаря которой душа в момент отделения от тела может избежать встречи со злокозненными существами, стремящимися сбить вновь умерших с верного пути в Иной мир. «Бардо-Тхёдол» дает конкретные рекомендации, как душе побороть искушения и не поддаться ложной иллюзии, что она все еще продолжает существовать в материальном мире. Кельтская традиция в этом отношении более осмотрительна и утверждает, что контакт с невидимым миром происходит сам собой и не требует особой подготовки.

Урок, который нам дает ирландская повесть «Приключения Неры», заключается в том, что проникновение в Иной мир может происходить помимо воли человека, а главное — неожиданно для него самого. Когда Нера, повинаясь приказу короля Айлиля, в ночь Самайна идет в пыточную и расталкивает толпу призраков, чтобы завязать ивовый прут вокруг щиколотки повешенного, он не знает, что попадает в другое измерение и другое время, где все вещи воспринимаются иначе. И только женщина из *сида*, ставшая его женой, открывает ему глаза, тем самым давая возможность установить связь между двумя мирами, спасти своих соотечественников от ужасной участи и зажить богато и счастливо.

Концепцию «соскока с крючка», достигаемого естественным путем, без применения каких бы то ни было галлюциногенов, мы находим и в творчестве американского писателя Эдгара Райса Берроуза, автора знаменитой серии книг о Тарзане. Но, возможно, наибольшей метафизической смелости писатель достигает в первом романе из цикла о Джоне Картере. Герой, капитан армии южан Джон Картер — пожилой человек. Однажды вечером он совершал конную прогулку по отдаленным уголкам Аризоны, и его неожиданно охватила слабость, он укрылся в пещере и прилег. Настала ночь. Небо усыпали звезды, но ярче всех светил красный Марс. Вдруг герой почувствовал, что отделяется от собственного тела. Он посмотрел вниз и увидел себя, безжизненно распростертым на полу

пещеры. В этот момент его подхватили светящиеся лучи, испускаемые планетой Марс.

Так он, целым и невредимым, оказался на Марсе, в странном на первый взгляд мире, в котором он, впрочем, скоро освоился. Он пережил невероятные приключения и познал всепоглощающую любовь с «марсианкой». Кульминация наступает, когда он, спасая обитателей Марса от грозящего им удушья (на заводе, производящем воздух, происходит саботаж), теряет сознание и приходит в себя в своем прежнем теле, все в той же пещере в Аризоне, прекрасно помня обо всем, что с ним случилось во время путешествия за пределы Земли. Сон это был или реальность? Автор не дает на это ясного ответа, но во втором романе цикла Джон Картер будет по ночам не отрываясь смотреть на Марс, всеми силами стремясь вернуться на «красную планету», что ему в итоге и удастся.

Преодолеть границу между двумя мирами, имея возможность вернуться из одного в другой, — разве не об этом веками мечтало человечество? Об этой мечте и напоминает нам Эдгар Райс Берроуз. Его часто относят к категории авторов «популярной» литературы, находящейся примерно посередине между научной фантастикой и фэнтези, но без претензии на метафизическую глубину и знание мифологии. То же можно сказать и о многих американских фильмах, в том числе категории Б, посвященных теме Хэллоуина: если завязка еще как-то соотносится с мифами,

связанными с праздником Самайн, то дальнейший сюжет строится на откровенной эксплуатации человеческих страхов перед всевозможными «монстрами» и дальше не идет.

К счастью, есть и другие фильмы, снятые европейскими кинематографистами, в которых Самайн и Хэллоуин показаны в правильном ключе, причем не в лоб, а очень тонко. Примером такого подхода может служить бельгийский режиссер Андре Дельво, сын знаменитого и загадочного художника-символиста (или сюрреалиста?) Поля Дельво. Особого внимания заслуживает его фильм «Однажды вечером в поезде». Главные герои — мужчина и женщина — искренне любят друг друга, но без конца ссорятся; фильм намекает на проблемы с взаимопониманием между представителями валлонской и фламандской культур. Женщина собирается навестить родственников и садится в поезд. Ее муж, блестящий университетский профессор (его великолепно играет Ив Монтан), в последний момент решает поехать с ней. Жена счастлива. В определенный момент муж выходит из купе в коридор, и тут вдруг стук колес стихает. Поезд продолжает катиться вперед, но совершенно бесшумно, а затем останавливается посреди фламандской деревни. Других людей вокруг нет, если не считать смутно знакомого герою философа и некоего молодого человека. Они пускаются в путь через дюны, болота и овраги, пока не попадают в какой-то странный город. Город как будто

вымер, и лишь в одном кабачке наблюдаются признаки жизни. Троица заходит в кабачок. Обстановка там неприятная, а красавицу-официантку зовут Мойра¹²⁶. Вдруг раздается страшный грохот. Когда герой приходит в себя, он видит, что все вокруг в дыму и повсюду фигуры пожарных. Его самого поддерживает медсестра. Он не ранен, просто оглушен. Тогда он понимает, что поезд потерпел крушение. Его ведут в наскоро устроенный морг, где он, рыдая, падает на тело погибшей жены.

Что это — сон (довольно страшный) или реальность? Режиссер ничего не объясняет, оставляя зрителю право судить об этом самому. Но для нас очевидно, что история происходит во время Самайна, когда мир мертвых открыт миру живых, и наоборот. Герой, сам того не сознавая, совершил обряд экзорцизма и побывал — безусловно, в течение доли секунды — в Ином мире. Но что такое доля секунды перед вечностью, одним из свойств Самайна? И герой вернулся в свой мир.

Как правило, подобный опыт переживается в одиночку. Герой фильма Дельво возвращается, но возвращается один. Его спутники по скитаниям по Иному миру сгинули в тумане. Что касается его жены, то в миг, когда «треснула» граница между

¹²⁶ Имя Мойра имеет два значения — греческое и гаэльское. На греческом Мойра — одна из трех богинь судьбы (ср. с римскими Парками). А вот на гальском Мойра — одно из имен Святой Девы Марии. — *Прим. автора.*

двумя мирами, она уже была мертва. Ведь и Эвридика не вернулась из Ада, и Орфею вопреки своему горю пришлось в одиночку проходить обряд посвящения.

Дело в том, что переход в мир Хэллоуина — это и есть обряд посвящения. После него невозможно остаться прежним. Однако одиночество не означает отсутствия провожатого, который, часто прячась в тени, следит за всеми передвижениями неофита в Ином мире. На том же построена техника путешествия шамана в мир духов: ученик шамана пускается в долгий путь к центру лабиринта, преодолевая опасные препятствия; учитель следит за ним, иногда помогая ему, а иногда просто показывая, что есть и другие пути.

Такова главная тема романа английского писателя Джона Каупера Поуиса «Девичий замок». Несмотря на имя — в Уэльсе есть округ Поуис — автор романа был чистокровным англичанином, хотя называл себя большим валлийцем, чем сами валлийцы. Он потратил много времени на изучение кельтской мифологии и даже утверждал, что он — реинкарнация знаменитого барда Талиесина. В «Девичьем замке» мы встречаем персонажа по имени Дад Ноу-Мэн. По настоянию немного сумасшедшего философа Уриена он в поисках неизвестно чего без конца бродит вокруг кельтской крепости эпохи железного века (Девичьего замка) и постоянно сталкивается с разными существами, реальность которых сомнительна. Все

повествование пронизано философскими мифологическими мотивами. Девичий замок — это Замок дев из легенд о поиске Святого Грааля и одновременно ирландской Эмайн Аблах, аналог Авалона, Яблоневго острова из легенд о короле Артуре. У героев говорящие имена. Дад (*Dud*) на валлийском и бретонском означает «некто», Ноу-Мэн (*No-Man*) можно перевести как «никто». Итак, Дад Ноу-Мэн — это «некто, кто пока никто»; тот, кто в своих блужданиях по Иному миру пытается стать «кем-то». Его направляет Уриен, которого зовут так же, как одного из персонажей Артурианы. Кроме того, под очевидным влиянием Андре Жида, автора «Путешествия Уриена» (по-французски «*Voyage d'Uryen*»), Поуис, опираясь на фонетическое созвучие, вкладывает в это имя особый смысл: *d'Uryen* — *du rien* (то есть «ни о чем»). Итак, герой, блуждая в царстве фей (аналог ирландского *сида*) и сталкиваясь с тенями Хэллоуина, не ищет ничего, но находит все.

Тема инициации находит также отражение в романе Рэя Бредбери «Дерево Хэллоуина». Вечером 31 октября группа детей ищет своего товарища. Но тот забрался на волшебное дерево и наблюдает оттуда, как по всей земле дети с радостью празднуют Хэллоуин. Он постепенно проникается духом этого ритуала и начинает понимать его исконный смысл.

Когда он спустится с дерева, у него будет ощущение, что он только совершил паломничество в Иной мир. На самом деле гротескные, шумные и веселые

стайки детишек в вечер Хэллоуина, все эти исчадия ада, ведьмы и колдуны со своими отвратительными атрибутами — не более чем материализация того, что сознательно или неосознанно творится в глубине души каждого человеческого существа. Это еще один способ — смехом, издевкой и в любом случае снижением пафоса — бросить вызов трагедии человеческой судьбы. Смех называют спасительным потому, что он свидетельствует о нашей воле противостоять тому, с чем мы не согласны мириться. Гротеск позволяет низвести врага — в данном случае смерть — до ее истинных масштабов, подчеркнуть, что она слишком мала и незначительна, чтобы рассуждать о ней серьезно.

Но отторжение смерти может происходить и в совсем другой, безмятежной атмосфере. Таково творчество Жюльена Грака — писателя, считавшего себя наследником Шатобриана, немецких романтиков и сюрреалистов. Его книги — это спокойная медитация на тему Самайна и Хэллоуина. В «Замке Арголь» и «Сумрачном красавце» его персонажи существуют в некой пограничной зоне, где невозможно отделить реальность от воображения. В «Побережье Сирта»¹²⁷ он пошел еще дальше, не только наглядно, но и крайне эмоционально показав страх и нетерпение,

¹²⁷ В 1951 году за эту книгу автору была присуждена Гонкуровская премия. За некоторое время до этого он опубликовал эссе, в котором объяснил бессмысленность литературных премий, и от своей категорически отказался. — *Прим. автора.*

с какими люди пытаются разгадать тайну загадочных болот (Сирта) в некоей выдуманной стране, попасть в которую невозможно без волевого стремления в Иной мир, даже если это сопряжено с огромными рисками.

Но наиболее ярко дух Хэллоуина Жюльен Грак в символической форме сумел выразить в короткой повести «Король Кофетуа»¹²⁸, включенной в сборник «Полуостров». История очень проста. Во время Первой мировой войны герой покидает Париж и едет навестить своего лучшего друга. Друг призван в армию и сражается на северо-востоке столицы, но получает увольнение и приглашает героя в свое имение, расположенное неподалеку от Компьенского леса. Итак, герой сходит с поезда и направляется в сторону имения. Там его встречает хорошенькая служанка и объясняет, что его друг пока не приехал, но должен быть с минуты на минуту. Она готовит ему ужин и показывает ему его спальню. Друг все не едет, а за окном слышны глухие раскаты пушечной пальбы. Война совсем рядом, но здесь, в имении, царят тишина и покой и время как будто остановилось. И тут между гостем и служанкой проскакивает искра, и они почти всю ночь занимаются любовью. Утром, так и не

¹²⁸ Повесть была экранизирована (и значительно удлинена) Андре Дельво. Фильм под названием «Встреча в Брэ» вышел на экраны в 1963 году. Неудивительно, что Андре Дельво обратил внимание на этот текст, в котором нашло отражение большинство занимавших его тем. — *Прим. автора.*

дождавшись друга, герой отправляется на железнодорожную станцию. И здесь узнает, что на календаре — День поминовения усопших.

В этом изумительно лаконичном повествовании ни о чем не говорится в лоб и, тем не менее, все сказано. Что это за имение на лесной опушке, из окон которого слышны звуки близкой войны? Жив друг героя или погиб? Но главное, к какому миру принадлежит загадочная служанка? Жюльен Грак не дает никаких объяснений, предоставляя читателю додумать концовку самому, как ему подскажет душа.

В любом случае очевидно, что опыт, пережитый героем в ночь Самайна или, если угодно, в ночь Хэллоуина, не пройдет для него бесследно. Он уже никогда не будет прежним. Он бродил теми же тропами, какими Беатриче вела Данте, в пространстве между Адом и Раем, где видения прошлого перемешиваются с видениями будущего. Он проник в ту же пещеру, где Нерваль¹²⁹, как ему казалось, встретил Фею — или это была Святая? — но, как бы то ни было, она открыла ему тайны Иного мира. *Deaths and Entrances*. Смерть и инициации. Вот что стоит за маскарадной мишурой Хэллоуина.

Сакральное неотделимо от профанного, а народная память, всегда враждебная господствующим идеологиям, сохранила в своих глубинах, чтобы при

¹²⁹ Жерар де Нерваль (1808–1855) — французский писатель и поэт-романтик.

удобном случае сделать явным, то самое естественное состояние, которым так восхищался утопист Жан-Жак Руссо, — состояние, существующее вне времени и пространства и являющее собой всеобщее братство людей и вещей.

Auzon (Озон)¹³⁰, Франция
Июнь 2000

¹³⁰ Auzon (Озон) — коммуна в департаменте Верхняя Луара на юге центральной части Франции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- H. d'Arbois de Jubainville, *Le Cycle mythologique irlandais*, Paris, 1884.
- Alexandre Bertrand, *La Religion des Gaulois*, Paris, 1897.
- Yann Brekilien, *La Mythologie celtique*, Paris, 1980.
- Henri Dontenville, *La Mythologie française*, Paris, 1973.
- Georges Dottin, *La Religion des Celtes*, Paris, 1904.
- L'Épopée irlandaise*, nouv. éd., Paris, 1980.
- Mircea Eliade, *Histoire des croyances et des idées religieuses*, t. III, Paris, 1983.
- James Frazer, *Le Rameau d'Or*, nouv. éd., Paris, 1983–1984.
- Claude Gaignebet, *Le carnaval*, Paris, 1974.
- Dom Louis Gougaud, *Les Chrétientés celtiques*, Paris, 1911.
- Ch. Guyonvarc'h, *Textes mythologiques irlandais*, Rennes, 1980.
- Guyonvarc'h-Le Roux, *Les Druides*, Rennes, 1978.
- Les Fêtes celtiques*, Rennes, 1995.
- Joseph Loth, *Les Mabinogion*, nouv. éd., Paris 1979.
- Olivier Loyer, *Les Chrétientés celtiques*, Paris, 1965.

Библиография

Jean Markale, *La Tradition celtique en Bretagne armoricaine*, Paris, 1975.

Le Christianisme celtique et ses survivances populaires, Paris, 1983.

Le Druidisme, Paris, 1985.

L'Epopée celtique d'Irlande, nouv. éd., Paris, 1993.

Contes de la Mort des pays de France, Paris, 1994.

La Grande Epopée des Celtes, 5 vol. Paris, 1997–1999.

Nouveau Dictionnaire de mythologie celtique, Paris, 1998.

Salomon Reinach, *Cultes, Mythes et Religions*, 4 vol. Paris, 1905–1912.

Léopold-François Sauvé, *Le Folklore des Vosges*, nouv. éd., Rosheim, 1984.

Paul Sébillot, *Le Folklore de la France*, nouv. éd., 8 vol. Paris, 1982–1986.

Jules Toutain, *Les Cultes païens dans l'Empire romain*, vol. III, Paris, 1921.

Arnold Van Gennep, *Manuel de Folklore contemporain*, Paris, 1935–1947.

Revue celtique, Paris.

Ogam, Rennes.

Revue de l'Histoire des religions, Paris.

Revue des Traditions populaires, Paris.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КЕЛЬТСКИЙ ПРАЗДНИК САМАЙН	17
<i>Праздник Самайн в кельтском календаре</i>	21
<i>Ритуалы Самайна.....</i>	35
<i>Смерть и возрождение короля.....</i>	53

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ НОЧЬ	85
<i>Литургические игры на Самайн</i>	88
<i>Взаимодействие с Иным миром</i>	102
<i>Упразднение времени</i>	115
<i>Глубинный смысл Самайна.....</i>	119

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ДЕНЬ ВСЕХ СВЯТЫХ.....	133
<i>Датировка Дня всех святых.....</i>	136
<i>День всех усопших верных</i>	143
<i>Чистилище.....</i>	148
<i>Покровительница «анаонов».....</i>	154

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ТЕНИ ХЭЛЛОУИНА 161

Преемственность Хэллоуина.....164

Распространение Хэллоуина 171

Верования, ритуалы и заклинания 177

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ИЗГНАНИЕ СМЕРТИ 189

БИБЛИОГРАФИЯ 204

Научно-популярное издание

Жан Маркаль

ХЭЛЛОУИН: ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ

Редактор Е. Пучкова

Корректор Т. Самарцева

Компьютерная верстка Е. Климентьевой

Дизайн обложки О. Викторовой

Подписано в печать 18.09.2021. Формат 84×108/32

Печ л. 6,5. Гарнитура «Vollkorn».

Тираж 1000 экз. Заказ 9235.

«Издательский дом “Городец”»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1

www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru

тел.: +7 (985) 8000 366

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14